

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Серж Ютен

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

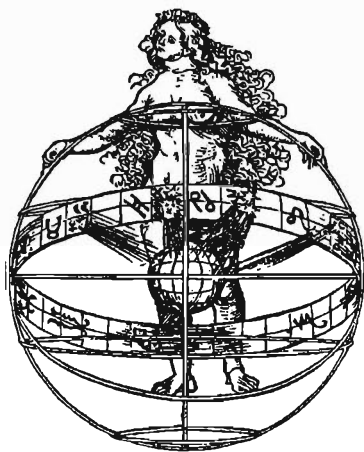
АЛХИМИКОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА

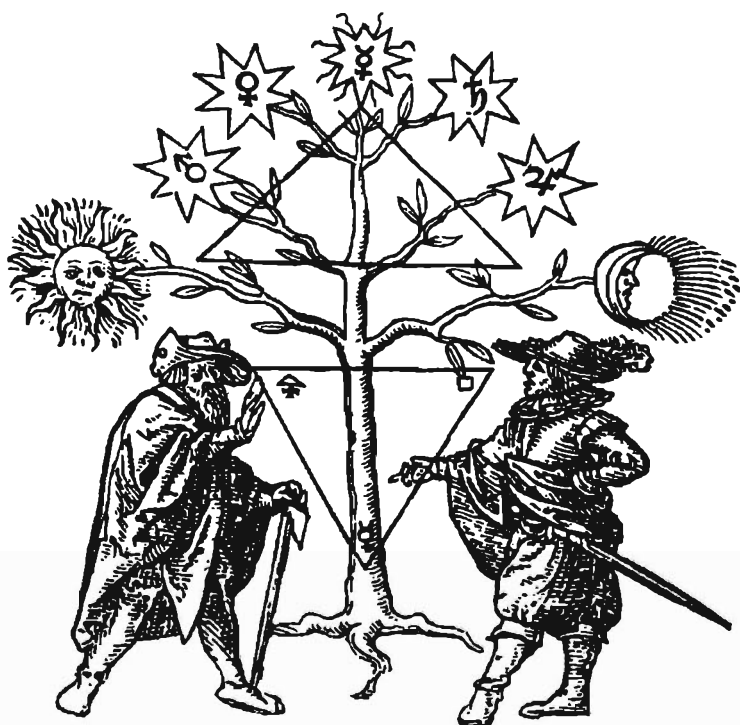
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Серж Ютен

Serge Hutin
LES ALCHEMISTES
AU MOYEN AGE

HACHETTE

ЖИЗНЬ АЛХИМИКОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА

УДК 133.5.54
ББК 86.42
Ю 92

Перевод, вступительная статья
В. Д. БАЛАКИНА

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)

Перевод осуществлен по изданию:
Hutin S.
Les alchimistes au Moyen Age.
Paris: Hachette, 1995.

ISBN 5-235-02734-5

© Librairie Hachette, 1977
© Балакин В. Д., вступительная статья,
перевод, 2005
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2005
© «Палимпсест», 2005

Из всего средневекового, угодливо предлагаемого человеческой памятью или же выплывающего из глубин подсознания, пожалуй, самой «средневековой», то есть — в обыденном представлении — темной, таинственной и непонятной, но вместе с тем и притягательной является алхимия. Хотя зародилась она не в Средние века и не канула вместе с ними в небытие, однако прочно заняла место, как принято говорить, «феномена средневековой культуры». Это вам не какая-то там химия, а загадочная «ал-химия», одним звучанием своего имени воскрешающая в памяти колдунов из сказок «Тысячи и одной ночи». И действительно, арабская приставка «ал» здесь не случайна: именно арабы в ранний период Средних веков не только сохранили тайное («герметическое») знание древних египтян и греков, но и преумножили, а затем и передали его христианской Европе.

Сама же алхимия, наиболее туманная из всех наук, оставленных в наследство потомкам Средними веками, зародилась в Древнем Египте, где знания находились в руках жрецов и посвященных, производивших алхимические опыты в величайшей тайне, в тиши святилищ. По общему мнению (хотя есть и другие точки зрения), и корень в слове «алхимия», соответственно, древнеегипетского происхождения — *khem*, что значит Черная страна, как называли Древний

Египет. Когда греки под предводительством Александра Македонского завоевали эту страну, тайны богини Изиды (отсюда и название «Изида», под которым в начале XX века выходило в России знаменитое оккультное издание) перешли к философам Александрии. Именно там и появились первые дошедшие до нас алхимические трактаты — трактаты об искусстве делать золото... С тех пор алхимия в своей теоретической основе оставалась практически неизменной. В период Великого переселения народов, когда варвары наводнили Европу, судьба герметического знания оказалась в руках арабов. Они-то и придали алхимии тот вид, в котором она начиная с X века стала восприниматься христианской Европой. В этом отношении, как и во многом другом, переломной оказалась эпоха Крестовых походов: крестоносцы принесли на Запад трактаты арабских алхимиков. Со временем у европейской алхимии появились свои славные представители: Алан Лилльский, Альберт Великий, Роджер Бэкон, Фома Аквинский, Раймонд Луллий, Джордж Рипли, Бернар Тревизан, Николя Фламель, Василий Валентин, Исаак Голланд и, уже на рубеже Средних веков и Нового времени, знаменитый врач-алхимик Парацельс.

А затем — постепенно, в течение двух-трех столетий, алхимия угасала в собственных мрачных глубинах. Ее способ объяснять «темное через еще более темное, неизвестное через еще более неизвестное» (*«obscurum per obscurius, ignotum per ignotius»*) был несовместим с духом Просвещения и тем более с развитием в XVIII—XIX веках химии как науки. Утверждения, что алхимия жива и по сей день, можно воспринимать лишь как некий курьез, дань увлечению оккультизмом, тягу к чудесному и таинственному, что, впрочем, органически присуще человеческой природе. Выражение «современные алхимики» не раз встречается на страницах предлагаемой ныне российскому читателю книги С. Ютена, посвященной повседневной жизни средневековых алхимиков Западной Европы. Современные — в смысле живущие в одно время с людьми XX, а теперь уже и XXI ве-

ков. Если и вправду есть такие, то они под стать настоящим средневековым алхимикам-адептам, умевшим держать язык за зубами и не выставлявшим напоказ профанам свое священное искусство.

В наш информационный век мы знаем цену информации, но ценить знание люди умели во все века. Что сейчас скрывается под грифом «Совершенно секретно», то в древности было уделом немногих посвященных, хранивших священные тайны, в коих религия переплеталась с позитивными знаниями об окружающем мире. Символ знания — огонь (прометеев огонь...), который угаснет, если заботливые руки не сберегут его и не передадут грядущим поколениям. Алхимик разжигал в своем атаноре (алхимической печи) огонь и не давал ему угаснуть, пока свершалось таинственное действие Великого Делания, а оно порой непрерывно продолжалось месяцами. Огонь горел в плавильных печах первобытных металлургов, впервые открывавших тайну превращения руды в металл, а металлов в сплавы. Средневековые алхимики — прямые потомки первобытных металлургов и кузнецов, ибо превращение веществ под воздействием огня всегда было великим таинством, к постижению которого посторонних не допускали. Если грязеподобную массу (болотную руду) можно превратить огнем в сверкающую сталь, то нельзя ли из свинца или ртути изготовить золото? Принцип тот же самый — превращение (трансмутация) веществ. Зарождалась златодельная алхимическая утопия, завладевшая умами несметного множества искателей.

Человечество разделилось на тех, кто не терял и не теряет надежды научиться делать золото, и тех, кто не верил и не верит в подобные бредни, подвергая алхимиков осмеянию. В XIII веке Данте определил место алхимику в десятом рву восьмого круга Ада:

Но я алхимик был, и потому
Минос, который ввек не ошибется,
Меня послал в десятую тюрьму*

* Ад, XII, 118- 120 / Пер. с ит. М. Лозинского.

Чосер в своих «Кентерберийских рассказах» (XIV век) в весьма нелестном свете выставил тех, кто предается занятиям алхимией. В «Корабле дураков» Себастьяна Бранта, сатире на феодальное общество XV века, досталось и алхимикам, псевдоученые занятия которых сочетают в себе глупость с мошенничеством:

Алхимия примером служит
Тому, как плутни с дурью дружат*.

Излюбленным мотивом изобразительного искусства эпохи Ренессанса были злополучные алхимики, которых увлеченные поиски способа изготовления золота довели до крайней нищеты.

Действительно, были такие алхимики, преследовавшие узкокорыстную цель научиться превращать простые металлы в золото или на худой конец в серебро. Именно они служили объектом насмешек и ассоциировались в общественном мнении с нищими делателями золота; настоящие же алхимики, носившие почетное звание адептов, презрительно именovali их лжеалхимиками и суфлерами — по названию воздуходувных мехов, которыми те, словно простые кузнецы, посильнее раздували огонь в печи, спеша сварить «философское яйцо», от которого до самодельного золота уже рукой подать... В лучшем случае они оставались ни с чем, до нитки истратившись на бесполезные опыты, а в худшем — взлетали на воздух вместе с печью или безвременно кончали свои дни, надышавшись ядовитыми испарениями.

Так что же такое алхимия — боговдохновенное искусство, как утверждают одни, или же, по мнению других, шарлатанство вперемешку с дуростью? Наиболее распространенным рационалистическим определением алхимии является понимание ее как естественной науки — праматери химии. Такая трактовка древнего герметического искусства не лишена

* Брант С. Корабль дураков / Пер. с нем. Л. Пенъковского. М., 1965. С. 220.

оснований. Средневековые алхимики, экспериментируя в своих лабораториях с «первичной материей» Великого Делания, попутно совершили множество открытий, навечно вписав свое имя в историю химии. С. Ютен приводит краткий перечень наиболее известных открытий в области химии, сделанных самыми славными представителями герметического искусства, и список этот можно было бы продолжить. Вместе с тем не следует упускать из виду и принципиальное отличие алхимии от современной науки химии: тогда как «искусство Гермеса Трижды-величайшего» неукоснительно, вплоть до мелочей, следует традиции, раз и навсегда заведенному канону, задачей химии является открытие нового. Алхимик — традиционалист, химик — разведчик в области незнаемого.

Алхимики искали философский камень, но зачастую находили нечто иное, что, впрочем, приносило порой не меньшую выгоду, чем вожделенное «философское» золото. Впечатляющим примером подобного рода нечаянного открытия служит удача, выпавшая на долю Иоганна Фридриха Бёттгера. Его отец был чеканщиком монет, и этот факт, возможно, наложил свой отпечаток на сознание ребенка, позднее пробудив в нем интерес к благородному металлу. На пятнадцатом году жизни юный Бёттгер поступил учеником в аптеку Цорна в Берлине и усердно занялся химией. Случайно попавшая ему в руки рукопись о философском камне натолкнула его на мысль тоже попытаться счастья на поприще златоделия. Ночи напролет просиживал он в лаборатории, занимаясь химическими опытами, что привело его к ссоре с хозяином и вынудило покинуть насиженное место. Однако ночные бдения не прошли даром, и спустя какое-то время ему удалось заинтересовать князя Эгона фон Фюрстенберга, который взял его с собой в Дрезден и устроил для продолжения его алхимических занятий лабораторию в своем дворце. Однако эксперименты Бёттгера ни к чему не приводили, и князь стал угрожать ему. Тогда злополучный алхимик попытался бежать, но был задержан и под страхом

наказания вынужден был продолжить свои опыты, их плодом явилась некая рукопись, в которой якобы излагалась тайна получения философского камня. Курфюрст Саксонский Август II Сильный, которому была представлена эта рукопись, остался крайне недоволен ею, и Бёттгеру грозило тюремное заключение. С курфюрстом Саксонским шутить было опасно, ибо свое прозвище Сильный он заслужил не даром: железную кочергу толщиной в палец он мог завязать узлом. Благодаря заступничеству одного придворного, питавшего слабость к химико-алхимическим изысканиям, Бёттгеру был дан еще один шанс — ему позволили экспериментировать с глиной, богатые залежи которой имелись в окрестностях города Мейсена. Неведомо, какое золото намеревался извлечь из глины алхимик, однако итогом его очередных экспериментов явился превосходный по качеству фарфор. В 1710 году в Мейсене была открыта мануфактура, и производившийся на ней знаменитый мейсенский фарфор стал приносить доходы, вполне сопоставимые с теми, о коих мечтали искатели философского камня.

Пример Бёттгера показателен во многих отношениях: далеко выходя за хронологические рамки Средних веков, он служит убедительным доказательством живучести алхимии. Подобно Бёттгеру, многие средневековые алхимики, не располагавшие собственными средствами, стремились заручиться поддержкой какого-нибудь знатного и могущественного господина и попадали из огня да в полымя: освободившись от тисков нужды, они оказывались в беспощадных клещах нового господина. Способ превращать в золото простые металлы так и оставался недостижимым (нет убедительных доказательств существования «философского» золота), и разгневанный благодетель вымещал свою злость на неудачливом алхимике. Бёттгеру несказанно повезло, а многие его злополучные собратья (несть числа им...) закончили свои дни на виселице, да не простой, а ради вящего позора позолоченной сусальным золотом — вот куда вело алхимическое златоискательство.

Незадачливого алхимика-суфлера доводила до виселицы его неутолимая жажда золота. Все священное искусство Гермеса Триждывеличайшего для него сводилось к банальной попытке получения рукотворного благородного металла — и ничего более ему не требовалось. Впрочем, и его влиятельные покровители тоже ничего иного не ждали от него. Напротив, «герметические философы», как называли себя настоящие алхимики-адепты, гнушались подобными работами, предаваясь поискам философского камня не из жадности, а из любви к искусству. При этом они руководствовались специальными теориями, которые не позволяли им выходить за пределы, освященные традицией. От алхимика-суфлера более респектабельный алхимик-адепт (якобы преуспевший в таинстве Великого Делания, получивший вожделенный философский камень, убедительных доказательств чего, как уже говорилось, не существует) отличался по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, он умел хранить тайну герметического искусства, не склонен был рассуждать о нем с кем попало. Надлежало сперва удостовериться, что имеешь дело с посвященным, а уж потом открываться ему. Как осторожно Николя Фламель, самый знаменитый, по мнению С. Ютена, средневековый алхимик, искал человека, который мог бы растолковать ему таинственный смысл чудесным образом попавшей к нему в руки «Книги Авраама Еврея»! Хотя в Средние века и существовали многочисленные алхимические трактаты, непосвященный, думавший лишь о легком способе разбогатеть, не мог без посторонней помощи разобраться в них. Во-вторых, алхимик-адепт смотрел на свое искусство шире, не ограничивая себя исключительно поисками способа изготовления золота, хотя и оно отнюдь не было чуждо ему (алхимии сны золотые...). Эта широта взгляда находила свое выражение и в тех определениях, которые «герметические философы» давали алхимии.

Так, Роджер Бэкон в XIII веке писал о герметическом искусстве: «Алхимия есть наука о том, как приготовить некий состав, или эликсир, который, если

его прибавить к металлам неблагородным, превратит их в совершенные металлы... Это наука о том, как возникли вещи из элементов, и о всех неодушевленных вещах...» В том же веке Альберт Великий писал: «Алхимия есть искусство, придуманное алхимиками... С ее помощью металлы, включенные в минералы и пораженные порчей, возрождаются — несовершенные становятся совершенными». Анонимный алхимик XV века, связывая совершенствование металлов с врачеванием человеческого тела, определил алхимию как «искусство, не имеющее себе подобного и поучающее, как доводить несовершенные камни до истинного совершенства, больное тело человека — до благодатного здоровья, а металлы обращать в истинное Солнце и истинную Луну» (то есть в золото и серебро). Резким диссонансом этому звучит мнение историка Иоганна Тритемия, на рубеже XV и XVI веков написавшего: «Алхимия — это целомудренная блудница, никогда ничьим объятиям не отдающаяся, а те, кто домогался ее, уходили ни с чем. Теряли и то, что имели. Глупец становился безумцем, богач — бедняком, философ — болтуном, пристойный человек напрочь терял всякое приличие. Она обещает домогающимся богатство Креза, но в результате — полная нищета, всеобщий позор, всенародное осмеяние*». Парадоксальное словосочетание «целомудренная блудница» как нельзя лучше передает противоречивый характер алхимии: занятие, не совместимое с христианской добродетелью, но вместе с тем и не дающееся в руки любому и каждому; занятие отнюдь не безобидное, сопряженное с потерей чести и нищетой.

На протяжении всего времени, пока существовала (и, как говорят, продолжает существовать) алхимия, не было такой профессии — алхимик. Это слово в массовом сознании заключало в себе презрительно-уничижительный смысл и прилагалось к тем, кто окончательно свихнулся на поисках алхимического

* Цит. по кн.: Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979. С. 20—22.

золота. Настоящие алхимики-адепты, как уже говорилось, не афишировали своих занятий герметическим искусством и предпочитали называть себя философами. Для окружающих, не посвященных в тайны Гермеса Триждывеличайшего, они были добропорядочными тружениками на ниве общепольных занятий. Николя Фламель никогда не прекращал трудиться писарем и в этом качестве был известен парижанам. Парацельс всегда был прежде всего врачом. Поскольку же полусумасшедших алхимиков-суфлеров никто не принимал всерьез, тщетны были бы поиски в городских реестрах цеха алхимиков — такой профессии, такого ремесла, повторяем, не существовало. Примечательно, что в объемистом труде А. Борста, посвященном формам жизненного уклада в Средние века*, в котором имеются специальные разделы даже о прокаженных и убийцах, алхимики не упоминаются.

Адепты, сочиняя свои герметические трактаты, предпочитали выражаться нарочито темно, дабы сбить с толку непосвященных. Допустим, попал в руки некоего неофита, одолеваемого жаждой золота, труд Раймонда Луллия с рецептом получения *философского камня*, и новоявленный *суфлер*, едва сдерживая волнение, открывает манускрипт и читает: «Чтобы приготовить эликсир мудрецов, или философский камень, возьми, сын мой, философской ртути и накаливай, пока она не превратится в красного льва. Дигерируй этого красного льва на песчаной бане с кислым виноградным спиртом, выпари жидкость, и ртуть превратится в камедообразное вещество, которое можно резать ножом. Положи его в обмазанную глиной реторту и не спеша дистиллируй. Собери отдельно жидкости различной природы, которые появятся при этом. Ты получишь безвкусную флегму, спирт и красные капли. Киммерийские тени покроют реторту своим тусклым покрывалом, и ты найдешь внутри нее истинного дракона, потому что он пожирает свой хвост. Возьми этого черного дра-

* *Borst A. Lebensformen im Mittelalter. Berlin, 1999.*

кона, разотри на камне и прикоснись к нему раскаленным углем. Он загорится и, приняв вскоре великолепный лимонный цвет, вновь воспроизведет зеленого льва. Сделай так, чтобы он пожрал свой хвост, и снова дистиллируй продукт. Наконец, сын мой, тщательно ректифицируй, и ты увидишь появление горючей воды и человеческой крови».

Что мог понять из этого зашифрованного текста неофит? Здесь ни одна вещь не названа собственным именем. Что такое «философская ртуть»? Под этим названием могло скрываться все что угодно, начиная с собственно ртути и кончая различными веществами растительного и животного происхождения. Настораживает упоминание человеческой крови, которая должна появиться в результате выполнения всех перечисленных операций. Людская молва гласила, что были такие нетерпеливые добытчики философского камня, которые, дабы облегчить себе задачу и ускорить процесс, прямо брали человеческую кровь, к тому же кровь убиенных младенцев... В таком представлении алхимия сливалась с магией самого мрачного пошиба. Обвинений в магии и безбожии не избежали даже самые видные представители герметического искусства — Роджер Бэкон, Альберт Великий, Арнольд из Виллановы.

А между тем алхимики были весьма набожны. Они делили свое время между изучением ученых трактатов, работой в лаборатории и молитвой. Некоторые из них даже полагали, что тайну изготовления *философского камня* люди получили от самого Бога. Правда, это была набожность особого рода, вызывавшая, как и все непонятное, подозрение со стороны окружающих. Если разносился слух, что некий обитатель городского квартала много часов подряд предается молитвам в своей домашней молельне, вместо того чтобы, как и все добропорядочные миряне, идти к заутрене и на воскресную мессу в приходской храм, на него начинали смотреть косо. Дело же заключалось в том, что для истинного алхимика-адепта многочасовые бдения в лаборатории были неотделимы от молитвенных трудов и духовных уп-

ражнений в молельне — от этого зависел успех Великого Делания.

Герметические трактаты были темны и непонятны для непосвященных, поскольку «философы» преднамеренно их затемняли. Они смотрели на алхимию как на самую высокую из наук, полагая, что алхимия есть искусство из искусств, истинная наука. Подобная наука должна быть известна, по их мнению, только небольшому числу адептов. В Средние века даже корпорации ремесленников имели практические секреты, которые ни один из членов корпорации не отважился бы разгласить, так что уж говорить об алхимии. Алхимики-адепты скрывали свою науку от празднолюбопытствующих. Когда попадался неопит, достойный, по их мнению, посвящения, они указывали ему дорогу, не открывая, однако, всего сразу. Они требовали, чтобы он самостоятельно продвигался к цели, и только наводили его на верный путь и поправляли. Не было ни одного полного описания всех операций Великого Делания, поскольку адепты верили, что могут за это навлечь на себя небесную кару — моментальную смерть.

Сколь бы полным и исчерпывающим на первый взгляд ни был алхимический трактат, в нем обязательно отсутствовала некая деталь, служившая ключом к пониманию целого, и сообщить эту деталь мог только учитель, на поиски которого уходили порой годы, а то и вся жизнь. Николя Фламель, двадцать лет потратив на расшифровку «Книги Авраама Еврея», но так ничего и не добившись (во всем Париже не нашлось знатока алхимических тайн), отправился, уже будучи немолодым человеком, в многотрудное паломничество в Сантьяго-де-Компостела, дабы заручиться поддержкой святого Иакова, слывшего покровителем алхимиков. Там, в Испании, он и встретил долгожданного наставника.

Чтобы скрыть от профанов священную науку философского камня, адепты использовали специальные знаки, которые появились вместе с алхимией. Первыми ввели эти знаки греки, заимствовавшие герметическую науку от египтян, иероглифическое

письмо которых подсказало идею: древнеегипетские иероглифы в слегка измененном виде и стали служить тайными знаками. Зашифрованные таким способом послания алхимиков стали называться иероглифическими фигурами. Древнеегипетский иероглиф («священная резьба») — олицетворение тайного знания. Широкое применение в алхимической тайнописи получили также символы. Так, Феникс был символом истинного *философского камня*, способного обращать металлы в золото и серебро.

Таким образом, в приготовлении эликсира, или *философского камня*, имеющего способность превращать простые, неблагородные металлы в золото или серебро, и состоит главная проблема алхимии. Различали два эликсира: один — белый, превращавший простые металлы в серебро; другой — красный, превращавший их в золото. Вначале за философским камнем признавалось только свойство превращения (трансмутации) металлов, но позднее *герметические философы* признали у него массу других свойств, как то: производить бриллианты и другие драгоценные камни, исцелять все болезни, продлевать человеческую жизнь и даже даровать бессмертие. Обретение реального, телесного бессмертия — высшая цель адепта, что породило множество легенд и преданий об алхимиках, будто бы избежавших этого проклятия всего живого на Земле — смерти. Якобы такова участь и любимого персонажа С. Ютена, многократно и по разным поводам возникающего на страницах его книги — Николя Фламель, а заодно и его супруги, госпожи Пернеллы.

Если алхимики-суфлеры не шли дальше попыток изготовления рукотворного золота, то адепты ставили перед собой более масштабные задачи. Поле их деятельности было все мироздание, все три «царства природы» — минеральное, растительное и животное. Не только человечество страдает от последствий первородного греха, но и все мироздание претерпело первобытное грехопадение, и задача «герметических философов» состоит в том, чтобы избавить мир от негативных его последствий — вылечить с помо-

щью медикамента, в роли которого и выступает философский камень. В результате мир должен возвратиться в блаженное состояние совершенства, якобы существовавшее до всеобщего грехопадения. По сравнению с этой целью мечта о герметическом золоте выглядит приземленной и бескрылой — если забыть на мгновение, что то и другое являлось лишь гранями одной алхимической утопии.

Алхимик словно бы тяготился ограничениями, налагаемыми на него законами реального мира, и неотступно стремился выйти за его пределы. Философский камень (представлявшийся не только в виде собственно камня, например рубина, но и в виде жидкости — эликсира, а также в порошкообразном состоянии, в качестве так называемого порошка проекции темно-красного цвета и довольно тяжелого) не был единственным олицетворением этой тяги к невероятному. Алхимики искали также универсальный растворитель — алкагест, не смущаясь тем обстоятельством, что если бы алкагест действительно все растворял, то уничтожил бы и содержащий его сосуд. Но сколь бы ошибочна ни была гипотеза, порой она помогает открытию истины. Так и алхимики: занимаясь поисками алкагеста, они открыли много более прозаических, но весьма полезных веществ. Алхимики пробовали также извлекать Мировой Дух (*Spiritus Mundi*). Эта субстанция, якобы разлитая в воздухе, насыщенная планетным влиянием, по их мнению, обладает массой удивительных свойств, в частности может растворять золото, чтобы приготовить *питьевое золото* — чудодейственное лекарственное средство, против которого не устоит ни один недуг.

Существует расхожее мнение, что алхимики в своих исканиях продвигались на ощупь, точно слепые. Это справедливо лишь в отношении алхимиков-суфлеров, не знавших иных способов экспериментирования, кроме метода проб и ошибок — ошибок, которые им стоили порой слишком дорого. Что же касается адептов, «герметических философов», то они имели вполне определенные теории. В основа-

нии их концепции лежал великий закон единства материи. Материя, полагали они, едина, но принимает различные формы, комбинируясь сама с собой и производя бесконечное множество новых тел. Эту первичную материю адепты называли также «причиной», «хаосом», «мировой субстанцией». Первичная материя, считали они, не есть какое-либо определенное тело, но обладает свойствами всех тел. Исходя из этого предположения, они допускали возможность трансмутации, то есть превращения металлов — простых, неблагородных — в благородные серебро и золото. Единую материю они подразделяли на три начала — «серу», «ртуть» и «соль», которые представляли собой лишь отвлеченные понятия, применявшиеся для обозначения группы свойств. Так, если металл был желтый или красный и трудно плавился, то говорили, что в нем слишком много «серы». Поскольку же под «серой», «ртутью» и «солью» могло подразумеваться практически все что угодно (а не только химические элементы сера и ртуть и химические соединения, называемые солями), первая проблема, с которой сталкивался алхимик, приступая к выполнению операций Великого Делания, заключалась в том, чтобы определить, из чего должна состоять «первичная материя» его экспериментов.

Наряду с «серой», «ртутью» и «солью» (которые назывались также «философской серой», «философской ртутью» и «философской солью») алхимики признавали четыре элемента: «землю», «воду», «воздух» и «огонь». С точки зрения алхимии четыре элемента, как и три начала, представляют не природные стихии, а состояния материи, качества или свойства. «Вода» служила синонимом жидкости, «земля» — твердого состояния, «воздух» — состояния газообразного, «огонь» — состояния газа, наиболее тонкого, как бы расширенного теплотой. Позднее к четырем элементам прибавили пятый — «квинтэссенцию».

Алхимики работали главным образом с металлами, проводя аналогию между ними и семью известными в Средние века планетами: золото — Солнце, серебро — Луна, ртуть — Меркурий, свинец — Са-

турн, олово — Юпитер, железо — Марс, медь — Венера. Они подразделяли их на металлы совершенные, неизменяемые, каковыми считались золото и серебро, и металлы несовершенные, изменяющиеся в «известь» (окись). Алхимик, совершая определенные манипуляции с несовершенными металлами, намеревался «вылечить» их, привести в совершенное состояние — превратить, например, свинец или ртуть в золото.

Проведение аналогии между металлами и планетами служило точкой пересечения двух оккультных наук — алхимии и астрологии. Каждый алхимик непременно являлся и астрологом, ибо наблюдение за звездами было неотъемлемой составной частью алхимического *делания*. Это современный химик сам решает, когда и как проводить лабораторные эксперименты, алхимик же постоянно ждал указаний от звезд: работу с первичной материей можно было начинать лишь в момент строго определенной конфигурации небесных светил, в дальнейшем неукоснительно сообразуя этапы Великого Делания с положением звезд на небе. При всей простоте инструментария, находившегося в распоряжении алхимика, он, как полагают некоторые исследователи (и эту точку зрения разделяет С. Ютен), мог достаточно точно проводить наблюдения и расчеты, необходимые для того, чтобы этапы его алхимических операций соответствовали фазам небесных светил. Без телескопа тут не обойтись, поэтому возникает вопрос о приоритете: кто же первым сконструировал этот астрономический прибор — Роджер Бэкон или все же, как считается, Галилео Галилей?

В Средние века допускалась абсолютная связь между всем, что происходит на Земле, и планетами. Не случайно алхимики объединили символы семи металлов и семи планет, которые, как считалось, их породили и продолжают оказывать на них влияние. Единство природы проявляется во всеобщей одушевленности: металлы, как растения и животные, имеют душу и подобно им обладают способностью к росту, созреванию. Несовершенство простых метал-

лов по сравнению с металлами благородными объясняется их незрелостью, и алхимик надеялся своим вмешательством ускорить процесс их созревания. Он был убежден, что в его лаборатории в процессе Великого Делания в миниатюре повторяется то, что происходило в природе с момента Творения. «Герметический философ» чувствовал себя демиургом, творцом маленькой вселенной, и вполне искренне был озабочен тем, как бы его *делание* не отозвалось неблагоприятным образом на большой Вселенной, не нарушило от века установленный порядок вещей. Необходимую в этом случае подсказку он и рассчитывал получить от планет, которые не оставят без попечительства вверенные им металлы.

Из множества забытых рецептов и исследовательских приемов средневековых алхимиков можно найти лишь несколько таких, которые заключают в себе хоть какой-то смысл с точки зрения современного химика, тем более что в течение многих веков напряженных самоотверженных усилий так и не удалось получить эликсир — философский камень или «порошок проекции», с помощью которого будто бы было изготовлено искусственное золото (если реалистически посмотреть на свидетельства, якобы доказывающие обратное). Так что же побуждало средневековых алхимиков тратить всю свою жизнь на лабораторные бдения и писание туманных трактатов о «божественном искусстве», если все их усилия сводились к ничтожному результату? Надо иметь в виду, что в те времена еще не существовало ничего такого, что могло бы убедить алхимика в бессмысленности его лабораторных экспериментов, и к тому же он всегда мог обратиться к традиции, которая давала не одно свидетельство достижения замечательных результатов. Более того, он мог видеть, что его усилия не были совершенно напрасны, поскольку побочным продуктом его трудов в лаборатории оказывалось множество полезных открытий.

Однако, сколько бы ни приводилось рациональных доводов в пользу алхимического *делания*, все равно кажется необъяснимым увлечение столь мно-

готрудным, но малорезультативным занятием. Возможно, более убедительные объяснения глубинных причин живучести «герметического искусства» может дать психология*. Алхимия с самого начала имела два лица: одно было обращено к практике химических экспериментов в лаборатории, а другое — к психическим процессам, частично осознаваемым, а частично неосознанно проецируемым и наблюдаемым в различных трансформациях вещества. Начало *делания* не требовало больших усилий (это была, как говорили, «работа для женщины и ребенка»), достаточно было лишь приступить к нему, как утверждается в одном алхимическом трактате, со «свободным и чистым умом». Однако при этом следовало соблюдать одно важное правило: «ум должен быть в гармонии с *деланием*», которое — превыше всего. В дошедших до нас сочинениях алхимиков говорится также, что ради успеха Великого Делания необходимо держать ум и душу широко открытыми, чтобы наблюдать и размышлять, используя внутренний свет, которым Господь изначально озарил природу и человеческие души.

Таким образом, для истинного алхимика-адепта, «герметического философа», цель заключалась не просто в поисках *философского камня*, но прежде всего — в достижении состояния озарения. Ради озарения он предавался аскезе — и близ алхимической печи, и в молельне, где часами напролет продолжались его духовные упражнения. Алхимическая духовность включала в себя медитацию и воображение. Когда алхимики говорили о медитации, они имели в виду не просто размышление, но некий внутренний диалог, живое общение с голосом «другого» в себе — с голосом бессознательного. Воображение являлось актом творческой деятельности алхимика, оказывавшей во время алхимических операций в лаборатории воздействие на преобразования материи

* В частности, аналитическая психология Карла Густава Юнга, который разработал теорию коллективного бессознательного. См. в переводе на русский язык его труд: *Юнг К. Г. Психология и алхимия*. М., 1997.

Великого Делания, вызывавшей их и, в свою очередь, подвергавшейся их влиянию. Таким образом, алхимик общался не только с бессознательным, но и именно с той субстанцией, которую надеялся преобразовать с помощью силы воображения. Его воображение представляло собой концентрацию жизненных сил — физических и духовных.

Проблему для исследователя представляют собой также сны и сны-видения, столь многочисленные в алхимической литературе. Эти алхимические сны и сны-видения можно подразделить на две категории. К первой относятся пересказы галлюцинационных видений, в действительности же представляющих собой искусственные построения. На этом уровне к алхимическим снам можно отнести и воображаемые путешествия, придуманные многочисленными авторами. Рассказы об удивительных путешествиях, совершенных во сне, в ходе которых посещались одно за другим различные места и происходили встречи с диковинными персонажами, имели своей целью представить последовательное протекание фаз Великого Делания — как применительно к операциям, выполнявшимся в лаборатории, так и к этапам, через которые проходил адепт во время духовных упражнений, ведущих к озарению.

Другую категорию составляли видения, действительно посетившие алхимика во время сна. Они служили выражением глубинного характера символических алхимических образов. Их подлинное значение состоит в том, что они основываются на общем богатом и многозначительном фоне, образуемом, выражаясь терминами психологии Юнга, сверхличностным слоем подсознания, в котором сосредоточены архетипы, очевидно, формирующие общий слой бессознательного в психике человека, подлинно коллективную память человечества. Этим мог бы объясняться весьма странный, отмеченный Юнгом факт возникновения алхимических символов в сновидениях людей, далеких от алхимии. Могут существовать и промежуточные формы алхимических снов. Некоторые сновидения, сконструир-

рованные из разрозненных элементов, могут включать в себя и компоненты, проистекающие из реально пережитых галлюцинационных видений, а действительно виденные и затем записанные сны, в свою очередь, могли включать в себя некоторые компоненты, представляющие собой смесь из галлюцинационных видений.

Алхимия, стремясь продемонстрировать соответствие между законами, управляющими, с одной стороны, макрокосмосом, «большим миром», и с другой — микрокосмосом, «малым миром», представляла собой систему, в которой успешная реализация трансмутации металлов была лишь одной из сфер применения тайных знаний и приемов: адепт был человеком, сумевшим достичь, пройдя через ряд удивительных опытов и переживаний, осознания законов, коим в равной мере подчиняются как человек, так и мир, в котором он живет, — оба аспекта проявления Божественной воли.

Первичная материя, основа алхимического «делания», потому и являлась одним из наиболее великих секретов алхимии, что представляла собой неизвестную субстанцию, которая несет проекцию автономного психического содержимого алхимика. Определить такую субстанцию невозможно, потому что проекция индивидуальна и, следовательно, различна в каждом отдельном случае. Для одного алхимика первичная материя — ртуть, для других — руда, железо, золото, свинец, соль, сера, уксус, вода, воздух, огонь, земля, кровь, облако, роса, тень, дракон, Венера и так далее до бесконечности.

Алхимическое *делание*, основа алхимии, представляет собой столь безмерный хаос вещей, рецептов и процедур, что совершенно безнадежно пытаться упорядочить его, хотя часть этой работы имеет практический характер и выступает как последовательность экспериментов с химическими веществами. Редко когда мы в состоянии получить даже приблизительное представление о том, как проходило это «делание», какие материалы использовались и какие результаты были достигнуты. Чита-

тель, как только подходит к наименованиям веществ, теряется в непроглядной тьме — они, как уже отмечалось, могли обозначать все что угодно. Алхимическое значение наиболее часто употребляемых веществ, таких, как ртуть, сера и соль, составляет тайну искусства Гермеса Триждывеличайшего.

Более того, алхимики и сами не всегда понимали друг друга. Все они жаловались на неясность текстов и часто обнаруживали неспособность понять даже символы и символические изображения, общепринятые среди адептов. Алхимик прекрасно сознавал, что пишет смутно, признавал, что нарочно скрывает свою цель, но иначе писать не мог. Хотя алхимические трактаты и создавались ради того, чтобы дать описание процесса химического преобразования (трансмутации) и сделать необходимые указания по его выполнению, очень редко бывало так, чтобы два автора придерживались одного мнения о протекании процесса и последовательности его стадий. Единственное, в чем сходились большинство, заключалось в подразделении процесса Великого Делания на четыре этапа, которые должны были ознаменоваться последовательным появлением черного, белого, желтого и красного цветов.

Густой мрак, которым покрыто алхимическое «делание», объясняется тем, что алхимик хотя и был заинтересован в выполнении собственно химической части лабораторных операций, однако использовал ее для того, чтобы осуществить комплекс психических трансформаций, которые в действительности являлись главной целью работы. Каждый истинный алхимик-адепт, *герметический философ*, формировал для себя более или менее индивидуальный комплекс идей, состоящий из изречений философов и из разнообразных аналогий, заимствованных из основных концепций алхимии.

Алхимики-адепты, чужаясь публичности, стремились к уединению — каждый из них шел к успеху Великого Делания своим путем. Они редко имели учеников, и мало кто из них оставил после себя достойных последователей. Тайные общества были

уделом тех, кто возвысился над вульгарными «суффлерами» и презрел их, но еще не нашел верного пути в адепты. Затворник алхимик-адепт трудился в своей лаборатории не ради славы и богатства, а для постижения некой высшей истины. Конфликты между адептами были редки, а их сочинения — относительно свободны от полемики. Манера, в которой они ссылались друг на друга, показывает их принципиальное согласие друг с другом в главном, даже если они порой и не могли до конца понять друг друга. Причиной подобного миролюбия было, возможно, то, что алхимия для средневековых адептов никогда не являлась способом разбогатеть или взойти на верх сословной пирамиды — это было подлинное Великое Делание, успех которого достигается бескорыстным, самоотверженным трудом. Они считали, что каждый из них старается выразить свое собственное постижение природы в целом, и потому ссылались на высказывания других только тогда, когда в них предполагалось нечто аналогичное. Все они соглашались с оценкой своего искусства как священного и божественного, вследствие чего их работа может быть выполнена только с помощью Бога. Их божественное искусство давалось лишь немногим, и никто не понимал его до тех пор, пока Бог или учитель, ниспосланный Божественным провидением, не объяснял его. Обретенное знание не могло перейти к другим, если они не были достойны этого. Тайный язык знаков и символов позволял адептам общаться только с посвященными, исключая профанов из этого узкого круга.

Написать исчерпывающую книгу об алхимии — занятие столь же безнадежное, как и попытки отыскать алхимический трактат, в котором были бы изложены все секреты *философского камня*. Коротко и ясно можно говорить о простых и недвусмысленных вещах, к числу которых конечно же алхимия не принадлежит. Не случайно в литературе она предстает то как начальная стадия развития химии, то как «феномен средневековой культуры», а то и как разновидность колдовства, черной магии. Цели, которые

ставили перед собой алхимики, столь же грандиозны, сколь и недостижимы — будь то поиски «философского» золота или же герметического бессмертия. Трудно сказать, чего здесь больше — простодушного недомыслия, тщеславия и алчности, которые отличали алхимиков-суфлеров, становившихся объектом насмешек со стороны окружающих и слывших шарлатанами, или же высокомерного стремления алхимиков-адептов, «герметических философов» выйти за пределы пространства и времени, установленные Создателем для простых смертных. Попытка С. Ютена комплексно охватить в небольшой по объему книге жизнь и труды средневековых алхимиков Западной Европы, несомненно, заслуживает внимания. Насколько удалось автору осуществить свой замысел, об этом пусть судят сами читатели, но думается, что каждый, взявший в руки эту книгу, найдет что-нибудь интересное для себя.

В. Д. Балакин

Немецкий хронист XIV века Франц Гасман в таких словах свидетельствовал о чрезвычайном интересе, который в его время вызывал колоритный типаж алхимика, и не только в Германии, но и в самых разных странах христианского мира:

Всяк ныне хочет зваться алхимиком,
Неотесанный дурень, мальчишка и старец,
Цирюльник, старуха, советник болтливый,
С тонзурой монах, священник и воин.

Не правда ли, и по сей день еще при самом упоминании алхимии тотчас же возникает ассоциация с «мрачным» Средневековьем? Потому-то мы и решили, что исследование, посвященное *повседневной жизни алхимиков*, должно ограничиваться хронологическими рамками *Средних веков* — точнее говоря, применительно к Западной Европе, периодом с XII по XV век, хотя алхимиков можно будет встретить и на протяжении всего периода Ренессанса и даже позднее.

Образом средневекового алхимика будут зачарованы романтики. В романе «Собор Парижской Богоматери» Виктор Гюго даст как нельзя более колоритное описание маленькой лаборатории, устроенной в одной из башен собора неутомонным диаконом Клодом Фролло. Ради сопоставления с исторической реальностью есть смысл воспроизвести этот знаменитый пассаж:

Мрачная, едва освещенная конура. ... Помимо большого кресла и соразмерного ему стола здесь были циркули, перегонные аппараты, подвешенные к потолку скелеты животных, глобус, катающийся по каменному полу, конские черепа, всевозможные склянки с трепетавшими в них золотистыми лепестками, человеческие черепа, помещенные на листы тонкого пергамента, испещренные рисунками и письменами, толстые манускрипты, в раскрытом виде нагроможденные друг на друга, без малейшей жалости к ломкому по углам пергаменту; наконец, всякого рода хлам, сопутствующий ученым занятиям, и повсюду среди этого хаоса пыль и паутина... Слева от кресла... большая печь, прямо под слуховым окном. Она беспорядочно уставлена всякого рода сосудами, керамическими колбами, стеклянными ретортами и перегонными кубами...»

Даже если эта фантастическая атмосфера, столь любезная сердцу романтиков* (которую позднее можно будет встретить на уровне массовой культуры в фильмах ужасов), и не имела ничего общего с реальной обстановкой лабораторий XV века, Виктор Гюго довольно точно описал инструментарий, применявшийся алхимиками. Лишь некая атмосфера «запретности» наложилась на реальные факты. Молодой Виктор Гюго, которому в момент публикации его романа исполнилось двадцать девять лет, не довольствовался простым чтением трудов по алхимии, штудированием старинных книг и манускриптов — он непосредственно общался с людьми, которые еще в начале XIX века верили в возможность реализации Великого Делания. Он хорошо знал, в частности, современного ему алхимика Камбриеля¹, от которого и позаимствовал обстоятельные легендарные сведения, связывающие собор Нотр-Дам-де-

* А еще ранее — авторам «готического романа», популярного в Англии в конце XVIII века.

Пари (собор Парижской Богоматери) с тайной алхимической традицией.

Прочитируем еще один пассаж:

«Всякий мог заметить... что он [Клод Фролло] часто просиживал часы напролет на паперти, всматриваясь в скульптуры портала... вычисляя угол, под которым смотрит ворон с левой части портала, устремляющий свой взгляд на то таинственное место в соборе, где, определенно, спрятан философский камень...»

Так что же такое алхимия?

По расхожему определению, это — баснословное, но тем не менее почитавшееся некогда реальным искусство превращения посредством столь ревностно хранившихся в секрете способов свинца в золото, одним словом, искусственное изготовление благородного металла. И мы тоже будем исходить из этого традиционного понимания алхимии, лишь дополняя и исправляя его по мере надобности.

Живописные полотна и гравюры, изображающие алхимиков, занятых «деланием» в своих лабораториях, весьма многочисленны, причем некоторые из них достаточно известны (например, произведения Тенирса). И все же они относятся к более позднему, нежели Средние века, времени, появившись в эпоху Ренессанса и получив распространение в последующие столетия. Если картины, наиболее поздние по времени, весьма фантастичны, то полотна XVI и даже XVII века, как правило, достаточно точно отображают реальность. Можно считать, что, несмотря на сдвиг во времени, они дают точный образ колоритной обстановки, в которой разворачивалась деятельность средневековых алхимиков.

Среди редких иконографических документов, восходящих к Средним векам (да и то к концу этого периода), упомянем рисунок в рукописном «*Ординале*» (XV века), принадлежавшем английскому *адепту**

* Адептами в Средние века называли настоящих алхимиков, преуспевших в своем деле. (Прим. пер.)

Нортону и хранящемся ныне в библиотеке Британского музея²: на нем изображены алхимик и два его помощника, причем фигуры последних вдвое меньше по сравнению с мастером — зримое выражение субординации.

На протяжении всего Средневековья и даже раньше рукописные трактаты алхимиков были весьма многочисленны. Точная датировка большинства из них представляет собой серьезную проблему для историков, однако в некоторых трактатах авторы точно указывают время и место завершения труда. Так, в последних строках *«Источника любителей науки»*, труда алхимика, родившегося в Валансьене, но творившего в столице Лангедока, мы читаем:

Свершил, с охотою приверженный к трудам,
Когда уже не юн я по летам,
В год тысяча четыреста тринадцать,
Когда исполнилось мне дважды по шестнадцать,
А в месяце то было январе,
Во славном граде Монпелье.

Имя сего адепта — Жан де ля Фонтен, возможно, представитель семейства, из которого позднее выйдет знаменитый баснописец. Он занимал судебскую должность (на протяжении своего исследования мы столкнемся с самыми различными родами занятий, коим посвящали себя алхимики, занимая на социальной лестнице места от наиболее высоких до самых низких). Его имя фигурирует даже среди судей, выносивших приговор Жанне д'Арк на процессе в Руане.

Алхимические манускрипты в Средние века чаще всего писались на пергаменте, в ранний период — и на папирусе, иногда на веленовой бумаге и крайне редко на других материалах. Парацельс рассказывал, что ему довелось видеть в Брюнау книгу, написанную на коре грушевого дерева и на восковых табличках. «Длиной в шесть пядей, шириной в три, а толщиной в полторы пяди», хранившаяся в доме некоего гамбургского бюргера, она содержала алхимические максимы Галена и Авиценны.

Лишь начиная с 1480 года, коим датируется первый известный нам западноевропейский алхимиче-

ский трактат, обильно украшенный миниатюрами — «*Aurora consurgens*»³ («*Восходящая заря*»), иллюстрации появляются в сочинениях алхимиков. Чем объясняется подобного рода задержка? Памятуя о том, что алхимию в Западную Европу принесли в начале Средних веков арабы, можно объяснить отсутствие в первых алхимических трактатах рисунков запретом, предписанным Кораном, на изображение людей и животных (за несколькими исключениями, например, в Иране). Однако в скульптуре алхимические символы появляются значительно раньше — в религиозных постройках начиная с XIII века.

Среди алхимических манускриптов, содержащих иллюстрации, попадаются настоящие шедевры, например проиллюстрированный великолепными миниатюрами трактат «*Splendor Solis*» («*Сияние Солнца*»), написанный около 1490 года Соломоном Трисмозином, называвшим себя «наставником» Парацельса в «герметическом искусстве». С момента появления книгопечатания алхимики использовали это изобретение, а с конца XV века выходили трактаты, иллюстрированные гравюрами на дереве.

Очевидно, картина была бы неполной, если бы мы обошли молчанием существование алхимиков, которые после многих лет тщетных поисков впадали в уныние.

Среди свидетельств о разуверившихся приверженцах этого «искусства», в конце концов отказавшихся от несбыточной надежды преуспеть в Великом Делании, упоминается и Генрих Корнелий Агриппа Неттестеймский. Хотя это уже начало эпохи Ренессанса, однако ситуация типичным образом воспроизводит реакцию многих разочаровавшихся средневековых алхимиков. В своей «*Речи о сомнительности, тщетности и заблуждении наук*» Агриппа заявлял:

«Вредоносные угли, сера, навоз, яды и все тяжкие труды вам кажутся слаще меда, пока вы еще не растратили все свое состояние, имение и наследство, пока оные не обратились в прах и дым, и вы все еще тешите себя надеждой узреть в награду за все ваши долгие труды чудесную картину зарождения золота,

обрести вечное здоровье и возвратить себе молодость. Наконец, потеряв время и деньги, вложенные вами в это дело, состарившись, вы, обремененные годами, одетые в лохмотья, изголодавшиеся, вечно вдыхавшие запах серы, испачканные цинком и углем и почти разбитые параличом от постоянной работы с ртутью ... почувствуете себя до того несчастными, что будете готовы продать свою жизнь и саму душу».

Но вернемся к определению собственно целей, кои преследовали средневековые алхимики, равно как и их преемники в последующие времена. Необходимо с самого начала набросать общую картину, которая будет дополняться по мере продвижения нашего исследования.

Наиболее распространенное определение представляет алхимию как *искусство превращения простых металлов в золото*. Действительно, эта *трансмутация* металлов является одним из свойств того, что адепты называют *философским камнем*. У нас имеются даже многочисленные свидетельства, не оставляющие ни малейшего сомнения в том, что производились определенные операции, нацеленные на получение «герметического» золота. Можно найти малоизвестные уточнения в труде «*Два алхимических трактата XIX века*»⁴; стоит порекомендовать также большой современный труд Эжена Канселье «*Алхимия*»⁵. Алхимики всегда прилагали усилия к тому, чтобы превратить металлы, именуемые «простыми», в серебро и золото; более того, в различных европейских коллекциях хранятся монеты и металлы, отчеканенные (по крайней мере, как утверждалось) из драгоценного металла, полученного путем *трансмутации*⁶.

Но давайте посмотрим, была ли трансмутация металлов единственной практической целью традиционной алхимии или хотя бы основным содержанием трудов ее приверженцев. Само слово *трансмутация* имеет в алхимии различные смыслы: трансмутация действительно могла быть не только физической, но и ментальной, даже духовной. В связи с этим приведем определение, данное доктором Х. Спенсером Льюисом в его «*Учебнике для розенкрейцеров*»:

«Трансмутацией можно назвать изменение переменчивой природы материального элемента или переменчивого выражения духовного проявления таким образом, чтобы проявление или выражение после изменения стало другим»⁷.

Более того, даже относительно простой факт трансмутации металлов оказывался бы (на что следует обратить особое внимание) неразрывно связанным со всякого рода верованиями и радикально отличными от нее практиками, сводящимися к рациональным императивам современной науки и техники. Химик Шеврёл понимал это, когда писал в своей статье, опубликованной в мае 1851 года: «Абсурдна ли идея получения благородных металлов путем трансмутации? Наиболее необычным в алхимии является не идея превращения одного металла в другой, а сопутствующие условия, при которых может осуществляться трансмутация».

Труды алхимиков воплощают собой поистине фантастическую процедуру. Алхимик пытается воспроизвести в ограниченных рамках то, что изначально происходило в космическом масштабе, в процессе организации первозданного хаоса под воздействием проникающего *Света*. Здесь мы касаемся ключевого понятия алхимии — *аналогии*, точнее говоря, строгого соответствия между вселенной в целом и тем, что совершается в алхимической лаборатории.

Следует отметить, что этот параллелизм усложняет проблему трансмутации. Так, например, не случайно алхимик принимает во внимание все ритмы *Великой Книги Природы*: времена года, расположение планет, земной, лунный и солнечный магнетизм...

Кроме того, все здание алхимии покоится на традиционном взгляде, радикальным образом противоположном современным научным взглядам — на представлении о *Грехопадении*, грехопадении как мира, так и человека. Амбиции этого *священного искусства* сводятся к великому плану постепенного исправления упомянутого катастрофического падения и возврата к состоянию совершенства. В «*Аспектах традиционной алхимии*» Рене Алло пишет:

«Алхимический театр включает в себя лишь ограниченное количество роскошно наряженных актеров, и пышная отделка их костюмов не должна приводить к забвению того, что цепь остается неизменной. Как раз эта надежда на устранение последствий Грехопадения дает им путеводную нить для осуществления герметических операций. Алхимики продвигаются по пути, ведущему к тому, что можно назвать *восстановлением*, к возврату всей реальности к блаженному первозданному состоянию. Целью алхимиков (в конечном счете) является взятие на себя ответственности за страдающую материю и человека, сотрудничество с Божественным Светом ради ускорения эволюции, возврата в первозданное состояние»⁸.

Превращая простые металлы в золото, адепт совершает воистину чудотворный ритуал материального возрождения. Отсюда проистекают гордые строки *«Философического сонета»*, приписываемого легендарному графу Сен-Жермену:

Пытливый знаток целокупной природы,
Постиг я начала ее и концы,
Я видел в огне златоносные роды,
Как тайну сию познают мудрецы.

Этим словам эхом вторят стихи сонета *«Золотые строки»* из цикла *«Химеры»* Жерара де Нерваля:

В немых созданиях укрылось божество;
И как под веком глаз, чье близится рождение,
Так чистый разум скрыт и в камне, и в растенье*.

Раскрывая ритмы самой жизни, вселенских страстей, *адепт* мало-помалу обретал непосредственное знание о переменных ритмах, регулирующих развитие феноменов, всех чувственно воспринимаемых проявлений. Одним из секретов, ревностно хранившихся алхимиками, как раз и было точное знание этих ритмов, этих переменных проявлений.

* *Нерваль Ж.* Избранное / Пер. с фр. М. Кудинова. М., 1984. С. 44.

Именно об этом точном знании переменных ритмов, регулирующих все оперативные проявления, очевидно, и шла речь (а мы склонны думать именно так), когда средневековые алхимики говорили о *языке птиц*.

Однако спасение минерального мира с точки зрения алхимии неотделимо от возрождения человеческого существа, ветхого Адама, совершившего грехопадение. Трансмутация металлов представляет собой возведение материи на более высокую ступень совершенства — превращение в серебро, а затем и в золото, в «королеву и короля металлов». Но, учитывая великий закон аналогии, совершаются и другие операции, параллельные или последующие, гораздо более секретные, поскольку они предназначаются для успешного осуществления Великого Делания во всех других аспектах, помимо минерального царства: речь идет о возрождении всех жизненных сил человеческого существа, о возвращении ему всех благ, дарованных Богом.

Человек, наиболее совершенное существо в царстве животных, аналогия золота, верха совершенства в минеральном царстве, содержит в себе зачатки абсолютного совершенства, некогда утраченного, которое теперь должно быть возвращено средствами алхимии: адепт, восстанавливая в себе славное состояние Адама до грехопадения, переходил тем самым из естественного состояния в состояние благодати. Он намеревался возратить себе утраченное *бессмертие*, совершив великую метаморфозу — через *смерть и воскресение* падшего Адама, — позволяющую человеку вновь стать божественным существом, каковым он является в потенции и каким был в самом начале нынешнего цикла проявления. Благодаря этому проясняется смысл знаменитой герметической «загадки», содержащейся в одном таинственном алхимическом тексте: *«Aelia Laelia Crispis»* есть мое имя... Вот могила, не вмещающая в себя трупа, и труп, не заключенный в могилу. Труп и могила составляют одно». Человек может и *должен* понимать себя как особая материя герметического Великого Делания. Конечно, алхимик должен был заниматься

деланием в лаборатории и применять *философский камень* к минеральной природе, прежде чем использовать его для себя самого, однако трансмутация металлов (сколь бы трудно ни было достичь ее) в действительности оказывается предварительным этапом на пути к тому, что служит главной целью: к возрождению, полному *освобождению* самого адепта. Традиционная алхимия, совершенно естественно, встанет на гораздо более широкий путь: адепт надеялся постичь магические секреты, которые позволили бы ему совершенно реально избежать безжалостного лабиринта чувственно воспринимаемой видимости, столь замечательно охарактеризованного в следующих строках греческого алхимического манускрипта, хранящегося в соборе Святого Марка в Венеции:

«Он каждодневно совращает тебя с пути, он дразнит тебя и насмехается над тобой, возвращая тебе надежду, подобно сну, обманывающему тебя напрасными видениями, вплоть до того момента, когда отведенное тебе время истечет и смерть, покрывающая все мраком, увя, заберет тебя, не позволив тебе достичь поставленной цели».

Именно благодаря своей «*высокой науке*» алхимик надеялся повстречать удачу, которая позволила бы ему достичь великого освобождения — шагнув в него из этой жизни через ряд чувственно воспринимаемых проявлений, преодолевая даже силу, повелевающую всей фантазмагорией иллюзий.

Но разве традиционная алхимия не предполагает всегда наличие секретной, точной «техники» озарения? И в силу самого этого факта — магии?

Во всяком случае, прежде чем продолжить наше исследование, необходимо проследить происхождение трудов, чаяний, фантастических надежд средневековых алхимиков — и их последователей, особенно в эпоху Ренессанса, которые, учитывая и новые течения в европейском обществе, продолжали разделять мечты, надежды и труды своих предшественников.

ИСТОКИ АЛХИМИИ

В Средние ли века впервые появилась колоритная фигура алхимика? Вовсе нет. К тому времени, когда это оккультное искусство получило распространение в странах христианского Запада, оно уже имело долгую, овеянную легендами историю, терявшуюся во мраке веков.

Легенда

Легенда повествует о сверхъестественном истоке алхимии, окуянном и вместе с тем чарующем. Она была принесена падшими ангелами, о которых говорится в «Книге бытия»: «Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал» (Быт. 6: 2). Спустившись на землю, они положили начало родам. От них произошел Тувалкаин, который был «ковачём всех орудий из меди и железа», то есть основоположником кузнечного ремесла.

Это упоминание «падших ангелов» заставляет вспомнить об античных мифах. Так же, как и в случае с титанами из греческой мифологии, здесь идет речь о фантастических существах, наделенных сверхъестественными способностями по сравнению с обычными людьми, но вместе с тем отличающихся от при-

вычного образа ангелов, изображавшихся в качестве воздушных, чисто духовных созданий: эти «ангелы» соблазнились красотой женщин и наслаждаются аппетитными кушаньями, которыми их угощают!

Вместе с тем этнологами и миссионерами было сделано интересное наблюдение: у народов, находящихся на дописьменной стадии развития, примитивная обработка металлов (которая всегда предполагает наличие определенных навыков использования трансмутационных свойств огня, применяющихся для переработки минералов, извлеченных из недр земли) является делом — привлекательным и вместе с тем устрашающим — небольших постоянных групп кузнецов, передающих секреты своего мастерства от отца к сыну, от мастера (подлинного духовного отца) к ученику.

И другие, как то Рене Алло¹ и Мирча Элиаде², также связывают происхождение алхимии с этими традиционными малыми братствами кузнецов, занимавшихся обработкой металлов у первобытных народов.

Действительно, в среде этих тесных содружеств всегда можно было обнаружить подлинный симбиоз производственной деятельности, практических ремесленных результатов (изготовление оружия и орудий труда) с магическим, чудесным видением всего происходящего — как природных явлений, так и человеческих действий.

«*Homo divinus*, человек магический, “кудесник”, — замечает Рене Алло³, — предшествовал типу *Homo faber*, человеку умелому, обладающему знаниями и техническими навыками...»

Точнее говоря, труд и магия первоначально были тесно связаны друг с другом.

Жреческая алхимия

От священной металлургии впоследствии совершился переход к истокам алхимии в собственном смысле этого слова.

В недрах братств металлургов, хранивших секреты практического обращения с огнем, выплавки и обра-

ботки металлов, позволявшие получать и видоизменять металлы и их сплавы, в дальнейшем, когда появились развитые античные цивилизации, зародились тайные ритуалы, заимствовавшие свою чудотворную символику из практики металлургов и кузнецов.

Короче говоря, в весьма отдаленные времена, восходящие к эпохе ранней Античности, обнаруживаются истоки алхимии, зародившейся в среде братств или товариществ, занимавшихся выплавкой и обработкой металлов; она унаследовала производственные и ритуальные секреты, хранившиеся металлургами.

В какой же стране впервые появилась алхимия в собственном смысле этого слова? Казалось бы, сама этимология подтверждает правильность традиции, столь дорогой сердцу средневековых адептов, считавших Египет времен фараонов колыбелью их священного искусства (называвшегося так потому, что оно практиковалось под сенью святилищ).

Действительно, даже если само слово *алхимия* определено происходит от арабского *el khimiya* («химия»), большинство историков склонны считать имя существительное *khimiya* производным от древнеегипетского *kbemi*, обозначавшего черный цвет и применявшегося также — видимо, небезосновательно, учитывая темный цвет нильского ила, — в качестве названия страны (*Khem*, «Черная страна» — Египет).

Изобретение алхимии приписывается загадочному персонажу, которого греческие алхимики, жившие в Александрии, называли *Гермесом Трисмегистом*, Гермесом Триждывеличайшим. Его представляли то как сверхъестественное существо (древнеегипетский бог Тот, бог мудрости и письма, сопровождавший также души умерших в загробный мир; древние греки отождествляли его с Гермесом), то как историческое лицо, жившее, по одной из версий, с 1399 по 1257 год до н. э. (142 года?!); его могила будто бы находилась в целостности и сохранности в окрестностях Эль Амарны, столицы фараона-еретика Эхнатона (супруга знаменитой Нефертити).

Арабские алхимики в начале Средних веков отождествляли Гермеса Трисмегиста с древним пророком

Идрисом, некогда явившимся, чтобы научить людей строить первые города.

На протяжении всего Средневековья и даже в последующие времена алхимики ссылались на краткий текст, одновременно лаконичный и таинственный (о котором еще пойдет речь), приписываемый этому легендарному Гермесу Трисмегисту — на *«Изумрудную скрижаль»*.

Она может даже служить образцом текстов, ассоциирующихся с мифами и фантастическими легендами.

Можно провести интересную параллель, с точки зрения традиционных легенд, между *«Изумрудной скрижалю»* (начертанной, как явствует из самого названия, на этом драгоценном камне) и *Святым Граалем*, чашей, которая, как гласит наиболее древняя версия легенды, была вырезана из цельного гигантского изумруда, упавшего со лба Люцифера в момент низвержения его архангелом Михаилом. Не идет ли речь в том и другом случае о совершенном и всеобъемлющем знании, утраченном, но затем обретенном вновь?

Вот полный текст *«Изумрудной скрижали»**:

«Не ложь говорю, а истину изрекаю.

То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу. И все это только для того, чтобы совершить чудо одного-единственного.

Точно так же, как все сущие вещи возникли из мысли этого одного-единственного, так стали эти вещи вещами действительными и действенными лишь путем упрощения применительно случаю того же самого одного-единственного, единого.

Солнце — его отец. Луна — мать его. Ветер вынашивает его во чреве своем. Земля вскармливает его.

Единое, и только оно, — первопричина всяческого совершенства — повсеместно, всегда.

Мощь его есть наимогущественнейшая мощь — и даже более того! — и явлена в безграничии своем на земле.

Отдели же землю от огня, тонкое от грубого с величайшей осторожностью, с трепетным тщанием.

* Цит. по: Рабинович В. Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979. С. 369.

Тонкий, легчайший огонь, возлетев к небесам, тотчас же низойдет на землю. Так свершится единение всех вещей — горних и дольних. И вот уже вселенская слава в дланях твоих. И вот уже — разве не видишь?! — мрак бежит прочь. Прочь!

Это и есть та сила сил — и даже еще сильнее! — потому что самое тончайшее, самое легчайшее уловляется ею, а самое тяжелое ею пронзено, ею проникновенно.

Так, так все сотворено. Так!

Бессчетны и удивительны применения, которые воспоследуют, столь прекрасно сотворенного мира, всех вещей этого мира.

Вот почему Гермес Триждывеличайший — имя мое. Три сферы философии подвластны мне. Три!

Но... умолкаю, возвестив все, что хотел, про деяние Солнца. Умолкаю».

Происхождение этой *«Изумрудной скрижали»*, по мнению профессиональных историков, не теряется в отдаленном и таинственном прошлом. Современные исследования позволили установить, что этот текст переведен с арабского на латинский язык в X веке и, очевидно, восходит к греческому оригиналу IV века н. э., эпохи алхимиков Александрии.

На данной стадии исторических исследований не обнаружены алхимические тексты, оригинал которых был написан на древнеегипетском языке (факт, сам по себе не дающий оснований отрицать существование этого *священного искусства* в эпоху фараонов). Именно в Египте, но позже, приблизительно в III—V веках н. э., появились первые алхимические тексты, написанные на древнегреческом языке адептами в Александрии.

Арабы

Если из Александрии, этого крупнейшего города эллинистического Египта, алхимия в VI веке проникла в Византийскую империю, то средневековый За-

пад познакомился с ней значительно позднее благодаря посреднической деятельности мусульманских алхимиков, труды которых переводились на латинский язык.

Вторжение арабов в Египет способствовало глубокому проникновению алхимических исследований в мир ислама. Традиция, заслуживающая доверия, представляет в качестве первого мусульманского алхимика Халида ибн Джазида из династии Омейядов, правившего Египтом в первой половине VII века н. э. Его учителем был некий отшельник Морием, прибывший в Александрию из Рима и являвшийся, в свою очередь, учеником другого христианского алхимика — Адфара.

В VIII веке, после завоевания Испании арабами, стали возможными культурные контакты (частью которых явилась алхимия) христианского мира с традициями ислама и иудаизма.

Простого наличия в средневековой алхимической литературе слов арабского происхождения, вошедших в повседневный обиход, как то: *эликсир*, *аламбик*, *атанор* — было бы достаточно, чтобы показать историческую важность мусульманского этапа для последующего развития алхимии в христианских государствах Западной и Центральной Европы.

Хотя арабские алхимические тексты стали переводиться на латинский язык уже в X веке, однако лишь два столетия спустя алхимия укоренилась и получила широкое распространение в западном христианском мире.

Не следует также упускать из виду и роль Крестовых походов, создавших условия для плодотворного культурного обмена между исламским и христианским мирами.

Необходимо упомянуть еще одну страну, небезуспешно бросившую вызов Египту в споре об историческом приоритете в области алхимии, — Китай⁴. Правда, мы можем позволить себе оставить это без внимания в работе, специально посвященной повседневной жизни христианских алхимиков *на средневековом Западе*. Очевидно, влияние китай-

ской таоистской алхимии было ничтожно малым несмотря на бесспорное существование контактов (как по *Великому шелковому пути*, так и по морю), до сих пор еще мало изученных, между Западом и Китаем, осуществлявшихся не без участия посредников — арабов и индейцев.

Наиболее знаменитые мусульманские алхимики осуществляли *делание* задолго до своих христианских собратьев. Назовем великие имена Джабира ибн Хайяна (известного на Западе в латинизированной форме Гебер, около 720—800 гг. н.э.), аль-Рази (Разес, 800—940), ибн Сины (Авиценны, 980—1030). Обладатели этих великих имен прославились и в иных, нежели алхимия, областях (ибо невозможно было отделить одну деятельность от другой) — в медицине, философии и даже теологии. Мусульманским алхимиком, известным на Западе как Артефий (еще одно славное имя в области мусульманского герметизма), очевидно, был не кто иной, как поэт аль-Тограй (казненный в 1120 году н. э.). Что касается великого мусульманского мистика аль-Газали (умер в 1111 году), то он признавал только духовную алхимию (*kimyâ essaâdah*, «алхимия блаженства»).

Цели алхимии

Уместно еще раз напомнить о практической цели, которую ставили перед собой средневековые алхимики. Роджер Бэкон в своем *«Зеркале алхимии»* дал ей такое определение: «Алхимия есть наука о том, как приготовить некое лекарство или эликсир, который, если прибавить его к неблагородным металлам, придаст им совершенство в самый момент соприкосновения».

Поскольку этой чарующей целью было *изготовление золота*, нет нужды напоминать, что труды алхимиков — даже если они и не преуспели в превращении простых металлов в «царя» минерального мира — в общем и целом носили практический характер, обогащая экспериментальное знание о минеральных телах, их трансформациях и смесях.

Отсюда лапидарное суждение историка, жившего в XIX веке, Луи Фигье: «Так скажем же наконец, что алхимия является матерью современной химии»⁵.

И сегодня еще этот образ широко распространен в массовом сознании: труды средневековых алхимиков в лабораториях являлись своего рода долгой и колоритной «предысторией», — хотя и иллюзорной по своим надеждам, но весьма благотворной благодаря неожиданным находкам, — современной экспериментальной химии. Разве ученые XX века не реабилитировали основной принцип, на который опирались (пусть даже и иллюзорные) упорные труды средневековых алхимиков — единство материи, сочетающееся с возможностью перехода от одного минерального проявления к другому? А ведь еще химики XIX века, наследники Лавуазье, считали надежды на осуществление трансмутации абсурдными по своей сути, ибо они представлялись несовместимыми с самим понятием простых и абсолютно устойчивых тел.

Однако еще сами алхимики неоднократно предостерегали от слишком простой, слишком буквальной расшифровки, перевода их тестов, что должно настораживать нас. Приведем одно из таких предостережений, содержащихся в *«Книге Артефия»*.

«Уверяю тебя, — предупреждает он, — что тот, кто пожелал бы объяснить написанное философами [алхимиками], исходя из обычного, буквального смысла слов, заблудился бы в извилинах лабиринта, из которого он не выбрался бы никогда, поскольку у него не будет аriadниной нити, которая бы вывела его, и сколько бы он ни затратил на свои труды, все это будет потрачено даром».

И все же на извилистом пути нашего путешествия не исключена возможность встречи со всякого рода сюрпризами.

Искусство традиционное и священное

Нам стоит постараться уже в самом начале своего исторического исследования не попасть в ловушку, состоящую в фактическом приписывании, даже на-

вязывании нашим предкам собственных взглядов, концепций, надежд и предрассудков, характерных для людей XX века. Для этого необходимо помнить, что средневековая алхимия обладала характерными особенностями, принципиально не позволявшими рассматривать ее в качестве некоего подобия современной химии, хотя и экспериментального, однако совершенно фантастического.

В противоположность современной химии, алхимия представляла собой знание *традиционное*, когда идея открытия «нового» совершенно не имела смысла, и *священное*, ибо она зиждилась на передаче *секретов*. Это было искусство выполнения определенных лабораторных операций, которые должны были соотноситься с иными, нежели работа с материалом, сферами⁶.

Стремление приписать средневековым алхимикам намерения и цели, пусть даже в зачаточном виде, сопоставимые с намерениями и целями современных ученых и инженеров, было бы недопустимым анахронизмом.

Всегда нелишне будет повторить (и особенно когда историк собирается заняться повседневной жизнью алхимиков), что, столкнувшись с точными описаниями феноменов, у средневековых авторов не следует требовать присущего нашему времени четкого различия между материальной реальностью и «окультиными», «экстраординарными» фактами.

ЛАБОРАТОРИЯ

Обустройство помещения

За исключением случаев, когда лаборатории работают на оборону или по технологиям, защищенным патентами, современный химик совершенно не скрывает своего оборудования и исследовательских приемов. Напротив, характерной особенностью лаборатории средневекового алхимика была ее абсолютная недоступность посторонним любопытным взглядам. Лишь в более поздние времена алхимии будут работать в помещениях, известных всякому: наиболее показательным примером этого может служить знаменитая «Золотая улочка», непосредственно примыкавшая к величественному Пражскому Граду, получившая свое название по причине того, что в начале XVII века на ней селились многочисленные алхимики, лично связанные с императором Рудольфом II Габсбургом.

Это стремление соблюсти секретность проявлялось, в частности, и в том, что использовались специальные *заслонки*, служившие для сокрытия от глаз прохожих дыма, исходившего во время выполнения алхимиками определенных операций.

Мы не располагаем, и не случайно, статистическими или хотя бы приблизительными оценочными данными о количестве алхимических лабораторий во Франции Средних веков. Еще малочисленные в

XII веке, они получили широкое распространение в XIV и XV веках: тогда лаборатории достигли, очевидно, значительной численности в больших городах — в Париже времен Николя Фламеля они насчитывали, возможно, две или три сотни.

Лаборатории встречались повсюду: как в замках и дворцах, так и в домах простых горожан и даже жалких хижинах, в церковных приходах и монастырях, в городе и деревне.

Лаборатория, как правило, была тесной и темной и в обязательном порядке имела трубу или дымоход для отвода выделявшихся газов и дыма. Нередко это была подземная конура, но могли использоваться и старая кухня, и даже специально обустроенная комната, занимавшая (что случалось редко) целый этаж.

Лаборатория и молеельня

У помещения, в котором занимался «деланием» настоящий алхимик, была особенность, отличавшая его от логова *суфлеров**, весьма распространенных в Средние века и усердствовавших в своем стремлении открыть путем проб и ошибок заманчивый секрет изготовления золота. Необходимость, связанная с традиционной алхимией, сочетать лабораторию с местом, посвященным молитвам и духовным упражнениям, иначе говоря с *молеельней*. Ее устраивали, если алхимик располагал достаточно большим помещением (что конечно же было редкостью), в отдельной комнате, примыкавшей к лаборатории, но чаще всего это был один из углов единственной комнаты, предназначенный для молитв и благочестивых размышлений. За исключением домов очень важных персон, не существовало специальных помещений, отведенных под библиотеку: книгопечатание, напомним, появилось лишь во второй половине XV века, а до того обладание большим количеством

* Насмешливое прозвище «суфлер» произошло от использования воздуходувных мехов (по-французски *soufflet*) для достижения необходимой высокой температуры.

рукописных книг было настоящей роскошью, которую могли позволить себе только представители знати или целые церковные общины. Чаще всего те немногочисленные манускрипты, которые имелись в распоряжении алхимика, вполне умещались на единственной полке в лаборатории.

Приборы и инструменты

Что находилось в лаборатории?

Алхимик обычно обладал весьма скромным набором приборов и инструментов. Особо следует отметить поразительное постоянство весьма незамысловатой технологии алхимиков: с начала и до конца Средних веков и даже в более поздние времена всегда использовались одни и те же предметы, применявшиеся в свое время еще арабами, а до них — греческими алхимиками Александрии, вариации касались только деталей, второстепенных частностей.

Великое Делание должно было совершаться или в печи, или в тигле. Алхимическая печь, имевшая название *атанор*, топилась дровами или растительным маслом (наличие множества фитилей позволяло регулировать интенсивность нагревания), ибо настоящие алхимики никогда не использовали уголь. Смотровое отверстие, устроенное в печи, делало возможным наблюдение внутри ее за варкой *философского яйца* (имевшего также название *алюдель* — слово, тоже заимствованное из арабского языка). *Философское яйцо* имело яйцевидную форму (отсюда и его название) и изготовлялось из обожженной глины или (что было чаще, поскольку алхимик в этом случае мог свободно наблюдать за трансформациями первичной материи) из стекла или же хрусталя.

Тигли, использовавшиеся алхимиками, работавшими по методу *сухого пути*, имели полость в форме креста (по-французски *croix*, откуда происходит древнее название тигля — *crucible*).

Имелись также различные резервуары и сосуды для приемки использованных веществ, приспособ-

ления для дистилляции, щипцы, кочерга и молотки, мехи, служившие, для раздувания огня.

Алюдель (возвращаемся к нему) представлял собой колпак перегонного куба (аламбика), но чаще это слово использовалось для обозначения философского яйца (стеклянной или хрустальной реторты).

Атанор иногда имел форму башни. Именно такая алхимическая печь, представленная в разрезе, что позволяет видеть огонь, фигурирует справа на нижней части центрального портала собора Парижской Богоматери.

Алхимики использовали сосуды и посуду, аналогичные тем, что применялись ремесленниками их эпохи, — керамические и стеклянные.

Немецкий музей в Мюнхене обладает значительным собранием алхимических приспособлений. Имеется там и точная реконструкция типичной печи, использовавшейся алхимиками.

Вот что написал об *атаноре* Раймонд Луллий в своем трактате «*Разъяснение завета*»:

Наша печь состоит из двух частей и по всему периметру должна быть хорошо заделана на стыках. Ее крышка должна прилегать совершенно плотно, так, чтобы, когда печь будет закрыта своей крышкой, в глубине оставалась отдушина, через которую мог бы питаться зажженный в ней огонь. Замаска, заполняющая пазы нашей печи, называется печатью Гермеса».

Выражение *герметичное* закрытие (плотное, непроницаемое закрытие) происходит именно от *печати Гермеса*, которую алхимики периода Средних веков использовали для закрытия философского яйца.

Название *пеликан*, данное перегонному аппарату, использовавшемуся средневековыми алхимиками, навечно самой его формой, напоминающей характерные контуры клюва и шеи этой птицы. Раймонд Луллий продолжает свое описание:

«...Аламбик представляет собой два сосуда одинаковой величины, емкости и высоты, соединенные друг с другом таким образом, чтобы нос одного входил внутрь другого, с тем чтобы содержимое того и другого под действием тепла поднималось вверх, а затем, в результате охлаждения, опускалось вниз. О дети, теперь вы имеете представление о наших сосудах, если только вы не туги на ухо».

Однако адепты не могли, исходя из самого образа пеликана, не прийти к хорошо известному легендарному христианскому символу: это образ (воскрешающий в памяти Иисуса Христа, принесшего себя в жертву ради спасения всех людей) самки пеликана, открывшей клюв, из которого достают корм ее детеныши. Этот символ позднее, в эпоху Ренессанса, будет использоваться тайными герметическими обществами¹.

Для успеха многочисленных экспериментов алхимику было также крайне желательно как можно более точно определять время.

Английский поэт Джеффри Чосер охотно иронизировал по поводу неточности существовавших тогда часов, говоря, что скорее можно довериться пению петуха, нежели бою часов на башне аббатства.

И все же средневековый алхимик обладал если и не часами, по точности не уступающими современным хронометрам, то по крайней мере уже достаточно точными инструментами для определения времени. Первый из великих западных алхимиков, монах Герберт (ставший в 999 году папой римским, приняв имя Сильвестр II), сконструировал — «не без помощи дьявола», как утверждала ходившая в народе молва, — часы, когда он находился в Магдебурге (997 год), куда его вызвал император Священной Римской империи Оттон III. Епископ Титмар Мерзебургский в своей хронике писал по этому поводу: «Герберт сконструировал в Магдебурге часы, которые он выверял с помощью трубы, направив ее на известную [Полярную] звезду, путеводную для мореходов».

Лишь в конце XIII или в начале XIV века появился маятник, наконец придавший часам необходимую надежность и точность хода.

В XV веке технические усовершенствования становятся все более и более хитроумными.

Если водяные часы (клепсидра) известны со времен Античности, то песочные — вопреки распространенному представлению, по причине самой простоты их механизма относящемуся появление их к седой древности — были изобретены лишь в XIV веке². Именно в ту пору они стали применяться в лабораториях алхимиков. Это было весьма удобное приспособление благодаря своей простоте в использовании; напомним, что механические часы малого размера появились лишь во времена Людовика XV.

Напротив, солнечные часы были известны с глубиной древности.

Ничто так сильно не отличало повседневную жизнь человека Средних веков от повседневной жизни в наши дни, как возможность для первого использовать все свое время, освободиться от тирании установлений, предписывающих выполнение любого дела (важного и не столь важного) в максимально короткие сроки. Действительно, для алхимика наличие полного досуга было абсолютно необходимым для выполнения его работы в лаборатории.

Когда видишь перед собой алхимический документ той эпохи, прежде всего следует удержаться от соблазна попытаться «перевести» его на технический язык, более понятный людям наших дней. Сама природа старинных методов и ремесленных приемов, которые кажутся нам легко поддающимися расшифровке, может помешать установлению их точного соответствия с количественными и качественными критериями более отдаленной эпохи. «Весьма неразумно подходить к документу эпохи Средних веков с критериями XX века», — замечает Роже Карл³. Средневековые адепты, например, совсем не учитывали строгие количественные требования, которые нам сейчас представляются само собой

разумеющимися. Когда, например, речь идет о нагревании атанора и говорится о том, чтобы «сообщить ему температуру конского навоза», не просто было бы, вопреки первому впечатлению, установить точный термический эквивалент. Определенно речь идет об умеренной температуре, но какой именно? Как сказано, о температуре навоза, но на какой именно стадии ферментации?

Укажем также на присутствие маленьких мобильных зеркал, предназначенных для улавливания солнечных и лунных лучей, а также слабых импульсов, рассеянных в атмосфере или приходящих из отдаленных космических пространств.

Инструментов, позволяющих производить точные измерения температуры и давления, в Средние века еще не было, и алхимикам, подобно их современникам-кузнецам, приходилось полагаться исключительно на эмпирический контроль (например, следить за изменениями цвета металлов или тел, когда их нагревали с нарастающей интенсивностью).

Чему не перестаешь удивляться, так это характеру инструментария, применявшегося алхимиками. Лаборатория настоящего алхимика, адепта, всегда отличалась простотой, присущей мастерской ремесленника, тогда как загромождение лаборатории множеством всевозможных инструментов и разнообразных, причудливых предметов было признаком, изобличавшим невежественного *суффлера*, не знавшего, как правильно подступиться к делу.

Адепты охотно потешались над неистовыми усилиями *суффлеров*, экспериментировавших с самыми различными субстанциями растительного и животного происхождения. Анонимный автор латинского манускрипта, хранящегося в библиотеке Ватикана⁴, так заклеил эти тщетные усилия:

Я смеюсь над теми, кто ищет средство для превращения
В золото и серебро в самых разных субстанциях,
В глазах различных животных, в траве, в волосах,
В змеях, скорпионах, червях и скорлупе яиц,
В крови, жабах, навозе и моче.

Из чего должен был исходить средневековый алхимик (и его преемники в позднейшие времена), приступая к операциям Великого Делания?

Принимая на свой счет советы предшественников, Фульканелли* позднее напишет: «И хотя эта *первичная ртуть* совершенно летуча, под высушивающим воздействием мышьяковистой серы она обретает телесную форму, принимает вид твердой массы, черной, плотной, волокнистой, рыхлой, ломкой, так что из-за своей незначительной полезности делается низкой, гнусной и презренной в глазах людей».

Так что же представляла собой первичная материя, с которой начиналось *делание*? Ею мог быть стибин или серная сурьмяная руда (Sb_2S_3). С равным основанием можно предположить в этом качестве — хотя эта субстанция была далеко не столь широко распространена, как уверяют нас некоторые тексты, — киноварь, сочетающую в себе серу и ртуть.

При наличии определенного навыка можно найти в трудах всех алхимиков описание последовательности феноменов, наблюдаемых во время лабораторных операций. Всегда наблюдается также — что касается *влажного пути* (процесс делания в стеклянной реторте) — последовательное чередование трех принципиальных фаз, отмеченных, соответственно, *черным, белым и красным* цветами. Для первого из этих трех цветов приведем выдержку из трактата Николя Фламелья «*Иероглифические фигуры*»: «Если вначале, как только положишь заготовки в философское яйцо (иными словами, как только огонь возбudit их), ты не увидишь этой черной, очень черной головы ворона, тебе надо начинать снова. Опасайся оранжевого цвета в самом начале^{**}. Цвет должен быть безупречно черным — и так в течение сорока дней».

* Относительно владельца псевдонима существуют лишь предположения (представляет комбинацию слов «огонь» и «Илия», библейский пророк, вознесшийся в небо на огненной колеснице).

^{**} Он должен был появляться в заключительной фазе *делания*.

Не трудно обнаружить значительное количество текстов, которые, отнюдь не углубляясь в заведомую символику, прямо дают описание — и притом исключительно точное — феноменов, следующих друг за другом в течение всего времени, пока алхимик, уединившись в своей лаборатории, трудится над реализацией Великого Делания. Позаимствуем великолепный пример подобного рода текстов из *«Книги Артефия»*:

«...Сперва появляется чернота, похожая на жирный бульон, в который насыпали перца, а затем эта жидкость, сгущаясь и становясь похожей на черную землю, белеет по мере дальнейшей варки. Тогда как наша земля, разлагаясь, сперва приобретает черный цвет, затем она, поднимаясь, очищается, а после того, как она подсохнет, черный цвет исчезает, и она белеет, и вместе с тем прекращается влажное и мрачное доминирование женского начала или воды. Именно тогда белый дым пронизывает новое тело».

С точки зрения продолжительности работы по завершению Великого Делания, длительность наиболее часто применявшегося процесса — имеется в виду влажный путь — чаще всего составляла сорок дней. Это традиционное число играет свою роль в Священном Писании, как в Ветхом Завете (сорок лет блужданий евреев, предшествовавших их возвращению в Землю обетованную), так и в Новом (Иисус Христос в течение сорока дней подвергался искушениям в пустыне). Но существуют и вариации от автора к автору. Например, в различных описаниях совершения Великого Делания по влажному пути говорится, что он должен продолжаться сорок дней или сорок три дня до момента появления черного цвета, после чего должны пройти еще семь месяцев до достижения белого цвета, а потом еще пять, чтобы наконец появился красный камень.

Следует отметить, что, согласно свидетельствам, оставленным алхимиками, эти операции — если хорошо приготовлена начальная смесь (в реторте или

тигле, соответственно установленному способу) — осуществляются сами собой, без дальнейшего вмешательства рук делателя. Очевидно, в этом смысле следует понимать выражение «работа для женщины и ребенка», употреблявшееся применительно к алхимическому *деланию*.

И все же практическая деятельность в лаборатории не была лишена серьезной опасности. Следовало избегать воспламенения первичной материи, что могло произойти в случае слишком энергичного раздувания огня. Помимо угрозы взрыва, постоянно существовала опасность того, что приготовленная смесь дымом и паром улетучится в атмосферу.

Поскольку средневековые алхимики не обладали современными экспериментальными знаниями относительно свойств газов, случалось, что они пренебрегали мерами предосторожности, которые позволили бы осуществить своевременный выход упругих флюидов, а отсюда происходила угроза непредвиденного взрыва в самый момент нагревания смеси.

В одном из мест своего трактата *«Аллегория Источника»* Бернар Тревизан делает следующее предостережение относительно угрозы взрыва, возможного — если алхимик позволит огню атанора разгореться слишком сильно — на завершающей стадии работы: «Много ли забот у этого хранителя? — У него больше забот в конце, нежели в начале работы, ибо источник воспламеняется».

Итак, реализация Великого Делания отнюдь не была лишена опасности: алхимик мог стать жертвой внезапного взрыва, если он не контролировал в достаточной мере смесь, составленную из различных веществ, или же не умел регулировать степень нагрева, которая должна достигаться на определенных стадиях выполнения работы.

О хороших наблюдателях

Средневековый алхимик был (чего никак нельзя отрицать) очень хорошим наблюдателем, какими являлись и продолжают оставаться все ремесленники:

он умел распознавать следовавшие друг за другом явления, учитывать малейшие изменения или нюансы, служащие вехами на протяжении выполнения операций. Существенное значение имел этот *ремесленный* характер работы алхимика в лаборатории — именно это коренным образом отличало ее и от индустриальной технологии на современных предприятиях, и от современной научной мысли. Что касается второго отличия, то Гастон Башляр в своем эссе, озаглавленном «*Формирование научной мысли*»⁵, очень хорошо показал большое, коренное несходство между алхимией и современной химией. Последняя зародилась лишь в середине XVII века, когда изучение трансформаций тел наконец дистанцировалось (абстрагировалось) от явлений, наблюдаемых на ремесленной стадии без математической обработки результатов.

Даже когда в реторте или тигле наблюдались явления, напоминавшие те, что составляют объект изучения современной химии, различия в точках зрения и перспективах оказывались радикальными.

Станислас Клоссовски де Рола очень хорошо заметил по этому поводу: «... Мы могли бы допустить наличие у химии алхимических корней, давая ей определение как *науки о содержательных результатах*, тогда как ее славная предшественница была бы в этом случае всего лишь *знанием о сущностных причинах*»⁶.

Многочисленны были операции, в ходе которых алхимики пытались осуществить нечто весьма отличное — вопреки искушению смелого их сближения, которому порой, возможно, подвержен историк, — от исследований, проводимых современными учеными.

Например, алхимики силились уловить *spiritus mundi* (мировой дух), таинственное начало, подобное тонкой взвеси, содержащееся в росе, воздухе, солнечных и лунных лучах и даже в материи падающих звезд.

Отметим просто для сведения читателей (ибо подобного рода сближения — и мы решительно настаиваем на этой точке зрения — чреватые для нас опас-

ностью уклониться в область научной фантастики), что в подобного рода спекуляциях порой усматривают отдаленное предвосхищение открытия в будущем космических лучей.

Свою *«Аллегорию Источника»* Бернар Тревизан начинает так: «Я в задумчивости шел по полям, будучи утомленным учением. Близилась ночь, когда мне надлежало заняться подготовкой к предстоявшему завтра диспуту».

Если во всяком случае здесь имеет место хорошо известный (и не только в Средние века) литературный прием, состоящий в том, чтобы облекать рассказ в форму символического сна, то другие тексты отличаются реализмом, тотчас же создающим у нас впечатление подлинного опыта, порожденного пережитым — будь то в форме сонного видения или увиденного наяву.

Для алхимиков успех Великого Делания был невымыслим без точного соответствия между лабораторными операциями и годовым ритмом смены сезонов. Николя Фламель заявлял: «Сделайте так, чтобы первичная материя, пройдя через четыре сезона, завершила свои превращения осенью. И знайте, что эта наука есть знание четырех элементов и четырех времен года, взаимно меняющихся, переходя из одного в другое».

Средневековые алхимики пытались также установить точное астрологическое соответствие между последовательными фазами Великого Делания и чередованием знаков зодиака в течение года:

Овен	— кальцинация (прокаливание)
Телец	— сгущение
Близнецы	— фиксация
Рак	— разложение
Лев	— переваривание
Весы	— сублимация (возгонка)
Скорпион	— разделение субстанций
Стрелец	— испепеление (обращение в порошок)

* В средневековых университетах диспуты были одной из основных форм обучения.

- Козерог — ферментация
Водолей — умножение
Рыбы — проекция (превращение в золото)*.

Кроме того, было бы невозможно понять образ мышления алхимиков, если не держать постоянно в уме, сколь неколебима была их вера в существование первобытного грехопадения — как человека, так и мира в целом, — которое надлежит преодолеть ради обретения исходного блаженного состояния.

Послушаем, что сообщает Василий Валентин в своем труде *«Триумфальная колесница сурьмы»*:

«Что до нас, бедных людей, то мы будем терпеть на этой земле кару за грехи наши (поскольку ее мы, несомненно, заслужили) до той поры, пока не перегнием со временем, после чего возродимся под действием божественного жара. И тогда, довольно очистившись, мы сможем подняться благодаря небесной сублимации, коя ... освобождает нас от всех грехов и всей нечистоты нашей».

Таким образом, для средневекового алхимика реализация Великого Делания не была банальным достижением, так сказать, «мирского» результата по завершении материальных процессов — для него это являлось исполнением поистине священного акта. Алхимическое Великое Делание для него было подобно, в известном смысле, церковной мессе.

В своей *«Практике»* Раймонд Луллий писал: «Сын мой, во имя Господа нашего, претерпевшего жестокую смерть из любви к грешникам, начинай исполнение нашего философского делания, осенив его знаком креста, дабы не сумел дьявол воспрепятствовать твоей работе».

Рипли в прологе к *«Двенадцати вратам»* пишет: «В начале сего труда услышь, о Господи, мою молитву, дабы милость твоя умножила мое знание, а могу-

* Так у Ютена: перечислены лишь одиннадцать из двенадцати знаков зодиака.

щество десницы твоей защитило мой труд, чтобы зря не пропало время данной мне жизни...»

Одним из наиболее любопытных свидетельств, оставленных средневековым христианским герметизмом, продолжает быть «*Книга о Святой Троице*», хранящаяся в Мюнхене, труд неизвестного немецкого монаха-алхимика. Этот манускрипт содержит миниатюры в характерном стиле XV века, в которых отчетливо проступает сочетание алхимических секретов с церковными догмами.

В своем трактате «*Забывтое слово*» Бернар Треви-зан проводит параллель между догматом о Троице и тремя алхимическими началами (сера, ртуть и соль): «Есть троица в единстве и единство в троице, кою образуют тело, дух и душа. Подобна ей другая троица — сера, ртуть и мышьяк»*.

Подобным образом и в ту же самую эпоху английский адепт Джордж Рипли уподобил Великое Делание победе, одержанной над первобытным грехопадением: «Оба, мир и камень, вышли из бесформенной массы. Низвержение Люцифера, как и первородный грех, символизирует собой порчу простых металлов».

По поводу таинственного *секретного огня*, необходимого для успеха Великого Делания, Василий Валентин в своей «*Микроскопии*» написал следующие загадочные слова:

«О слепой мир, не способный распознать *ens naturae concentratum* (концентрированную сущность природы), *quinta essentia solis et lunae et omnium rerum* (квинтэссенцию Солнца и Луны и всех вещей). Ты имеешь перед собой достаточный огонь, неистовую субстанцию пылающей сущности, наиболее едкое вещество милосердной природы, и бежишь от него, словно дьявол, в своем чистом невежестве и небрежении».

Речь шла — по крайней мере, как мы склонны полагать — о том, чтобы суметь уловить сам принцип, одушевляющий все вещи, иначе говоря, извлечь его,

* Название «мышьяк» служило другим обозначением третьего алхимического начала — соли.

дабы он объявил себя*. Здесь перед нами предстает в действии один из постулатов Великого Делания: возможность воспроизвести, в реторте или в тигле, то, что происходило в начале земного цикла, когда материя была организована под действием Божественного света, Начального огня.

Даниэль де Морли, теолог XIII века (ставший в 1220 году епископом Парижским), в своей *«Книге о природах дольних и горних»* дал следующее определение алхимии:

«...Наука о трансмутации металлов в другие виды; наука образов, кои *Тот* греческий (то есть Гермес Трисмегист) показывает в великой и универсальной *«Книге Венеры»*; наука зеркал как это показывает Аристотель в трактате о варке стекла».

В своем труде *«Speculum naturae»* (*«Зеркало природы»*) Винсент из Бовэ говорит о «камне и эликсире, для получения которых искусство имитирует природу».

Имеются тексты, которые, хотя и дают основание для символических трактовок, тем не менее содержат описание конкретных явлений. Таков, например, трактат Василия Валентина *«Двенадцать ключей философии»*, отрывок из которого процитируем:

«Человек дважды огненный (соединение двух начал) должен питаться белым лебедем; два начала уничтожат друг друга и вновь возвратятся к жизни. И воздух четырех частей света завладеет тремя четвертями заключенного огненного человека, так что можно будет услышать прощальное пение лебедей, явно выраженные музыкальные звуки»⁷.

Следует заметить в конце этой фразы аллюзию на воспринимаемый слухом феномен, сопровождающий успешное завершение одной из решающих операций алхимического делания.

* По другой интерпретации, здесь имеется в виду загадочный «универсальный растворитель» (алкагест).

По представлению алхимиков, рассматривавших *металлы* не как некие *бесдушные* вещества, но как живые существа, следовало исходить, отмечает Василий Валентин, «... из определенного металлического корня, из которого по предопределению Творца должны происходить металлы»⁸.

Первичная материя минерального происхождения, с которой надлежало начинать работу, должна была «соединять в себе два тела и семя», то есть два взаимодополняющих начала (мужское и женское — активное и пассивное), и плюс к тому соль.

В своем трактате «*Забывтое слово*» Тревизан пишет о воде следующее: «Вода сама по себе творит все, поскольку она все растворяет, коагулирует все, что сгустилось, и разрывает все без посторонней помощи; в ней самой содержится нечто окрашивающее и окрашенное. Короче говоря, наше творение есть не что иное, как пар и вода, которая все очищает, моет, белил и окрашивает».

Но о какой воде идет речь — о простой ли питьевой? Это весьма сомнительно. Точно так же закрадывается сомнение, когда читаешь в «*Книге Артефия*» следующий пассаж: «Эта вода есть белый пар, проникающий в совершенные тела и соединяющийся с ними подобно тому, как душа соединяется с телом».

В своей «*Книге о естественной философии металлов*» Бернар Тревизан поясняет, что, дабы преуспеть в *алхимическом делании*, необходимо использовать первичную материю, добытую из рудника и находящуюся на стадии двойного минерала: «Наше творение происходит от одного корня и двух ртутных субстанций, взятых совершенно необработанными, извлеченных из рудника цельными и чистыми, соединенных огнем любви».

Если верить Василию Валентину, *философский камень* сначала бывает твердым, он являет себя в твердой и кристаллизованной форме. Однако, по мере того как его начинают использовать, он даже при обычной температуре размягчается и в конце концов переходит в жидкое состояние — тогда он становится *универ-*

сальным Меркурием, сияющим в темноте, «точно маленькое солнце». Велик соблазн истолковать это его свойство как радиоактивность. Именно поэтому, повторяем, очень важно всегда воздерживаться от слишком поспешного уподобления средневековых алхимиков нашим современным «дробителям атомов».

Однако трудности интерпретации все более возрастают для историка, когда он осознает тот факт, что средневековые алхимики (и их преемники) предпочитали наслаивать одно на другое два параллельных смысла.

Вот, к примеру, текст «Книги Артефия», в котором второй смысл с очевидностью наслаивается на простое описание конкретного феномена, наблюдаемого в лаборатории (выделение газа): «Но как только он начинает подниматься, он перерождается, заряжается в воздухе, он наполняется в нем жизнью и становится совершенно духовным и нетленным».

Тот же самый пассаж с успехом можно применить к фазе *возгонки* не на уровне работы с минералами, но в стадии внутренних метаморфоз, кои претерпевала психика алхимика в процессе *делания*. В нем можно также усматривать аллюзию на одну из наиболее трудных для интерпретации герметических поговорок-рекомендаций: «*Solve et coagula*» («*Растворяй и сгущай*»). Эта формула, несомненно, означала определенную фазу завершающих трансмутационных операций Великого Делания, но при этом подразумевались также и другие процессы, касавшиеся, очевидно, тайны перемещения тел. Адепт будто бы обретал способность, если он достигал поистине тотального успеха, «растворять» (*solvere*) свое физическое тело, «сгущая» (*coagulare*) свою нетелесную, просветленную субстанцию. Именно об этой таинственной двойной метаморфозе («*Solve et coagula*»), очевидно, идет речь в следующем пассаже того же Артефия: «Именно потому надлежит сублимировать то и другое, то есть тело и дух, чтобы все, что в них есть чистого, возносилось вверх, а все нечистое оседало в процессе бушевания бурного моря».

Чередование фаз Великого Делания, осуществляемого влажным путем, похожим образом описывается всегда и всеми авторами. Этот установившийся порядок можно встретить уже в манускриптах греческих алхимиков, творивших в Александрии. Вот отрывок из труда Синезия:

«Надлежит взять совершенное тело и, поместив его в воду, запереть в стеклянном, тщательно закупоренном доме. [Речь идет о реторте, закрытой *печатью Гермеса*.] Этот состав следует переваривать при умеренной температуре, такой, как температура навоза, а затем непрерывно варить на огне до тех пор, пока совершенное тело не перегниет и не разложится до состояния черной материи, после чего надо извлечь его и сублимировать через воду, дабы таким способом оно очистилось от черноты, побелело и, утончившись, достигло предельной чистоты, сделалось летучим и белым как внутри, так и снаружи ... Остудив сосуд, ты обнаружишь черные нечистоты на дне перегоревшими и отделившимися от духа и белой квинтэссенции; упомянутые черные нечистоты надлежит выбросить».

Техника, мистика и магия

Совершенно необходимым дополнением к лаборатории адепта являлась его молельня.

Во второй части (авторство которой приписывается Жану де Мёну) «*Романа о Розе*» показана персонафицированная Природа, упрекающая *суфлера*, пытающегося свести священное искусство к череде чисто материальных манипуляций:

И решила Природа не просто для виду
Высказать скорбь свою, боль и обиду
Суфлеру-глупцу софистическому,
Ремесленнику механистическому.

Отличительной особенностью традиционного алхимика как раз и было стремление сочетать технические навыки с упованием на озарение, с мистикой — именно то, что так трудно укладывается в рационалистическом уме современного человека.

Конечно, расхожий образ алхимика — еще более усиленный литературой и живописью романтиков — рисует его неким подобием колдуна, совершающего в своей мрачной конуре будоражащие воображение, даже страшные и отвратительные операции, напрямую связанные с демонами, покровительствующими черной магии.

Определенно, алхимия включала в себя совершение операций, которые людьми нашего времени не могут квалифицироваться иначе как «магические». С учетом этого было бы уместно уточнить, чем средневековый алхимик отличался (за исключением отдельных случаев, когда он сбивался с пути истинного) от мага или колдуна. На стенах его лаборатории могли висеть символические фигуры, но в ней не было места для всякого рода живописного хлама, который обычно помещает туда воображение масс (фигурки, навлекающие порчу; зародыши, законсервированные в стеклянных сосудах; набитые чучела крокодилов и т. п.).

В многочисленных алхимических текстах приводятся подробные описания спиритуальных действий. Большой заслугой К. Г. Юнга и его учеников является то, что они великолепно осветили важный аспект Великого Делания — то, как алхимические операции оказываются грандиозной попыткой интеграции, воссоединения двух частей (мужской и женской) личности. Без этого не совершались операции в алхимической лаборатории, спиритуальный аспект алхимии неоспорим — напомним, что всегда имел место этот строгий параллелизм.

В трактате Николя Фламелья *«Объяснение фигур»* мы находим — и это весьма показательный пример — следующий пассаж:

«Здесь я рисую для тебя два тела, одно мужское и другое женское, чтобы показать тебе, что в ходе этой второй операции ты доподлинно, хотя еще и не в совершенстве, имеешь две соединенные и сочетающиеся природы, мужскую и женскую, или, вернее говоря, четыре элемента, и что естественные враги —

тепло и холод, сухость и влага — начинают сближаться в любви одного к другому, и при посредничестве мира мало-помалу улетучивается древняя вражда старинного хаоса».

Найти *философский камень* мог лишь человек, достигший состояния полного озарения, которое всегда предполагает выполнение тонких, неуловимых операций, благодаря которым в самом адепте происходит смерть «ветхого человека» и рождение внутреннего, духовно возрожденного человека. Здесь можно было бы сослаться на многочисленные тексты, в которых описаны внутренние трансмутации, происходящие в самом алхимике. Например, в *«Торфе философов»*, алхимическом трактате арабского происхождения, встречаются следующие прекрасные слова: «И знайте, что конец есть лишь начало и что смерть есть причина жизни и начало конца. Узрите черное, узрите белое, узрите красное, и это всё, ибо эта смерть есть вечная жизнь после смерти славной и совершенной».

Озарение несет с собой полное освобождение, как утверждается в другом месте *«Объяснения фигур»* Никола Фламеля, классического трактата, приписываемого этому знаменитому французскому адепту:

«Так он (*философский камень*) теперь уносит человека из этой юдоли скорби, из этого горестного состояния бедности и недомогания, в славе поднимает его на своих крыльях над стоячими водами египетскими (коими являются ординарные мысли смертных), заставляя его презреть жизнь и богатства мира сего, денно и ночью размышлять о Боге и его святых, желать эмпиреев небесных и пить из сладостных источников вечной надежды.

Вечная хвала Богу, по милости своей давшему нам узреть сей прекрасный, воистину совершенный пурпурный цвет, сей прекрасный цвет полевого мака, сей пылающий и сверкающий сиреневый цвет, уже не подверженный переменам, над которым более невластны само небо и его зодиак, ослепительный лу-

чистый блеск которого каким-то образом сообщает человеку нечто сверхнебесное, в то же время заставляя его (когда он смотрит на него, познавая его) трепетать и содрогаться».

Освобождая мало-помалу свою подлинную природу, испытывая на себе почти неуловимое влияние потаенного *огня*, заключенного в нем самом, проникающей в него Божественной энергии, адепт непосредственно достигает всеобъемлющего знания, полного и дарующего свободу. Французский автор XVIII века, Антуан-Жозеф Пернети, в своих *«Разоблаченных мифах греков и египтян»* дает ему весьма примечательную характеристику:

«Материя едина и составляет все, говорят философы, поскольку она есть коренное начало всевозможных композиций. Она содержится во всем и ощущается во всем, поскольку она может принимать любые формы, но лишь до того, как приобретет тот или иной вид одного из трех царств природы».

В трактате Космополита содержится следующий очень короткий, но еще более замечательный пассаж: «В его царстве имеется зеркало, в котором можно увидеть весь мир»⁹.

Поскольку, более того, существует прямое соответствие между тайнами алхимической практики и тайнами Царства Небесного, практический объем этого знания, достигаемого путем озарения, простирается вплоть до высших небесных сфер, до славных областей, именуемых *эмпиреями*, то есть до рая. Этим объясняется появление в *«Зеленом сне»*, классическом трактате Бернара Тревизана, следующих слов: «Я размышлял об этом Царстве Небесном, в котором Всемогущий восседает на своем престоле в славе и в окружении ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, тронов и властей».

Так адепт обретает способность видеть то, что находится по ту сторону чувственно воспринимаемых явлений, возноситься в спиритуальном видении к небесным сферам.

Хотя Бог, несомненно, присутствует во внешнем мире алхимика, но он пребывает также и в человеческой душе алхимика, поэтому великое озарение, которого страстно добивается адепт, заключается в том, чтобы соединить свою душу, отражение Бога, со всемирной душой.

Но разве условия для такого озарения создаются не благодаря исполнению символических ритуалов?

Рене Алло в своих *«Аспектах традиционной алхимии»* пишет: «Посвященный отделен от профанного мира не меньше, чем мертвец. Вопреки иллюзиям, коими тешат себя несчастные, ни мертвецы, ни посвященные не обращаются напрямую к существам, стоящим на ином, нежели они, уровне»¹⁰.

Сильно сказано. Эти слова со всей очевидностью показывают, кем ощущал себя посвященный, даже если он и умел приспособиться к условиям жизни, которую вынужден был вести в период перехода из одного *состояния* в другое... Что же касается целей алхимической аскезы, то великий поэт Антонен Арто писал по этому поводу:

«Итак, эти конфликты, которые взбудораженный космос представляет нам в искаженном и нечистом с точки зрения философии виде, алхимия предлагает нам со всей своей интеллектуальной точностью, ибо она позволяет нам достичь возвышенного, но достичь драматическим путем, после тщательного и безжалостного перемалывания всего недостаточно зрелого, поскольку алхимия в принципе не позволяет духу возноситься прежде, чем он пройдет через все предначертанные ему пути и встанет на прочный фундамент реально существующей материи, пока он не выполнит эту двойную работу в огненном преддверии будущего»¹¹.

В алхимической литературе и иконографии встречаются свидетельства, которые невозможно интерпретировать кроме как в прямом соотношении их с ритуальными драмами: действительно, невозможно рассматривать эти тексты и изобразительные

документы иначе как подробное описание тайных ритуалов, исполнявшихся в узком кругу посвященных. Речь идет, очевидно, о ритуалах, некогда практиковавшихся в герметических сообществах. Во всей герметической традиции ритуалы и церемонии представляют участникам в *непосредственном действии*, в живом виде точный традиционный символизм, унаследованный группой, и бесспорно, что алхимия включает в себя специальные таинства, связанные с мифом о Прометее (группирующиеся вокруг обретения животворного *огня*). Однако для историка перспектива преуспеть при исследовании этого вопроса, естественно, осложняется в силу того факта, что взаимодействия между различными традициями оказываются чрезвычайно многочисленными и сложными.

Вовсе не случайно, что эзотеризм западной алхимии так много черпает из древнегреческой мифологии. Луи Сешан в своем превосходном исследовании о «Прометее»¹², равно как Дора и Эрвин Панофские в их «Ящике Пандоры»¹³, продемонстрировали весьма глубокое понимание этих двух великих взаимодополняющих мифов, нашедших большой отклик в алхимии: соответственно, мифа о Прометее, герое, *который похитил огонь* (и который сближается с Люцифером, «носителем света»), и мифа о Пандоре.

Говоря о таинствах, подразумевают *передачу* герметических знаний. В «47-м теософском письме» Якоба Бёме¹⁴ можно прочесть следующую фразу: «Не получишь ничего стоящего, пока кто-нибудь не передаст вам что-то собственной рукой». Эти слова справедливы в отношении любого герметического знания, в том числе и средневековой алхимии.

Целый ряд герметических документов не может иметь иного объяснения, кроме как совершенно конкретное описание *мистерий*, священной драмы, которая разыгрывалась и осуществлялась в специальном месте, известном только посвященным. Вот окончание «Зеленого сна», блестящего трактата, сочиненного адептом Бернаром Тревизаном:

«В третьих апартаментах была комната, отделанная материей ярко-красного цвета на золотом фоне, более красивой и роскошной, чем все прочие ткани, которые я только что видел.

Я осведомился, где хозяин и хозяйка дома. Мне сказали, что они скрыты в глубине этой комнаты... Мне не довелось увидеть четвертые апартаменты, поскольку они располагались, должно быть, где-то в другом месте, однако мне объяснили, что они состоят всего из одной комнаты, в которой нет иной обстановки, кроме солнечных лучей, совершенно чистых и сконцентрированных на такой же пурпурной ткани, какую я только что видел...»

Ту же тему трактует и другой, на сей раз более близкий к нашим дням, текст — знаменитый рассказ Эдгара По «*Маска Красной смерти*». Эта Красная смерть символизирует не что иное, как то, что в герметической традиции называется *страхом* или *стражем порога*. Но вот как устроены семь (число, знаменательное в традиционной символике) залов, описанных рассказчиком:

«Комнаты располагались столь причудливым образом, что сразу была видна только одна из них. Через каждые двадцать — тридцать ярдов вас ожидал поворот, и за каждым поворотом вы обнаруживали что-то новое. В каждой комнате, справа и слева, посреди стены находилось высокое узкое окно в готическом стиле, выходившее на крытую галерею, которая повторяла зигзаги анфилады. Окна эти были из цветного стекла, и цвет их гармонировал со всем убранством комнаты. Так, комната в восточном конце галереи была обтянута голубым, и окна в ней были ярко-синие. Вторая комната была убрана красным, и стекла здесь были пурпурные. В третьей комнате, зеленой, такими же были и оконные стекла. В четвертой комнате драпировка и освещение были оранжевые, в пятой — белые, в шестой — фиолетовые. Седьмая комната была затянута черным бархатом: черные драпировки спускались здесь с самого по-

толка и тяжелыми складками ниспадали на ковер из такого же черного бархата. И только в этой комнате окна отличались цветом от обивки: они были ярко-багряные — цвета крови»*.

Помимо вышеупомянутых герметических ритуалов, традиционная алхимия, видимо, включала в себя и еще более секретную драму, разыгрываемую всего двумя персонажами — алхимиком и его спутницей жизни, вместе образующими *божественную пару*. На многочисленных герметических гравюрах эпохи Ренессанса и XVII века можно видеть этих действующих лиц, каждое из которых держит тот или иной ритуальный предмет. Именно в этом контексте, очевидно, следует интерпретировать строки сонета «Эрмфрея» Жерара де Нерваля: «Возьми свой лук и облачись в корсет из полированного золота». В этом сонете, очевидно, дается описание священной драмы, которая разыгрывалась в присутствии лишь очень немногих избранных во время исполнения этих ритуалов.

Партнерша алхимика, жрица Солнца, начинавшая бой против затмения светила, должна была вооружаться луком и стрелами (символизировавшими солнечные лучи, истинный духовный свет), которые служили ей оружием обороны. Следует заметить, что на упомянутых нами алхимических гравюрах лук служит очень древним лунным символом, чем и объясняется тот факт, что он всегда является вооружением женщины.

Весьма многозначительным документом представляется и «*Вершина адептов*», любопытная картина работы С. Михельспахера из книги «*Cabala, Speculum Artis et Naturae in Alchymia*» («Кабала, зеркало искусства и природы в алхимии»), вышедшей в 1654 году в Аугсбурге. На ней представлен ряд мотивов, которые говорят сами за себя. В правом нижнем углу на гравюре изображен человек с завязанными

* Цит. по: Ло Э. Избранное / Пер. с фр. Р. Померанцевой. М., 1984. С. 263.

глазами — это посвящаемый в тайны, находящийся на самой начальной стадии испытаний. Главный центральный мотив представляет нам лестницу с семью ступеньками, каждая из которых соответствует одной из операций Великого Делания: кальцинация (прокаливание), сублимация (возгонка), растворение, гноение, дистилляция, коагуляция (сгущение), окрашивание. Лестница ведет в своего рода небольшой храм, молельню, в которой, в самой глубине, можно разглядеть алхимическую печь. Это сооружение включает в себя семь колонн. В центральной его части можно видеть мужчину и женщину, которые держат предназначенные для них предметы и, очевидно, совершают ритуал. По обоим склонам вершины стоят мужчины и женщины — расположенные таким образом, что они образуют пары, — и также держат ритуальные предметы: скипетр, шпагу, косу, зеркало, стрелу, лампу.

Как известно, Евангелие от Иоанна начинается так: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Но что такое «слово»? Вот попытка определения, предпринятая Ральфом М. Льюисом в сочинении *«Внутреннее святилище»*:

«Слово понимается как вибрационная энергия, в которой существует основополагающая энергия всех вещей. Мы можем сравнить его с единственным звуком, который бы одновременно вмещал в себя все октавы, все тона... Подобно тому, как любой цвет является составляющей белого цвета, любое творение образует часть сложного закона, отличительная особенность которого состоит в том, что он есть ключ ко вселенной. Кто познал бы это Слово и сумел бы произнести его, тот стал бы господином всего творения»¹⁵.

Что столь сильно осложняет правильное толкование документов, так это необходимость постоянно иметь в виду множественность возможных смыслов. Так, пассажи, в которых мы приводили описание ритуалов, мистерий, тайных церемоний, вполне могли бы быть применены и к опытам, странствиям, проис-

ходящим в иной плоскости реальности — благодаря магическому воображению. В данной связи уместно вспомнить легенду, согласно которой царь Соломон имел волшебное кольцо, позволявшее ему отдыхать от повседневных забот, путешествуя через небесные сферы. Отсюда проистекала возможность многочисленных впечатлений, хотя и конкретных, но возникавших в иной плоскости, нежели сфера чувственных восприятий. Вот пример, правда, относящийся к более поздней, чем рассматриваемая нами, эпохе, заимствованный у Нерваля, этого страстного поклонника алхимии: «В этот момент один из рабочих мастерской, в которую я вошел в качестве посетителя, появился, держа в руках длинный стержень, на конце которого был шар, до красна раскаленный в огне».

Воображение, этот непризнанный — или обесславленный — волшебник, в обычных, повседневных условиях может завести слишком далеко. В этой связи мы хотели бы сослаться на увлекательное произведение Мирчи Элиаде *«Шаманизм и архаическая техника экстаза»*¹⁶.

В качестве примера того, как позднейшие алхимические тексты описывают странствие, совершенно символизированное на уровне магического воображения, мы приводим знаменитое произведение Франческо Колонна *«Сон Полифила»*¹⁷.

Мы говорили о Нервале, но имеются и гораздо более новые тексты подобного рода, вспомнить хотя бы о весьма любопытном герметическом рассказе Итель Колкахен *«Гусь Гермогена»*¹⁸.

На этом же уровне находится и проблема активной роли, которую играла алхимическая пара: один из великих секретов тантризма, несомненно, состоял в исполнении ритуала «божественной свадьбы», которая делала возможным пробуждение супругов преобразенными. Напомним в этой связи следующие слова Жерара де Нерваля: «Обожаемая женщина являет собой не что иное, как абстрактный фантом, несовершенный образ божественной дамы, невесты, возбуждающей помыслы о вечности». В сущности, это то же самое, что и поиски разгадки великого

секрета куртуазной любви, секрета *верных возлюбленных*.

Но что же являлось конечной целью алхимика, занятого поисками полного возрождения человека?

На этом высшем уровне алхимия могла бы называться наукой или искусством *бессмертия*. Действительно, речь здесь идет о достижении полной трансформации обычного состояния человека, о выходе за пределы земного бытия (или, точнее говоря, об обретении вновь блаженного состояния, предшествовавшего грехопадению).

В *«Беседе царя Калида и философа Мориена»*, написанной на арабском языке, мы встречаем следующий отрывок:

«Кто сумеет обелить душу, возвысить ее во второй раз, кто сможет сохранить в целости тело и избавить его от всевозможной нечистоты и дурного запаха, тот сумеет ввести эту душу в тело, и когда две эти части воссоединятся, произойдет много чудес».

Тем самым адепт сумел бы одержать полную победу над смертью. Он смог бы не только продлить на века свое физическое существование, но и достичь полного телесного преображения.

Пьер Вико, алхимик XV века, писал в своем трактате *«Великий Олимп»*: «Следует также иметь верного компаньона, нравом похожего на вас, а лучше всего найти жену, подобную Пернелле [супруге Фламелья], однако этот пол отличается легкомыслием и следует опасаться его»¹⁹.

Таким образом, признавая практическую необходимость иметь компаньона, способного подменить *делателя* у атанора (ибо возможности представителя рода человеческого бодрствовать небеспределельны), он вместе с тем восхвалял создание алхимической пары (что, впрочем, случалось нечасто) как наиболее прекрасный успех в области алхимии.

ТО, ЧТО ДЕЛАЛОСЬ

Лабораторные операции

Велик соблазн для историка попытаться «перевести» на понятный язык средневековый алхимический трактат, выявляя последовательно протекавшие процессы, о которых там идет речь. Вот весьма показательный пример, отрывок из произведения XV века, *«Трактата о химии философской и герметической»*, принадлежащего английскому адепту Джорджу Рипли:

«В ходе различных операций можно получать различные вещества: прежде всего *зеленого льва*, густую жидкость, ... с помощью которой извлекается золото, скрытое в простых веществах; *красного льва*, который превращает металлы в золото: это порошок ярко-красного цвета; *голову ворона*, именуемую также *черным пафусом корабля Тезея*, черный осадок, который предшествует зеленому льву и появление которого по истечении сорока дней предвещает успех *делания*; он служит для разложения и гниения объекта, из которого хотят извлечь золото; *белый порошок*, который превращает белые металлы в чистое серебро; *красный эликсир*, с помощью которого делают золото и лечат любые раны; *белый эликсир*, с помощью которого делают мазь и намного продлевают человеческую жизнь, — его называют также *белой дочерью философов*. Все эти разновидности философского камня обладают способностью расти и умножаться...»

Не подлежит сомнению, что здесь речь идет о материальных процессах, конкретных операциях.

Однако не пора ли нам попробовать хотя бы немного ознакомиться с работой, которую исполнял алхимик в своей лаборатории?

Цвета Делания

Следует заметить, что во всех подобного рода текстах, которые кажутся нам столь странными, содержатся, несмотря на употребление символического языка, совершенно точные описания последовательных фаз Великого минерального Делания. Так, все традиционные алхимические документы единодушно сообщают о трех главных цветах, последовательное появление которых служит вехами победного шествия к успешному завершению Великого Делания. Прежде всего *черный* цвет (Делание в черном), символом которого является голова ворона или череп, соответствует необходимой фазе гноения, через которую должна пройти смесь, надлежащим образом приготовленная и помещенная вариться в философском яйце. Другим основным цветом, который должен своевременно появиться, является *белый* (Делание в белом), ассоциирующийся с фазой дистилляции первичной материи; его появление знаменует собой многообещающую возможность осуществления трансмутации в серебро — промежуточный этап на пути к успеху Великого Делания. Наконец, *красный* цвет, появившийся в обрабатываемой смеси, указывает на достижение *делателем* подлинного герметического триумфа, обретение им возможности осуществлять трансмутации в золото.

В действительности же алхимик в процессе трансформаций первичной материи в реторте мог наблюдать и другие цвета: желтый цвет (лимонный) и последовательное возникновение в обрабатываемой смеси пестрой феерии цветов (фаза, получившая название «*радуга*» или «*хвост павлина*»). Можно было также говорить о цветах, связанных с различными

состояниями субстанций, использовавшихся в качестве агентов и катализаторов по ходу выполнения операций — веществ или смесей, которые при добавлении их в первичную материю вызывали последовательные метаморфозы.

Первичная материя

Однако с чего следовало начинать, чтобы получить подлинную первичную материю Великого Делания, отправную точку последующих процессов? Имеющиеся тексты убеждают нас в том, что среди алхимиков существовали на сей счет серьезные разногласия. Одни из них исходили из разного рода органических составов. В числе наименее известных была желатиновая водоросль носток, которую обычно называли лунной мокротой и которая после ливня иногда встречается на суше более или менее компактными массами. Примечательно также и то, сколько алхимики собирали майскую росу, которая, как они полагали, падала с неба и обладала благодаря своей особой чистоте чудесными очищающими свойствами.

Однако, вероятнее всего, в этих случаях речь шла не о первичной материи в собственном смысле этого слова, а лишь о драгоценных предварительных добавках, совершенно необходимых для правильного ее приготовления.

Надежда преуспеть в Великом Делании, используя в качестве первичной материи органическое вещество, уводила некоторых *суфлеров* с истинного пути в мрачные дебри черной магии. Так, по совету итальянского священника-расстриги Франческо Прелати прославленный маршал Жиль де Раис, доблестный товарищ по оружию Жанны д'Арк, дошел до убийства младенцев, чтобы использовать их молодую кровь, которая, как полагали, была необходима для успеха Великого Делания. Даже если в случае с Жилем де Раисом есть все основания усомниться (некоторые историки полагают, что затеянный против него процесс со столь зловещими обвинениями

представлял собой не что иное, как результат политических интриг его врагов), несомненно, существовало немало лжеалхимиков, сбивавшихся с пути истинного и впадавших в самые зловерные заблуждения.

Алхимиков рассматривали и в качестве предшественников тех, кто в более поздние времена предпринимал попытки искусственно создать живое существо: имеется в виду проблема *гомункула* (по-латыни *homunculus*, что в буквальном переводе означает «человечек»), маленького существа, искусственно созданного из человеческого семени. Однако мы упоминаем об этом лишь в порядке отступления, поскольку средневековые тексты, по крайней мере насколько нам известно, не содержат никаких сведений на сей счет: первым заговорил о *гомункуле* Парацельс, знаменитый врач-алхимик эпохи Ренессанса. Кроме того, уместно задаться вопросом: не имела ли целью расхожая интерпретация этих свидетельств сокрытие символического смысла алхимических текстов?

Действительно, традиционный средневековый алхимик для приготовления первичной материи Великого Делания обычно использовал минеральную субстанцию. Точнее говоря, он работал с составом, представлявшим собой смесь из двух начал (положительного и отрицательного, мужского и женского), различные комбинации которых, в разнообразных пропорциях, как полагали, приводили в природе к зарождению различных металлов. Отсюда проистекала непоколебимая вера средневековых алхимиков в возможность осуществления трансформации одного металла в другой. Перечитаем вторую часть «*Романа о Розе*», произведение Жана де Мёна:

Кто сумел бы разумно использовать алхимию, тот творил бы чудеса, ибо какие бы вещества ни использовались для приготовления алхимических смесей, они, в силу своей изменчивой природы, под воздействием переработки способны совершенно меняться и переходить в иные категории»¹.

Золото в царстве алхимии представляло собой вершину металлического совершенства, тогда как прочие металлы считались несовершенными, «падшими», «больными», поскольку они олицетворяли собой более низкие стадии металлического состояния. Это дает ключ к пониманию слов мусульманского адепта Гебера, который определил цель Великого минерального Делания следующей образной фразой: «Принесите мне шесть прокаженных, чтобы я вылечил их». Каким образом? Путем трансмутации.

Однако уточним, что главной отправной точкой минеральной алхимии служила *сложная* природа всех металлов, индивидуальность которых происходила из различных комбинаций двух начал. Эти начала, мужское и женское, назывались, соответственно, *серой* и *ртутью* (*Меркурием*). Сера (*sulphur*) соответствовала огненному началу металла, а ртуть тому, что есть в нем летучего, равно как и его, так сказать, «металличности». Но играли свою роль и другие интерпретации. Приведем выдержку из «*Краткого курса совершенного магистерия*» (иначе говоря, Великого Делания), трактата, авторство которого приписывается Геберу:

«Солнце [золото] образовано из очень летучей ртути и некоторого количества очень чистой серы, твердой и светлой с приятным красноватым оттенком, а поскольку сера не всегда имеет одинаковый цвет, будучи то более, то менее окрашенной, и полученное от нее золото бывает то более, то менее желтым...»

Хотя алхимикам была хорошо известна обычная сера, так же как и металл ртуть, нельзя считать проблему интерпретации решенной, и в связи с этим нам представляется уместным сделать уточнение, что алхимические Сера и Ртуть (Меркурий) пишутся с заглавной буквы, поскольку речь идет не об одноименных химических веществах, но о двух началах, соединение которых совершается в исходном материале Великого Делания.

Порой случается, что в своих алхимических трактатах адепты говорят об обычных сере и ртути, которые открываются и нашим взорам, и это порождает догадку: а не сознательно ли алхимики оперировали, и весьма виртуозно, этими двойными смыслами, постоянными переходами от одного значения слова к другому?

Однако и действительно существует минерал, *киноварь*, который включает в себя, объединяет в своем составе серу и ртуть. Для некоторых алхимиков именно эта субстанция служила исходным материалом. Другие же ратовали за использование в качестве исходного материала иных серосодержащих минералов, таких, как стибин, серая сурьмяная руда.

Помимо химических веществ, обычно известных под названиями сера и ртуть, алхимики охотно ссылались, используя эти названия, на дуализм минеральных начал, антагонистических, но дополняющих друг друга и отражающих дуализм, реально существующий в космическом масштабе. Таким образом, медленное зарождение металлов в недрах земного шара объяснялось ими комбинацией в различных пропорциях этих начал, постоянного и летучего, мужского и женского.

Обратимся вновь к легендарной «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста. Уже в ней содержится совершенно определенное утверждение, что адепту необходимо соединять два дополняющих друг друга начала, мужское и женское, символами которых являются, соответственно, Солнце и Луна, Король и Королева: «Солнце — его (то есть Великого Делания) отец, Луна — мать его».

Среди металлов золото уподобляется Солнцу, а серебро — Луне. Совершенно понятно, что эта конкретная символика возникла в результате непосредственного наблюдения зримо воспринимаемых различий между солнечным светом, сияющими золотистыми лучами, и бледным, отраженным светом ночного светила.

Согласно некоторым алхимикам, необходимо, дабы преуспеть в Великом Делании, исходить из золота

и серебра, точнее говоря, стараться извлечь из двух начал, кои включают в себя эти благородные металлы (а именно из философских Серы и Меркурия), некое «семя», способное моментально «умножить» драгоценные металлы, золото и серебро. Надо суметь соединить эти два начала, выполняя специальную работу с первичной материей Делания.

Однако к этим дополняющим друг друга началам следует добавить и третье — Соль (не путать с поваренной солью), которая играла бы между этими двумя антагонистами роль примирителя. Тем самым удалось бы, выйдя за пределы дуализма, прийти к троичности начал, объясняющих минеральное царство.

Влажный путь и путь сухой

Процесс, наиболее часто применявшийся средневековыми алхимиками, назывался *влажным путем*, когда первичная материя доводилась до состояния готовности в *философском яйце*, то есть в стеклянной или хрустальной реторте, нагревавшейся в атаноре (алхимической печи). Этот путь был весьма долг, продолжаясь сорок дней — число, как мы уже отмечали, весьма символичное. Отметим, в частности, что число сорок представляет собой результат умножения пяти (исключительно важное число, в учении пифагорейцев связанное с Солнцем, а в христианской символике — с Девой Марией) на восемь («небесное» число, число блаженств Нагорной проповеди).

Действительно, от алхимика обычно требовалось почти сверхъестественное терпение: кроме немногих исключительных случаев, даже точное знание состава используемого исходного материала и различных операций, которые должны быть предварительно выполнены для его подготовки, не избавляло адепта от долгой, продолжавшейся иногда годы, работы.

Однако существовал, как утверждалось, гораздо более короткий путь, занимавший всего лишь семь или восемь дней (также весьма многозначительные числа) и даже несколько часов. Это был *сухой путь*,

получивший такое название потому, что *делание* совершалось в тигле. Этот путь хотя и был гораздо более коротким, что касается его продолжительности, но чрезвычайно опасным для «делателя» по причине угрозы взрыва.

Существовал также путь, по-латыни называвшийся *directissime*, кратчайшим, позволявший достичь успеха почти моментально, но с поистине фатальным риском, даже в сравнении с безрассудностью всего алхимического предприятия как такового. Для успеха этого «кратчайшего» пути требовалось — воистину фантастический подвиг по меркам современного научного знания — внезапное попадание молнии, уловленной в земной атмосфере во время грозы.

Хотя некоторые авторы и склонны сводить алхимию к внутренней аскезе, к мистике, однако оказывается совершенно невозможным — учитывая обилие точных письменных свидетельств и предметов, дошедших до наших дней, — отрицать тот факт, что средневековый алхимик весьма успешно занимался *деланием* в своей лаборатории.

Ни один историк не смог бы отрицать того, что алхимики обладали немалым умением, были настоящими искусниками при выполнении своих лабораторных манипуляций, имели точное знание явлений, наблюдаемых при работе с различными веществами и в процессе превращений, специально приготовленных смесей. Они умели смешивать вещества, дистиллировать, нагревать, взвешивать использованные субстанции (применяя весы). Алхимики умели поднимать температуру в реторте за счет определенного состава смеси. Они были превосходными, настойчивыми наблюдателями, однако их опыты всегда оставались на ограниченной стадии — на стадии прямого наблюдения. Они никогда не доходили — и в том заключается их главное отличие от современных ученых — до уровня подлинного абстрагирования от наблюдаемых явлений, до математического оформления данных, полученных путем чувственного восприятия.

И тем не менее на этой считающейся весьма примитивной стадии достигались вполне реальные, порой весьма показательные результаты, выявлялись и целенаправленно изучались различные субстанции. Именно поэтому и признается за средневековыми алхимиками пальма первенства в открытии многих важных веществ, таких, как мышьяк, серная кислота, хлорная кислота, соляная кислота, сурьма и т. д.

Если пойти еще дальше, то мы могли бы поразвлекаться — но, разумеется, не теряя при этом чувства реальности — своего рода «ретроспективной научной фантастикой» (если будет нам позволено так выразиться), которая состояла бы в приписывании средневековым алхимикам знаний, в действительности полученных гораздо позже, лишь ядерными физиками XX века. Так могли ли алхимики, располагая сведениями о внутренней структуре материи, достигать успеха в осуществлении трансмутаций на ядерном уровне? В конце этой главы мы приведем научные возражения, которые могут быть выдвинуты, и вполне обоснованно, против самой идеи успешного завершения алхимиками Великого минерального Делания.

Средневековые «секреты»

Возвращаясь к ремесленной природе алхимических процессов, можно было бы попытаться объяснить некоторые средневековые открытия, тайна которых впоследствии была забыта и не разгадана до сих пор, различными техническими секретами, позаимствованными у алхимиков. Так, можно полагать, что лучистый красный цвет стекла некоторых витражей (например, Шартрского кафедрального собора), которого не умеют добиваться современные стеклоделы, объясняется секретом производства, который хранили алхимики. А что думать о тайнах *греческого огня*, этого страшного оружия византийцев, а затем арабов, секрет которого навсегда утрачен? Можно предположить, что его изобретатель, очевидно сирийский алхимик, нашел способ извлечения фосфора, воспламеняющегося при контакте с водой,

или что он открыл наиболее эффективное из свойств (хорошо известное современным химикам, даже любителям) натрия. Как известно, попытки заливать греческий огонь водой лишь приводили к тому, что он еще больше разгорался. «Чтобы изготовить современный греческий огонь, — замечает Жак Бержье, — надо добавить к смеси, подобной напалму, металлического натрия»².

Труды и бдения

Но вернемся к нашим алхимикам, занимавшимся *деланием* в своих мрачных лабораториях. Там они проявляли поистине изумительные упорство, постоянство и прилежание. На протяжении определенных фаз работы, в течение многих часов подряд, им нельзя было ни на мгновение упускать из виду атанор, иначе приходилось все начинать сначала или же возникала угроза возникновения опасных явлений.

Таким образом, алхимик должен был иметь доверенного помощника, который мог бы подменить его во время долгих бдений у атанора — возможности человека постоянно бодрствовать все-таки ограничены. Проще было женатому алхимику, но лишь при условии, что его спутница жизни полностью разделяла его труды и надежды и готова была вместе с ним преодолевать все невзгоды.

В эпоху Средневековья, очевидно, еще не существовало снаряжения, столь удобного в употреблении, как то, что используется в современных лабораториях, — теперешние халаты (алхимики довольствовались старой одеждой) и средства защиты (хотя средневековые *делатели* и располагали кое-какими ремесленными приспособлениями, например, керамическими, металлическими или стеклянными защитными масками, применявшимися, когда требовалось защитить глаза).

Желание видеть в алхимии лишь некую «предысторию экспериментальной химии» приводит к уподоблению ее экспериментальным исканиям практиков-ремесленников, основанным исключительно на

терпеливых и кропотливых наблюдениях. Вместе с тем многие трактаты изумляют точностью, с которой алхимики описывают наблюдаемые явления во время последовательных метаморфоз, кои претерпевала первичная материя в *философском яйце*, если вспомнить в связи с этим лишь наиболее часто применявшийся метод — *влажный путь* Великого Делания. Последовательное чередование фаз и появление различных цветов подвергались тщательному наблюдению и описанию.

Вот текст (однако количество примеров без труда можно увеличить), содержащий точное описание эксперимента: «Если вы бросите на медь сублимированного белого мышьяка, то увидите, что медь побелеет; если затем вы добавите половину [от количества меди] чистого серебра, то превратите всю медь в настоящее серебро»³. Алхимики в Средние века были замечательными наблюдателями, и многие проведенные ими эксперименты потом повторялись, вплоть до наших дней, современными химиками — с той лишь разницей, что средневековые адепты ограничивались выявлением и наблюдением конкретных фактов, не будучи в состоянии выразить формулами наблюдаемые явления. Вовсе не случайно опыт, хорошо известный в лабораториях лицеев и коллежей, получил название *философский фонарь*, ведь сами алхимики предпочитали называть себя *философами*. Так что не следует приуменьшать важность вклада, сделанного древними и средневековыми алхимиками в конкретные экспериментальные исследования.

Однако возвращаясь к вопросу, поставленному нами в начале исследования: возможно ли — идет ли речь о непосредственных описаниях реальных явлений, о пассажах ли, которые мы назвали бы ловушками (их назначением было направить любопытных по ложному пути), или же о чисто символических по своему типу рассказах — свести все алхимические трактаты к описанию экспериментов, которые (если

не принимать во внимание отсутствие математической обработки результатов) наводят на мысль о запутанной, но весьма колоритной «предыстории» экспериментальных исследований, позднее проводившихся более методично, в рамках современной химии? Это было бы весьма серьезной исторической ошибкой — даже когда речь идет об описании реальных, чувственно воспринимаемых явлений, возникавших в реторте или тигле на глазах у обеспокоенного или восхищенного наблюдателя. Средневековый алхимик вторгался в сферы, в которых конкретные материальные опыты выливались (по крайней мере, как виделось ему) в некие *иные* измерения, нежели допустимые с научной точки зрения феномены.

Возникает целый ряд ложных ретроспективных интерпретаций, которых следует всячески избегать. Примером этого может служить буквальное понимание одного из трех основополагающих начал исходного материала Великого Делания как конкретного вещества, название которого он носит.

В своем трактате «*Четки*» Арнольд из Виллановы (знаменитый врач и алхимик, являвшийся близким другом Раймонда Луллия) писал: «Кто знает Соль и способ ее приготовления, тот обладает секретом, тщательно хранившимся древними мудрецами». Вспомним, что речь шла о Соли, считавшейся космическим началом, посредством которого осуществлялся брак двух антагонистических сущностей — Серы и Меркурия *мудрецов*, поэтому было бы весьма неосмотрительно всегда и везде напрямую ассоциировать эти два первоначала с двумя хорошо известными веществами, носящими те же самые названия.

Они, хотя конечно же и вызывали в воображении вполне конкретные представления, служившие обоснованием подобного рода символического словоупотребления, вместе с тем вполне конкретным образом передавали главные, столь поразительные характерные особенности, которые приписывались этим двум началам алхимиками. Разве сера не обладает способностью гореть, тогда как Сера (мужское начало) ассоциируется с пылкостью и решительностью? Разве

ртуть (Меркурий), столь удачно именуемая на старо-французском языке *живым серебром (vif-argent)*, не является металлом, превосходно олицетворяющим собой нечто ускользающее, трудноуловимое, летучее?

«Изумрудная скрижаль»

Обратимся очередной раз к легендарной *«Изумрудной скрижали»*, авторство которой средневековые алхимики без колебаний приписывали мифическому Гермесу Трисмегисту:

«...То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу. И все это только для того, чтобы совершить чудо одного-единственного.

Точно так же как все сущие вещи возникли из мысли этого одного-единственного, так стали эти вещи вещами действительными и действенными лишь путем упрощения применительно случаю того же самого одного-единственного, единого.

Солнце — его отец. Луна — мать его. Ветер вынашивает его во чреве своем. Земля вскармливает его.

Единое, и только оно, — первопричина всяческого совершенства — повсеместно, всегда.

Мощь его есть наимогущественнейшая мощь — и даже более того! — и явлена в безграничии своем на земле.

Отдели же землю от огня, тонкое от грубого с величайшей осторожностью, с трепетным тщанием.

Тонкий, легчайший огонь, возлетев к небесам, тотчас же низойдет на землю. Так свершится единение всех вещей — горних и дольних. И вот уже вселенская слава в дланях твоих. И вот уже — разве не видишь?! — мрак бежит прочь. Прочь!

Это и есть та сила сил — и даже еще сильнее! — потому что самое тончайшее, самое легчайшее уловляется ею, а самое тяжелое ею пронзено, ею проникновенно.

Так, так все сотворено. Так!»

Здесь речь идет о главном принципе (к нему мы вскоре еще вернемся) оперативной алхимии — об аналогии, традиционно проводимой между практи-

ческим осуществлением в лаборатории Великого Делания (процессом, систематизированным и кратко изложенным в *«Изумрудной скрижали»*) и тем, что происходило при зарождении нашего земного мира, в ходе организации первозданного хаоса Божественным Светом. Тем самым алхимик отходил от простого, хотя и весьма колоритного экспериментирования с конкретными материалами. Что же до нас, то мы благодаря этому начинаем лучше понимать то упорство, с каким алхимики хранили свои секреты, ибо они не желали допускать любопытных профанов к лицезрению того, как разворачиваются фазы Великого Делания.

Разве не шла речь, по их убеждению, об истинно *священном* процессе?

Алхимия и астрология

Алхимические опыты обладают рядом особенностей, позволяющих отличить их от экспериментальных исследований в области современной химии. Прежде всего наличием тесной связи между алхимией и астрологией. Адепты не только верили в действенность астрологических предсказаний, которые тогда в принципе не подвергались сомнению, но и тесно связывали друг с другом эти два оккультных искусства. Точнее говоря, знание астрологии считалось совершенно необходимым для того, чтобы преуспеть в последовательных операциях Великого Делания. Не следует упускать из виду это важное обстоятельство, если хочешь иметь исторически корректное представление о лабораторных бдениях средневековых алхимиков, не став жертвой столь обманчивых анахронизмов.

Для алхимиков не только было в высшей степени желательно следовать циклу земного обновления и, соответственно, начинать операции непосредственно Великого Делания, насколько это было возможно, в период весеннего равноденствия, но и требовалось постоянно бодрствовать, чтобы начать свое предприятие в момент наиболее благоприятного распо-

ложения звезд на небесном своде, а для этого было совершенно необходимо очень внимательное предварительное наблюдение точного положения — на момент, когда должно начаться Великое Делание, — Солнца, Луны, планет и определенных созвездий в тот самый день, когда *делатели* начинали ряд опытов, предназначенных стать вежами триумфальной трансмутации. Земля отнюдь не находится в обособленном положении, она испытывает на себе влияние звезд, и без знания астрологии алхимик, как полагали, оказался бы совершенно безоружным, в очевидно невыигрышном состоянии. Одного этого вторжения астрологического детерминизма в определение дня, наиболее благоприятного для последующего успеха алхимических операций, для нас было бы достаточно, чтобы понять коренное отличие труда алхимика от современного научного экспериментирования — современный ученый по собственному усмотрению решает, когда приступить к эксперименту. Помимо этого дух рационализма не может допустить (для алхимиков это считалось само собой разумеющимся), что движение звезд будто бы влияло на операции Великого Делания точно так же, как оно повлияло на медленное естественное созревание металлов в земных недрах. Подобного рода соотнесенность и параллелизм между законами движения звезд на небесном своде и циклами жизни минералов в земных недрах являлись основополагающим представлением древних алхимиков, которого, разумеется, не может допустить рационалистический дух современной науки. Алхимия, с одной стороны, и современная химия — с другой, представляют собой два универсума, два видения мира, коренным образом отличающихся друг от друга и совершенно несовместимых друг с другом.

Вновь обрести золотой век

Среди семи планет алхимики отводили особое место Сатурну. Он не просто традиционно связывался со свинцом, одним из семи металлов, соответство-

вавших семи планетам, известным со времен Античности. Сатурн ассоциировался также с первобытным золотым веком, когда, как известно нам из греко-римской мифологии, миром правил бог *Кронос* (римский Сатурн), бывший также богом времени (отсюда *хронология*).

Так нет ли еще возможности возвратить, по завершении цикла апокалиптических переворотов и потрясений, этот золотой век, вновь обрести состояние небесного блаженства? Отсюда проистекает второе огромное различие между целями, которые преследовались алхимиками, и целями современной позитивной науки. Современной науке совершенно чужды всякого рода концепции и видения религиозного, священного порядка. Традиционная алхимия основывалась на мифической, фантастической, чудесной надежде вновь обрести золотой век, возвратиться в блаженное состояние (о котором человеческая душа хранит навязчивые ностальгические воспоминания), утраченное в результате первобытного грехопадения. Надежду возвратить его алхимия распространяла не только на людей, но и на все земное творение, включая сюда и минеральное царство. Но как вновь обрести утраченный золотой век, как *«перейти, подняться от свинца к золоту»*? Мы видели, что для средневековых христианских алхимиков их самые фантастические творческие надежды не вступали в противоречие с господствовавшими в те времена верованиями и идеями, которые они вполне разделяли. Напротив, надежда вновь обрести утраченный золотой век, возвратиться в потерянный рай, восстановить состояние блаженства на Земле не имеет смысла для строго «мирских» целей современной химии, практикующей количественный анализ.

Однако различия между алхимией и химией этим не ограничиваются, они гораздо глубже и непримиримее. Историк приходится также констатировать, что во время выполнения алхимических операций обнаруживались (если верить *адеттам*) явления, факты и законы, выходящие за рамки природы процессов, допустимых с точки зрения современной позитивной

науки — вопреки нашим попыткам (со всеми оговорками) рискованного сближения химии и алхимии.

Мы только что видели, сколь тесно алхимик увязывал обработку веществ в собственной лаборатории с расположением звезд на небесном своде. Тем самым он проводил непреложную параллель между небесными законами и феноменами, наблюдаемыми в лаборатории, — отсюда название, которое иногда дают алхимии, на первый взгляд весьма странное, однако не менее показательное, если иметь в виду упомянутую параллель между небесными и земными явлениями, *небесное земледелие*, и слово *земледелец*, прилагаемое к адепту.

Совершенно логично, что алхимики не считали, будто знание, какие вещества и как необходимо обрабатывать и смешивать при последовательном выполнении операций Великого Делания, само по себе еще не ведет к успеху. Они полагали, что эти вещества, прежде чем могут быть использованы, должны достичь надлежащей астральной зрелости. Например, сурьма не могла считаться *философской* (то есть пригодной для использования в операциях Великого Делания), пока алхимик не подвергнет ее воздействию планет, достигших соответствующей констелляции, которая с величайшей тщательностью устанавливалась на небосводе. Упомянутая констелляция обеспечивала благотворное воздействие Солнца, Луны, планет и определенных созвездий. Лишь после этого должным образом приготовленный антимоний становился пригодным к употреблению; алхимики символическим образом представляли его в виде юной девы, сравнивавшейся с Суламифью из «*Песни песней*» Соломона, про которую сказано, что она «черна, но красива». И вообще алхимики охотно использовали символы, заимствованные из Священного Писания.

Правы ли историки науки, утверждающие, что телескоп был изобретен лишь в начале XVII века Галилеем? Алхимик Роджер Бэкон еще в XIII веке сделал наброски подобного рода инструмента.

Если верить некоторым текстам, то для успеха Великого Делания было необходимо уловить в строго

определенный момент (каким образом? А именно с помощью специального цилиндра — трубы? — направленного на соответствующую часть неба) свет определенной звезды. Но помимо влияния звезд алхимики прибегали и к другим вышним влияниям — в частности, «воды, [ниспосланной] свыше» (еще один красивый образ). Мы уже знаем, что они заботливо собирали росную влагу в мае. Они искренне верили, что роса исходит непосредственно из межзвездного пространства, откуда она спускается, проходя через атмосферу и попутно неуловимым образом оживляя ее.

Земной магнетизм также играл в алхимических операциях свою строго определенную роль, хотя сейчас и трудно уже сказать, какую именно — не зря же буссоль фигурирует на некоторых алхимических гравюрах, пусть и XVII, и XVIII веков, но, вероятно, отображавших приемы, использовавшиеся уже средневековыми *адеттами* на каких-то этапах Великого Делания.

Средневековые алхимики полагали, что успех Великого Делания зависит от точного знания благоприятных небесных конфигураций и что операции, совершавшиеся в лаборатории, имеют серьезные последствия (хорошие или плохие), способные отразиться беспредельно далеко в мировом пространстве. Так, случайный разрыв философского яйца на одной из решающих стадий *делания* (на той, которую называли *третьим трудом*) мог опасным образом отразиться в мировом пространстве. На этом этапе даже самое незначительное превышение постепенного увеличения интенсивности нагрева грозило, думали они, катастрофой (то есть разрывом философского яйца), могущей иметь не только страшные последствия для самой лаборатории, но трудно предсказуемые внешние отзвуки.

«Тайный огонь»

Однако особенно трудно дать точную интерпретацию природы *тайного огня мудрых*, который, как полагали алхимики, абсолютно необходим для

конечного успеха их начинания. Некоторые современные авторы, кажется, допускают мысль, хотя и увлекательную, но трудно поддающуюся достаточно убедительному обоснованию, согласно которой средневековые алхимики умели — и как раз это позволяло им добиваться успеха в Великом Делании — управлять колоссальной энергией, таящейся в самой структуре использовавшегося ими материала. В действительности же нет ни одного убедительного подтверждения того, что и вправду имело место подобного рода предвосхищение триумфальных успехов ядерной физики. Историки, привыкшие полагаться на факты, с недоверием относятся к столь фантастическим гипотезам, проецирующим в далекое прошлое надежды и тесно связанные с ними тревоги людей нашего века, перед которыми открываются многообещающие, но вместе с тем и пугающие картины, связанные с открытиями в области ядерной физики.

Могли ли средневековые алхимики — еще одна фантастическая гипотеза — улавливать энергию прямо из космоса, разделяя, а затем соединяя две дополняющие друг друга части (положительная и отрицательная, мужская и женская) явления? И тут отсутствуют какие бы то ни было научные доказательства.

Земной цикл

И все же была одна первостепенной важности аналогия, подлинно оперативный ключ, источник радости и вдохновения адептов: параллель, которую они усматривали между тем, что происходило в начале земного цикла (*шесть дней* Творения), и тем, что алхимик, как верилось ему, был в состоянии воспроизвести в философском яйце. Применение его (или, если избирали сухой путь, тигля) будто бы позволяло — прибегнем к модному техническому неологизму — воспроизвести в миниатюре феномены, имевшие место в процессе Творения. Таким образом, адепт как бы располагал подлинной и одушевленной моделью нашей Земли в уменьшенном виде. Явления, последовательно сменявшие друг друга по мере

реализации различных операций с исходным материалом, заключенным в философском яйце, будто бы позволяли *делателю* наблюдать в миниатюре то, что происходило в начальной фазе существования земного шара. Этот совершенный параллелизм, эта полная аналогия будто бы продолжались со дней Творения.

Например, внезапное появление цветов радуги в первичной материи Великого Делания соответствовало библейскому эпизоду явления над безбрежными водами радуги — великолепного символа единения неба и земли — как предвестника окончания потопа. Этот параллелизм развивался, по представлению алхимика, по мере того, как он продолжал и диверсифицировал свои операции, непрерывно поддерживая аналогичную связь с небесными явлениями. Он видел также, как формируются в миниатюре Солнце и Луна с точным воспроизведением в уменьшенных масштабах фаз затмения.

Этот параллелизм продолжался вплоть до полного завершения земного цикла, как это находит свое описание в Апокалипсисе святого Иоанна — до конца сего мира, после чего, в силу самого этого факта, начинается славное зарождение *новых небес и новой земли*, возобновление земного цикла.

Три царства природы

Пожалуй, нам было бы невозможно понять средневекового алхимика, если не обратить особое внимание на то, как он на протяжении всей своей работы старался установить точное соответствие между различными мирами, между различными уровнями реальности, между творениями трех царств природы. Все, на его взгляд, пребывает в единстве, связано лестницей, соединяющей небо с землей. Это было некое магическое царство соответствий, в котором, по убеждению алхимиков, были возможны всякого рода явления, кажущиеся очень странными нашим современникам, хотя современная наука (в отличие от последователей Лавуазье) в принципе и не отри-

цает возможности получения положительных результатов там, где старинные алхимики удивительным образом предстают в роли предшественников. Одним из традиционных названий алхимии было следующее: *искусство музыки*. Что бы сие значило? Алхимики утверждали, что знают звуки, которые, если их надлежащим образом воспроизвести, позволяют получить в процессе выполнения операций Великого Делания в точности те или иные материальные результаты. Таким образом, существовала алхимическая музыка, которая исполнялась ради получения того или иного результата в процессе осуществления определенных операций. Так находит свое объяснение присутствие, отнюдь не просто ради украшения, музыкальных инструментов, изображенных на алхимических гравюрах и рисунках.

Алхимические музыкальные партитуры, известные к настоящему времени, относятся к эпохе Ренессанса и XVII веку, однако есть основания предполагать, что подобные партитуры были отнюдь не новшеством, а скорее традицией, широко распространенной в XIV и XV веках, но тайно передававшейся из уст в уста. Весьма примечательное наблюдение можно сделать, посетив в Бурже дом Жака Кёра, известного в свое время богача, поклонника алхимии. Одна из стен исключительно вместительной житницы его дома сообщается с прилегающей к ней обширной голубятней. Расположение ячеек жилища грациозных пернатых поражает наблюдателя: само их чередование сразу же наводит на мысль о записанной таким способом мелодии; отверстия по форме напоминают ноты, которые можно видеть на партитурах того времени. Было бы весьма любопытно проверить это предположение с помощью музыкальных инструментов.

Напротив, средневековые алхимики изредка использовали магические формулы, дабы вызвать то или иное сверхъестественное явление. Тогда устанавливалась определенная связь между алхимией в собственном смысле этого слова и попытками заклинаний, относящихся к тому, что называется церемониальной магией.

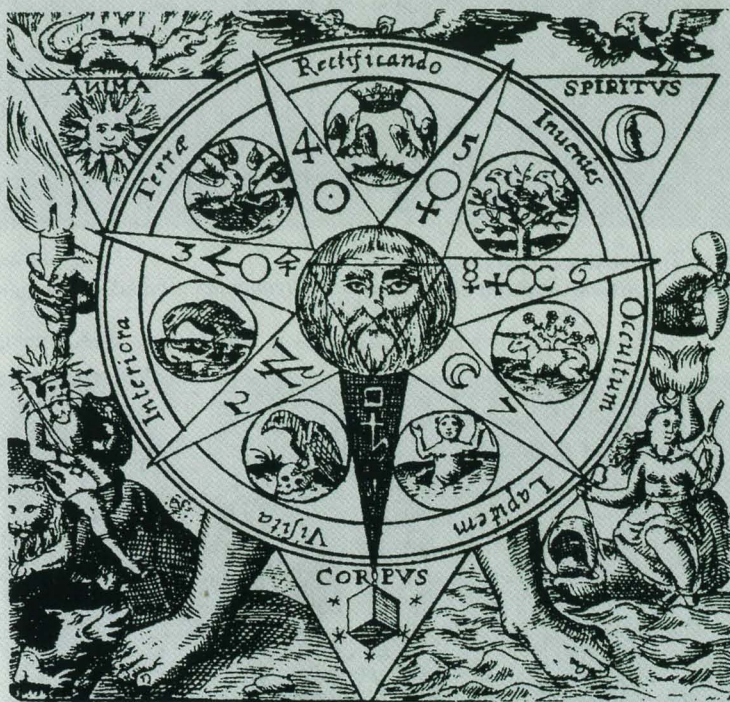
Можно составить перечень многочисленных знаков (некоторые напоминают упрощенные египетские иероглифы), использовавшихся средневековыми алхимиками для обозначения применявшихся субстанций, а также для сообщения друг другу сведений о реализуемых операциях⁴.

Если средневековые алхимики использовали целый арсенал традиционных знаков, то мы могли бы высказать предположение (с учетом их неизбежной смысловой многозначности, включая и преднамеренную расстановку ловушек для непосвященных), что в данном случае эти знаки выступали в роли отдаленных предшественников формул, которыми значительно позже станут пользоваться химики.

Однако помимо этих традиционных знаков алхимики применяли и другой способ передачи тайных сведений: они систематически использовали различные *символические изображения*. И здесь попытки расшифровки зачастую уводят современных историков в ложном направлении.

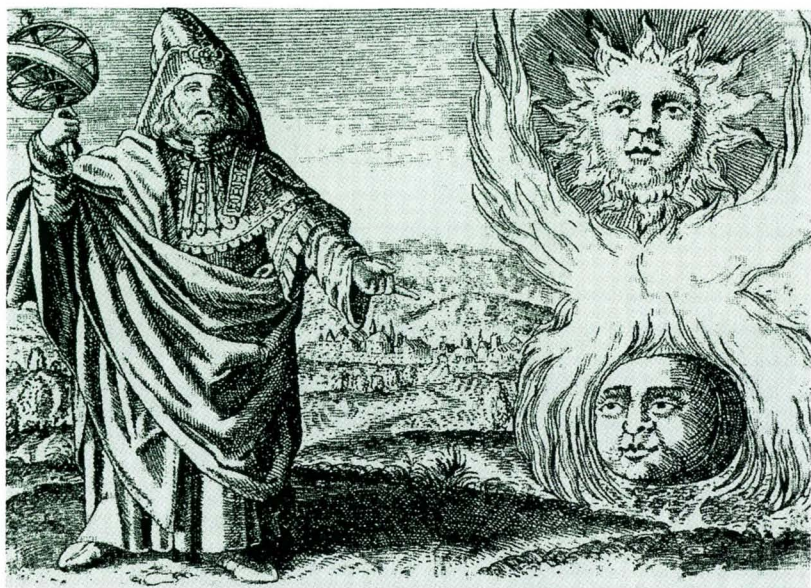
Приведем несколько показательных примеров подобного рода, хотя их количество можно было бы и умножить. *Змея в короне* символизировала агент-катализатор, благодаря которому могло достигаться соединение серы и ртути. *Распятая змея* представляла фиксацию летучего начала. *Лев* символизировал Серу Мудрых, мужское начало, постоянную часть Великого Делания, но он мог обозначать разные стадии превращения первичной материи. *Зеленый лев* мог означать также железный купорос.

Орел мог символизировать сублимацию используемого материала, а также переход от фиксированного состояния к летучему. *Волк* представлял сурьму. *Ворон* соответствовал черной стадии делания, а *лебедь* — белой. *Змея или дракон*, кусающие собственный хвост, традиционные символы греческих алхимиков Александрии, олицетворяли фундаментальное единство материи, замыкавшей в себе самой. Этот мотив символизировал также процесс порождения материи материей.

Символ философского дела.

Гравюра из книги Столциуса «*Viridarium Chymicum*». 1624 г.

Гермес Трисмегист.

Гравюра из книги Столциуса «*Viridarium Chymicum*», 1624 г.

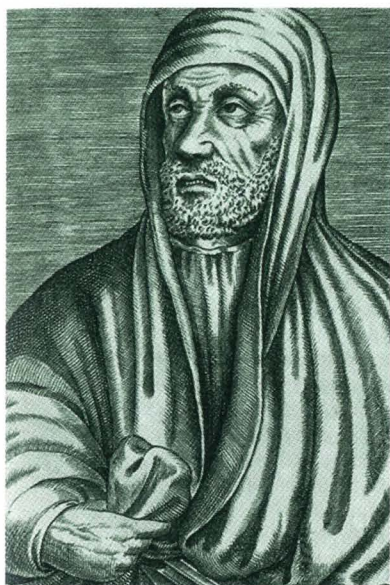

*Ουροβόρος.

Уроборос.
Рисунок
из византийской
рукописи.

Египетский папирус
с изображением
уробороса.
XVI в. до н. э.

Авиценна.
Гравюра XVI в.

Фома Аквинский.
Дж. да Фабриано. Начало XV в.

Аптека. Авиценна «Канон медицины». Латинская рукопись XV в.

Альберт Великий.
Фреска Т. да Модены.
1352 г.

Раймонд Луллий с увиденным
им во сне масличным деревом.
Издание XV в.

Гильом де Лоррис и Жан де Мен. «Роман о Розе».
Иллюстрация из рукописи XIV в.

Алхимик в лаборатории.

«Ординал» английского адепта Нортонa. XV в.

Запись
о составе пороха.
Автограф
Роджера Бэкона.
XIII в.

tūc opare ut pns. Ite pond
totū sit 30. β tñ salpetre Kb
Ka. qhorobp radikis e. rñl'
phobris. f. Et sic fies totūm

Девятый ключ.
Гравюра из книги
Василия Валентина
«Двенадцать ключей
мудрости».
1618 г.

Василий Валентин.
Гравюра XVI в.

Двенадцатый ключ. Гравюра из книги Василия Валентина
«Двенадцать ключей мудрости». 1618 г.

Парацельс.
Гравюра XVI в.

Надгробная плита
Николя Фламеля
и госпожи Парнеллы.
Прорись.

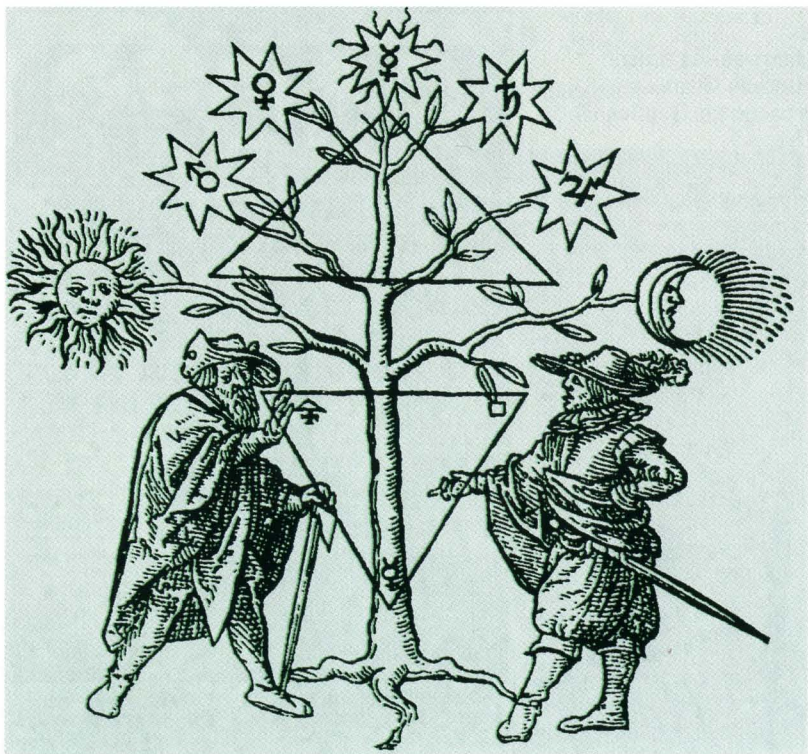
Николя Фламель.
Гравюра
с утраченного
изображения
XV века на портале
церкви Сен-Жак-
ла-Бушри.

Обобщенный символ
Великого Делания.
Гравюра из книги
Столицуса «*Viridarium
Chymicum*». 1624 г.

Дерево всего
происходящего.
Титульный лист книги
«*Occulta Philosophia
von den verborgenen
Philosophischen
Geheimnissen...*».
Франкфурт, 1613 г.

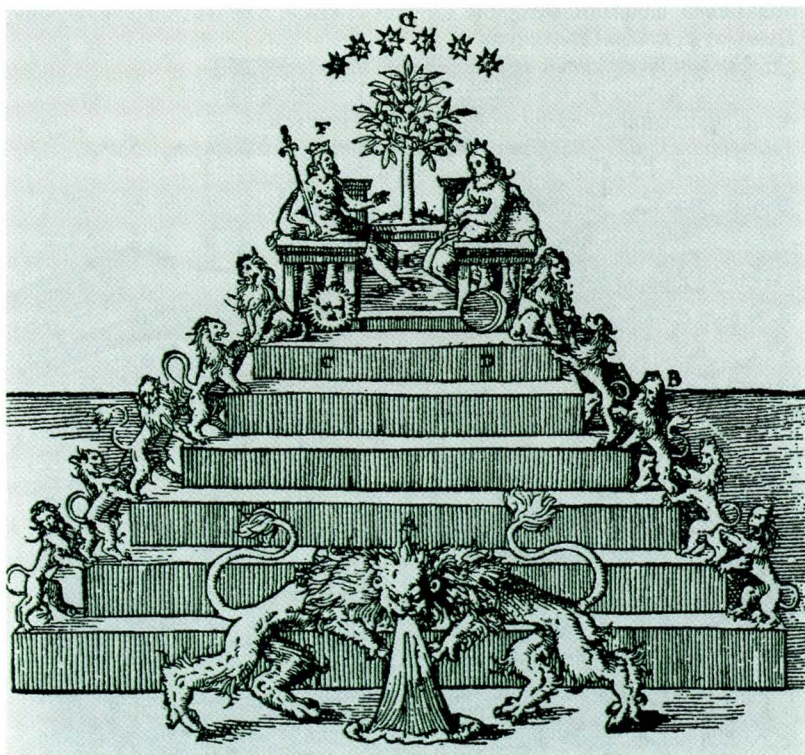
Символ небесного происхождения философского камня.

Гравюра из книги
«*Theatrum Chemicum
Britannicum*». 1652 г.

Баня философов.

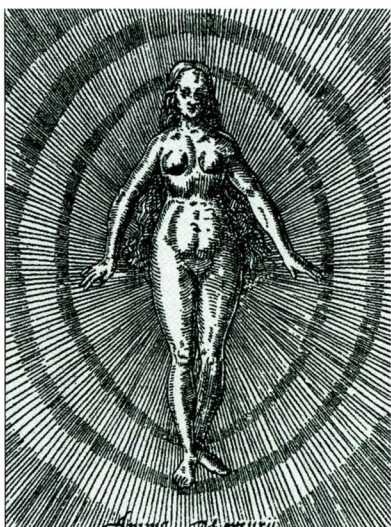
Гравюра из книги Андреаса
Либавиуса «*Commentariorum
Alchymiae...*». 1606 г.

Символ философского камня, объединяющий Солнце, Луну, орла, льва, саламандру.

Гравюра из книги Столциуса
«*Viridarium Chymicum*». 1624 г.

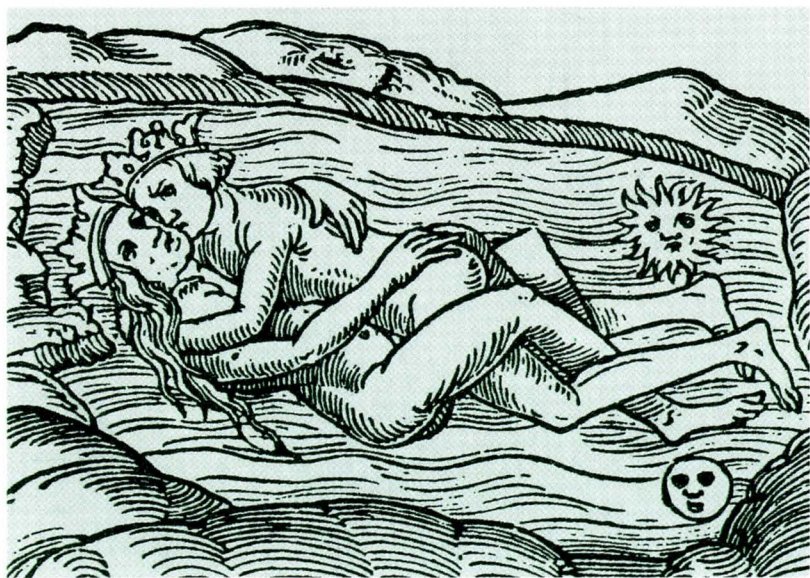

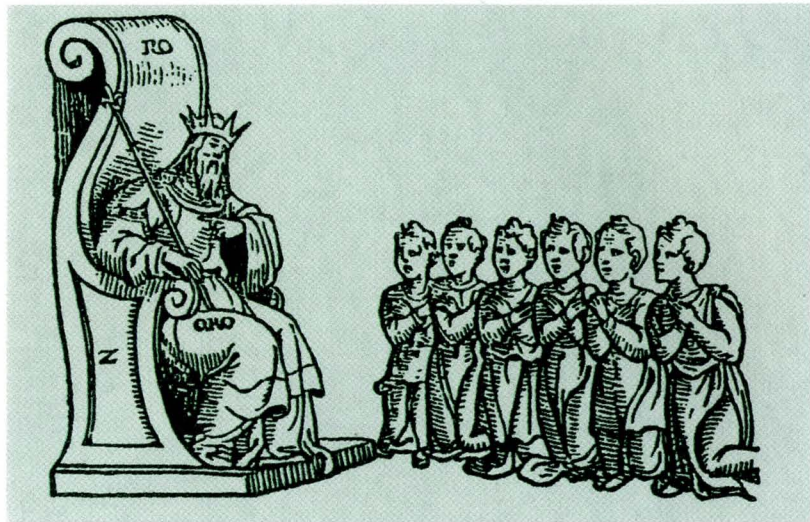
Душа Меркурия (ртути).

Гравюра XVI в.

Аллегория объединения противоположностей.

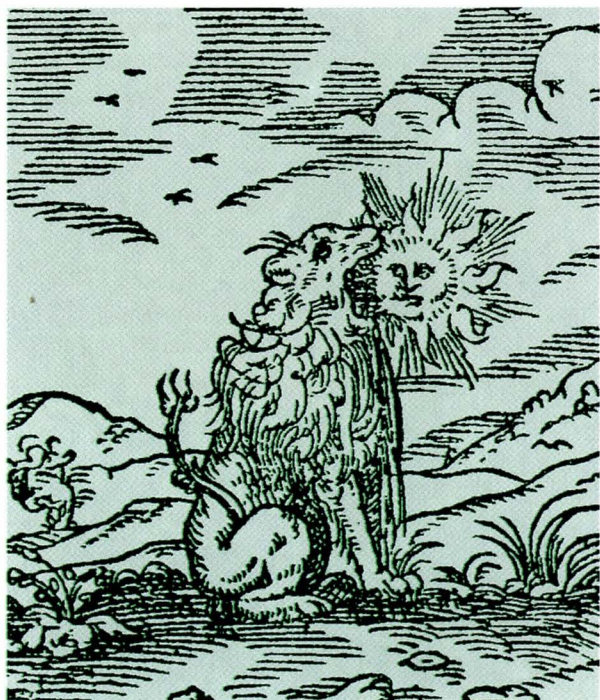
Гравюра из книги «*Rosarium Philosophorum*». Франкфурт, 1550 г.

Семь металлов: король золото, его сын Меркурий (ртуть)
и пять слуг: серебро, медь, железо, олово и свинец.

Гравюра из книги Петра Бонуса «*Pretiosa Margarita Novella*». 1546 г.

Зеленый лев,
пожирающий
солнце.

Гравюра
из книги
«*Rosarium
Philosophorum*».
Франкфурт,
1550 г.

Символическое
изображение
алхимической
реакции.
Рукопись XV в.

Стадия
мортификации
или смерти короля.
*Гравюра из книги
Столциуса
«Viridarium
Chymicum».
1624 г.*

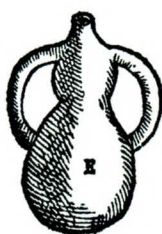

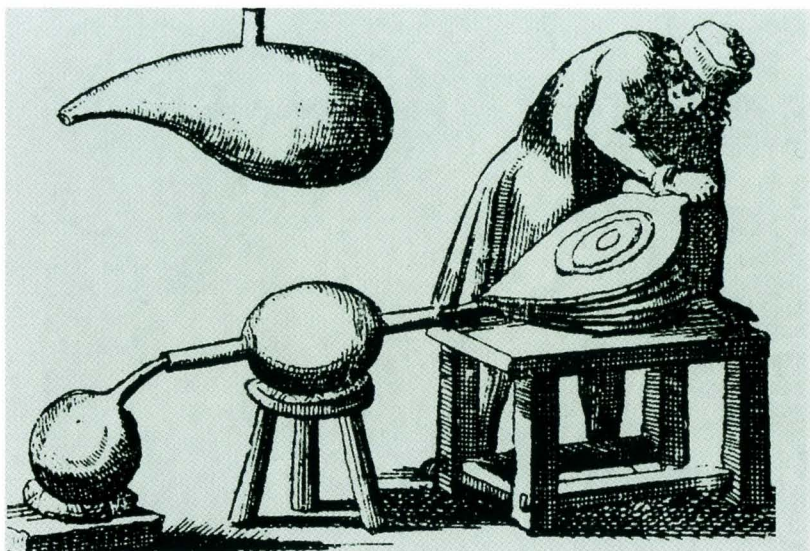
Дистилляция.

Гравюра из книги Иеронимуса Браунсвирика «Das Buch zu distillieren die zusamen gethonen Ding Composita genant...». Страсбург, 1519 г.

Алхимический сосуд-пеликан.

Гравюра из книги Джанбатисты делья Порты «De distillationibus, libri IX». 1609 г.

Меха. Гравюра XVII в.

Лаборатория алхимика XV века. Гравюра из книги Георгия Агриколы
 «De re metallica libri XII...». Базель, 1561 г.

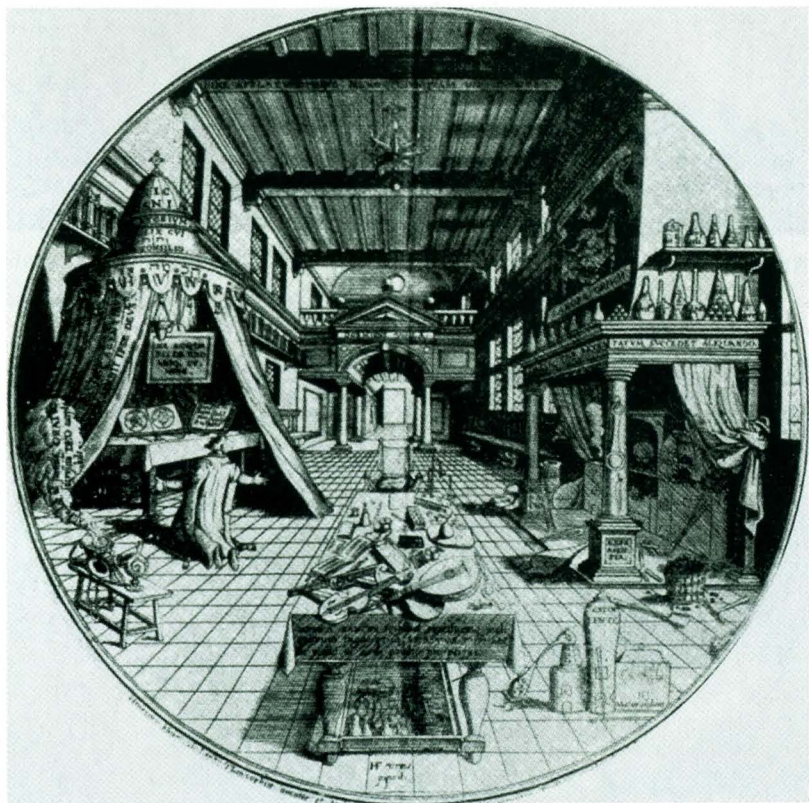

Алхимик и лаборант за работой. Гравюра Г. Вейдица. Около 1520 г.

Алхимик. Гравюра П. Брейгеля Старшего. 1558 г.

Алхимическая лаборатория. Гравюра П. ван дер Доорта
из книги Генриха Кунрата «*Amphitheatrum Sapientiae Aeternae*». 1595 г.

Млечный Путь, называвшийся также *дорогой святого Иакова*, соответствовал минеральной фазе *делания*, а *Полярная звезда*, или *звезда магов*, связывалась с явлением, которое в решающий момент *делания* возникало в первичной материи.

Символы не использовались алхимиками изолированно. Адепты охотно комбинировали этот репертуар символических изображений в историях или рассказах, обычно облакавшихся в форму символических снов. Это справедливо, например, в отношении одного из самых известных алхимических рассказов, появившихся в конце средневекового периода алхимии — *«Зеленого сна»*, автором которого считается адепт Бернар, маркграф Тревизанский. Даже если проигнорировать сознательно зашифрованные пассажи⁵, интерпретация подобного рода символических текстов — равно как и герметических изображений и рисунков, дающих графическую транскрипцию, — ставит перед историком важную проблему: правильно ли будет систематически интерпретировать в прямом смысле сообщения о тех или иных операциях, осуществлявшихся во время *делания*? Или же речь шла о символической игре, которая, будучи более сложной, относилась к иного рода реальности? Не было ли так, что алхимик самым фактом манипулирования с исходным материалом Великого *делания* пытался воздействовать и на самого себя? Но как? Он пытался проецировать в атанор или тигель свой собственный живой дух. Таков был по крайней мере один из тайных ключей Великого Делания. Погружаясь в глубь самого себя, алхимик получал в качестве предмета исследования интроспективное открытие: внутреннее божественное ядро. Именно столкнувшись с этим обстоятельством, историк должен отдавать себе отчет в следующем важнейшем факте: тексты, документы отражают не только работу, действительно совершавшуюся в *лаборатории*, но также и соответствующие этой работе духовные упражнения в *молельне*.

Согласно адепту Исааку Голланду, работа алхимика была *делом женщины и игрой ребенка*.

Как подступиться нам к интерпретации этой формулы или других, представляющих собой ее вариации (например, *работа женщины и ребенка*)? Это могло означать, что речь шла о манипуляциях, действиях, операциях, не требовавших приложения больших физических усилий. Правда, есть и другое объяснение, сводящееся к игре слов: в Средние века окраской тканей занимались почти исключительно женщины и дети, алхимиков же иногда называли *красильщиками Луны*, а операции по трансмутации — «окрашиванием» металлов.

Третьей и наиболее важной интерпретацией была бы следующая: умственной способностью, наиболее развитой у женщин и детей, является воображение. Именно в этом следовало бы искать главный принцип, необходимый для понимания одного из двух фундаментальных аспектов работы, выполнявшейся алхимиками в Средние века.

Действия в молебне

Этот принцип очень хорошо понимал Карл Густав Юнг, крупнейший специалист в области глубинной психологии, когда он констатировал: «Густой мрак, покрывающий алхимические приемы и методы, объясняется тем, что алхимик, с одной стороны, интересуется собственно химическим аспектом своей работы, однако он использует его, с другой стороны, чтобы измыслить номенклатуру для психических трансформаций, которые главным образом и привлекают его»⁶.

Трудности, с которыми сталкивается современный историк при интерпретации дошедших до нас текстов средневековых алхимиков, проистекают из того, что в большинстве случаев одни тексты описывают *одновременно* материальные феномены, наблюдаемые в лаборатории, в реторте или в тигле, и едва уловимые метаморфозы, происходящие в глубине души алхимика по мере успешного продвижения в его *делании* в молебне. Традиционная поговорка предписывала всякому желавшему стать на путь алхимии: «*Lege, lege, relege, ora, labora et ivenies*» — «Читай, читай,

перечитывай, молись (в своей молельне), работай (в лаборатории) и найдешь философский камень».

Небесный огонь, этот истинный Божий дар, внезапное снисхождение которого воспевал адепт (алхимик назывался *философом через огонь* или *философом огня*), одновременно являлся и зримым, материальным огнем, знаменовавшим собой славное, триумфальное завершение операций Великого минерального Делания, и внутренним пламенем, Божественным озарением, по милости Божией снисходившим на *делателя*.

Голова ворона и *человеческий череп* являлись, как известно, символами, характеризовавшими черную оперативную фазу Великого Делания, процесс гниения, тогда как *лебедь* представлял собой один из символов для обозначения его белой фазы, когда происходило растворение. Однако эти символы вполне могли прилагаться, в качестве параллели, и к двум последовательным этапам психических метаморфоз, внутренних видений, переживавшихся алхимиком в процессе духовных упражнений, составлявших его духовную аскезу.

Орел использовался для обозначения перехода от фиксированного к летучему состоянию, и как символ, прилагавшийся к духовной фазе вознесения к высшим сферам, совершавшийся озаренным сознанием, туда, где можно слышать гармонию сфер и где душа, наконец, обретает способность созерцать Божественный Свет во всем его сиянии и блеске. Мифологическая традиция (которую современные зоологи считают ложной, но сколь прекрасен — признаем это! — подобного рода символизм) приписывает орлу способность смотреть прямо на солнце, не подвергаясь опасности ослепнуть. Сделаться *способным смотреть прямо на солнце* — не правда ли великолепный символ Божественного озарения?

Имеются даже алхимические трактаты, целиком состоящие из символических изображений, как, например (наиболее известный случай, сразу же приходящий на ум), знаменитые «*Фигуры Авраама Еврея*», которые описал в свое время Николя Фламель.

Алхимическая литература весьма богата символическими образами. В ней мы встречаем описания великолепных садов, которые символизируют то блуждания алхимика, пока он, наконец, не откроет подлинный секрет, то, напротив, место, где он, освободившись от мира профанов, обретает предметы своих поисков.

В этой связи стоит обратиться к удивительному и знаменитому произведению, появившемуся уже при Людовике XIV, но тем не менее содержащему сведения о том, как осуществлялась передача в более поздние времена целого комплекса секретов, коими владели алхимики периода Средних веков. В 1677 году в Ла-Рошели была опубликована весьма странная книга, озаглавленная «*Mutus Liber, in quo tamen tota Philosophia hermetica figuris hieroglyphicis depingitur*» («Немая книга, в которой, однако, описывается иероглифическими фигурами вся герметическая философия»).

Весьма подходящее название, поскольку, помимо самого названия и нескольких коротких замечаний на двух последних иллюстрациях, здесь и впрямь речь идет о «Книге в рисунках без слов», не содержащей каких-либо примечаний и пояснений на словах⁷.

Кто же является автором этого необыкновенного произведения? Им был французский алхимик Сула, господин де Марец, пожелавший укрыться под псевдонимом *Альтус*.

«Немая книга» пользуется устойчивой репутацией (в том числе и у традиционных алхимиков наших дней) произведения, действительно содержащего все практические секреты, знание которых позволяет «сынам Гермеса» успешно осуществить герметическое Великое Делание.

Мы могли бы на это возразить, что есть только один способ проверить правильность сего мнения — преуспеть в свершении Великого Делания и получить философский камень! Однако до сих пор этого не сумел сделать никто (а их число постоянно возрастает) из проявляющих интерес к старинной

алхимии, ее истории и совершенным ею открытиям. И тем не менее мы полагаем, что приведенное выше традиционное мнение вполне оправданно — каким бы ни было окончательное суждение историка о возможности осуществления тайных алхимических операций. В упомянутой *«Немой книге»* действительно изложены посредством символических фигур все эти секреты до их мельчайших подробностей.

С учетом этого было бы бесполезно попытаться собрать здесь различные традиционные интерпретации *«Немой книги»*.

Для того чтобы надлежащим образом интерпретировать интригующие иллюстрации *«Немой книги»* (впрочем, как и другие герметические рисунки и гравюры), прежде всего необходимо освободиться от присущих нам современных, научных и логических представлений о реальности, заложенных в нас с самого детства.

Заблуждением, которого нельзя допустить, было бы рассматривать эти изображения как эквивалент (примитивный, но конкретный и потому особенно привлекательный) современного учебника по химии. В таком случае всё «чтение» этих изображений не потребовало бы ничего, кроме чисто механических рациональных усилий, дабы попытаться транскрибировать представленные в картинках операции и материальные феномены, переписать их на сей раз более точным языком современной химии. Однако дело обстоит совсем иначе.

Действительно, на великолепных изображениях *«Немой книги»* представлены алхимик и его компаньонка, совершающие операции, как то: подготовка и смешивание конкретных минеральных субстанций, наблюдение за медленной варкой первичной материи. Однако этот материальный уровень «чтения» отнюдь не является единственно возможным, как раз наоборот. Вопреки привычным представлениям, фигуры *«Немой книги»* чудесным образом прилагаются к различным планам истолкования: то речь идет о чисто материальных операциях, то об упражнениях в визуализации, ведущей к экстазу, то о со-

вершенно символических персонажах, то о конкретных ритуалах; иногда *одна и та же* фигура *одновременно* несет в себе несколько значений.

Поскольку же автор постарался избежать расположения фигур в порядке, в котором должны были совершаться операции реализации Великого Делания, можно представить себе те чрезвычайные затруднения, с которыми столкнулся бы пожелавший «перевести» *«Немую книгу»* на ясный и рациональный язык.

Даже если ограничиться рассмотрением операций в минеральном царстве, в этих изображениях мы неожиданно будем замечать переход от конкретных описаний к аллегории. Мы видим, как алхимик и его жена готовят первичную материю Великого Делания, сооружают печь (атанор) и наблюдают за заключенным в ней хрустальным герметическим сосудом...

Некоторые рисунки несут символический характер — маленький ребенок на одном из изображений является не существом из крови и плоти, а символом философского камня.

Одновременно с материальными операциями Великое Делание алхимика включало в себя специальные духовные упражнения, которыми занимались всегда в тесной связи с манипулированием материей *делания*. Очевидно, западная герметическая аскеза соответствовала тайным приемам *визуализации* и *освобождения*, которые практикуются в индуистском и буддистском тантризме. Отсюда проистекает необходимость научиться расшифровывать изображения, по крайней мере в большинстве случаев, двумя дополняющими друг друга способами — в материальном и духовном отношении. Изображение женщины, работающей вместе с супругом, могло *одновременно* представлять и реальную спутницу жизни (помогающую на всем протяжении работы), и женскую часть души, с которой алхимик воссоединялся в мистическом союзе.

Однако некоторые изображения, представленные в *«Немой книге»*, невозможно понять с достаточной

полнотой, если не соотнести их с целями озарения, кои достигались в процессе Великого Делания. Это касается титульной страницы, где изображена *лестница Якова*, у подножия которой мы видим спящего алхимика. Имеется в виду не обычный сон, а состояние, необходимое для успешного достижения герметического «сна», при котором дух покидает физическое тело, чтобы методически «путешествовать» в высших сферах. Упомянутые *путешествия*, совершавшиеся посредством магического воображения, более детально показаны на третьей иллюстрации, где алхимическая пара пустилась в «плавание» по высшим, «райским» сферам, возвышающимся над повседневным бытием.

Что касается последней гравюры, то на ней изображено высшее личное *освобождение*, достигнутое адептом, когда его обычное физическое тело (представленное трупом, лежащим на земле) оказывается замещенным блаженным телом возроденного Адама.

Быть может, применим и еще один уровень прочтения, единственно способный объяснить некоторые любопытные изображения. Они, кажется, касаются секретов ритуального порядка. На этих изображениях представлена пара алхимиков, делающих руками некие особые жесты, совершающих ритуальные действия, которые тантрическая традиция обозначает словом *мудрас*. Необходимым сопровождением этих ритуальных действий являлись магические формулы, которые следовало произносить или, вернее, *петь* (поскольку их целью было достижение специальных вибраций, кои должны были незамедлительно возыметь действие) способом, известным наставнику, который открывал его ограниченному кругу непосредственных учеников.

Это, как нам кажется, дает ключ к пониманию странной фразы Элиаса Эшмола (английского алхимика XVII века, члена братства розенкрейцеров). Он рассказывал, что учитель алхимии Уильям Бэкхаус открыл ему секрет совершения Великого Делания *по слогам*. Эти «слоги» оказываются идентичными зна-

менитым *гласным*, воспетым Рембо в одноименном сонете. Подлинные магические формулы, произнесенные надлежащим образом, вызывали определенные изменения в материи Великого Делания и уносили воображение адепта в высшие сферы, вызывали озарение, завершившееся восхищением Абсолютным.

Некоторые из изображений *«Немой книги»* представляют алхимика и его супругу в древних ритуальных костюмах и держащими особые аксессуары. Отнюдь не случайные, поскольку, например, *дуга*, символ Луны, всегда находится у женщины. Ключ к пониманию сей ритуальной драмы, быть может, обнаруживается на нескольких алхимических гравюрах, где мы вновь встречаем эту пару в характерных одеяниях и снабженную соответствующими предметами. Среди этих персонажей иногда можно заметить *Аполлона* и *Диану* как символическое обозначение мужа и жены. Не служит ли это основанием предположить, что таким способом изображается ритуальная сцена, центральным персонажем которой является *Свет*?

Автор *«Немой книги»*, вероятнее всего, являлся членом тайного герметического общества, ибо не случайно на титульной странице трактата изображена герметическая *роза*.

Таковы главные «ключи» к возможному пониманию изображений *«Немой книги»*. Алхимики были совершенно правы, утверждая, что в ней зашифрованы все великие герметические секреты — и они могут быть расшифрованы теми, кто обладает надлежащими способностями.

Вот классический пример простого алхимического символизма. В трактате *«Торф философов»* (средневековая арабская компиляция, переведенная на латинский язык) читаем: «Поместите мужчину (серу) и белую женщину (ртуть) в круглый дом, окруженный постоянным умеренным теплом, и оставьте их там до тех пор, пока они не превратятся в философскую воду. Тогда вы, если все сделали хорошо, увидите вверху почернение, служащее при-

знаком гниения и сохраняющееся сорок или сорок два дня».

Бесспорно, гораздо проще, когда есть потребность изъясняться символами, прибегать к помощи образов, нежели слов. Врач и алхимик эпохи Ренессанса Михаэль Майер весьма справедливо заметил по этому поводу: «Философы выражаются гораздо свободнее и гораздо яснее при помощи знаков и загадочных фигур, этого своего рода немого языка, нежели при помощи слов...»⁸

На одной из иллюстраций трактата *«Liber Azoth»* («Книга Азот») Василия Валентина изображена сирена, нажимающая на свои груди, из которых в море брызжут две струи; этот образ олицетворяет собой «богиню, рожденную нашим глубоким морем, которая извергает из своих грудей молоко и кровь, питающие камень». Еще одна хорошо известная символическая фигура: король с короной на голове, держащий в своих руках Луну и Солнце и опирающийся ногами на два стебля — один лилии, а другой розы.

В противоположность аллегории или эмблеме традиционный символ не имеет конкретного изобретателя: он, даже если используется самыми различными способами, всегда уходит своими корнями в глубинные — безличные — слои коллективного бессознательного.

Универсальность символизма есть факт, достаточно убедительно подтвержденный исследованиями в области глубинной психологии: хотя его внешние проявления, презентация, могут меняться от страны к стране, от века к веку, фундаментальная структура, образы остаются теми же самыми. В алхимии мы находим блестящее подтверждение этому.

Алхимическое озарение давало адепту знание законов, коим подчиняются Творение и человек, а также знание того, что происходило при самом зарождении мира, в котором мы живем, и что произойдет при апокалиптическом конце теперешнего земного цикла.

Дать адепту подлинную психическую лестницу, по которой бы он взошел к «вышним водам» (туда, где

витают образы — универсальные, приемлемые для всякого рода потребности, — коллективного бессознательного, принадлежащего человечеству), — такова была цель внутреннего озарения, психического откровения, происходящего по мере продвижения адепта через этапы Великого Делания.

Приведем еще и другие примеры символов, применявшихся алхимиками периода Средних веков. *Андрогин* символизировал собой неразрывное единство противоположных начал Великого Делания. Превращение в летучее устойчивого символизировалось *орлом с развернутыми крыльями*, тогда как фиксация летучего была представлена *грудой птиц*, которые попирались ногами.

Целый ряд символических образов передавал столкновение двух противоположных природ в недрах материи Великого Делания. Так, Николя Фламель писал по поводу одной из иллюстраций в «*Книге иероглифических фигур*»:

«Эти двое [которые у Авиценны получили название суки и кобеля] соединились в сосуде погребения и ожесточенно кусают друг друга, пуская в ход весь имеющийся у них яд и со всей присущей им яростью, никогда не отпуская друг друга с того самого момента, как они схватились...»

Весьма дорог был алхимикам также и образ навигации. Прочитируем отрывок из манускрипта Николя Валуа, нормандского адепта XV века:

«Мудрецы называют все свое *делание* морем и говорят, что тело сводится к воде, из которой оно первоначально состояло, и она называется водой моря, поскольку это воистину то самое море, в котором многие мудрецы, совершая плавание, потерпели кораблекрушение, не имея той путеводной звезды, которая постоянно сопутствует однажды познавшим ее. Это та самая звезда, которая указывала путь волхвам при рождении Сына Божьего, и она же дает нам возможность узреть рождение сего юного царя».

Алхимик видел, как в *философском яйце*, в момент закипания заключенной в нем жидкости, начинает бушевать настоящая буря — воспроизведение в миниатюре подлинного шквала, поднимающего морские волны; затем он наблюдал «окончание потопа»: воды успокаивались, мрак рассеивался, и воздух в реторте вновь становился чистым. Универсальная жизненная сила ассоциировалась с образами Божественного моря. Алхимик возвращался в своем воображении к первобытному хаосу, к тому, что происходило в начале земного цикла, еще до того, как стали зримы происходившие на земле процессы. Алхимик, мнивший себя подлинным Творцом, должен был уметь производить чудесные превращения через формирующий свет, через огненный дух.

Алхимик лелеял в себе надежду перейти от двойственности к единству, найти средство для улавливания энергии Солнца, этого очага нашей Вселенной.

Использование орла в качестве символа сублимации и летучести понималось как нечто само собой разумеющееся: эта царственная птица поднимает в небо то, что хватает на земле.

Что же касается внутренне переживаемого возвращения к истокам мира, то не служит ли оно напоминанием о золотом веке и садах Эдема?

Мартин Ортолан, алхимик, живший в конце Средних веков, выбрал себе в качестве герметического псевдонима фамилию, вызывавшую ассоциацию с садом (*Hortulanus*, Садовник), и это не случайно, ведь алхимики, как мы уже ранее упоминали, любили называть себя *небесными земледельцами*.

Еще один пример символического образа, охотно применявшегося адептами, который сильно расходился с типом мышления, присущим современной науке, мы находим в *«Фигурах Салидония»*, иллюстрированном манускрипте конца XV века, который копировался алхимиками вплоть до конца XVIII века. Там в качестве символа алхимии представлена лошадь, вываливающая на землю вместо навоза поток золотых монет.

В литературе и иконографии алхимиков часто встречается легендарный *источник молодости*. На алхимических изображениях его увенчивали то Солнце и Луна (представлявшие две космические противоположности), то лучезарный карбункул (символизировавший собой *красный* камень). Семь притоков — соответствующих семи металлам — питают этот источник.

Трудности расшифровки алхимических текстов многократно возрастают вследствие того, что содержащиеся в них подсказки, данные адептами, беспорядочно разбросаны и преднамеренно запутаны, напоминая разрозненные части какого-то пасьянса.

Лишь очень и очень немногие из числа средневековых алхимиков достигали своей цели. Порой на протяжении долгих, казавшихся бесконечными, лет они ждали встречи с учителем, который бы открыл им секреты, необходимые для расшифровки алхимического текста.

В предисловии к своему трактату «*Flos Florum*» («*Цветок цветов*») Арнольд из Виллановы признается, что тщетно искал философский камень в течение двадцати лет.

Духовный мир алхимика заключал в себе две неразрывно связанные одна с другой традиционные константы: неизбежное прохождение через тревоги, мрак и грозные опасности и, наконец, после успешного преодоления этих испытаний, когда душа не поддавалась отчаянию, открытие света, источника чистой и вдохновляющей радости.

Перейти от черного к белому, от гниения к растворению, от мрачной ночи к золотому рассвету — таков был великий переход к вратам жизни, слишком тесным для того, чтобы всяк мог протиснуться сквозь них.

В своих «*Иероглифических фигурах*» (лист 24л) Николя Фламель писал по поводу необходимости перехода от черного к белому: Сними голову с этого черного человека, отсеки голову ворона, обели таким способом наш песок» (*песок* означает первичную материю Великого Делания).

При этом речь шла не только о том, чтобы наблюдать явления, возникавшие в реторте или тигле, — речь шла прежде всего о том, чтобы одновременно и переживать их.

Знаменитый текст Мориена провозглашает: «Я признаю, о царь, что Бог послал эту вещь (философский камень), заключив ее в вас, и, где бы вы ни находились, она будет в вас, так что нет возможности отделить ее от вас».

Не должно ли это означать, что главным содержанием Великого Делания был не кто иной, как сам человек?

Что еще могли означать слова «посетить внутренние части земли», как не погружение в нас самих, попытку познания нашей божественной сущности, которая выше нашей личной ограниченности?

Читая начало *«Аллегории Источника»*, трактата Бернара Тревизана, мы имели возможность убедиться, что описания снов и сновидений, встречающиеся в герметической литературе, во многих случаях оказываются не просто литературным приемом, но и приложимы к опыту *реальных* переживаний алхимика, имевших место то ли во сне, то ли в качестве видений, посетивших его во время бодрствования. По природе своей эти переживания отнюдь не облегчают историку задачу по расшифровке алхимических текстов.

Алхимия неотделима от сознательного стремления хранить секреты. В этой связи можно признать, что имело всеобщее значение утверждение Жана де Мёна, который во второй части *«Романа о Розе»* следующим образом предувещивал своих читателей: «В моих словах имеется также иной смысл, помимо того, какой ты вкладываешь в них, и он углубляет все произведение, буквальный смысл рассказа».

Позднее, при Генрихе III, алхимик Блез де Вижнер впервые предпримет, опередив в этом отношении немца Иоганна Тритемия, попытку методического изложения криптографии. Однако он ограничился лишь сбором и классификацией различных тайных алфавитов, которыми охотно пользовались средне-

вековые алхимики, хотя и усовершенствовал при этом методы, бывшие в ходу у его предшественников — греческих алхимиков Александрии, а затем у арабов.

Это сознательное стремление соблюдать тайну было всегда присуще алхимикам. Алхимический трактат *«Торф философов»* содержит следующее недвусмысленное предуведомление: «Знайте же, что эта наука проще какой бы то ни было иной, однако сами слова и порядок изложения затемняют ее, ибо невежды слушают наши слова, не понимая нас».

Символические сны и сновидения

В алхимической литературе периода Средних веков часто встречаются пересказы символических снов и сновидений.

Одним из наиболее известных текстов подобного рода является уже упоминавшийся нами *«Зеленый сон»* Бернара Тревизана. В нем тесно переплелись пассажи, которые следует истолковывать в соответствии с правилами традиционной алхимической символики, применявшейся к Великому минеральному Деланию, с изложением опыта психических переживаний адепта во сне и посредством воображения.

Существует также обширная литература, представляющая собой искусно сконструированные символические рассказы о чудесных путешествиях. Примером этого в исламской спиритуальной алхимии может служить *«Рассказ об изгнании на Запад»*, принадлежащий персу Сохраварди (1155—1191). В нем повествуется о весьма опасном путешествии. Главный герой садится на корабль. Потерпев кораблекрушение на рифах, он высаживается на страшном острове Гога и Магога. При помощи гениев огня герой реализует там два последовательных этапа Великого Делания (сначала получение лунного эликсира — трансмутация в серебро, а затем солнечного эликсира — трансмутация в золото).

Адепт постигает даже самые великие тайны алхимии: «Когда ты получишь эти сведения из надежного

источника, ты сможешь воскрешать из мертвых». Затем он восходит на четыре символические вершины (*Сад, Нам, Каф и Синай*), после чего прибывает в страну царицы Савской, где произрастает завязь *летучего вещества*, служащего необходимой предпосылкой Небесного Воскресения. Однако весь этот рассказ представляет собой не просто весьма поэтический вымысел: автор облек в такую форму очень точное описание собственных внутренних переживаний, происходивших к тому же параллельно с чередовавшимися этапами операций Великого минерального Делания.

Предоставим слово Сохраварди:

«...В конической форме (сердца) я увидел небесные тела; я соединился с ними и услышал их музыку [музыку сфер], их мелодии. Я приобщился к их концерту; звуки ударили мне в уши подобно скрежету, производимому цепью, которую тащат вдоль камней. Мои мышцы готовы были разорваться, а суставы мои достигли предела своей прочности — столь велико было испытанное мною наслаждение. Оно беспрестанно продолжалось вплоть до того самого момента, когда белое облако, рассеявшись, исчезло, а перепонка лопнула»⁹.

В текстах, в коих повествуется об аналогичном тесософском озарении, очень часто встречается эта аллюзия на облака, которые рассеиваются, чтобы появился сияющий Свет.

В прочих алхимических текстах, содержащих описания символических путешествий, перипетии разворачиваются в более скромных масштабах. Вот показательный пример из *«Книги двенадцати врат»* английского алхимика Джорджа Рипли:

«Следует начинать на закате солнца, когда Красный супруг и Белая супруга объединяются в жизненном духе [соединение двух начал], дабы жить в любви и спокойствии, в точной пропорции воды и

земли. С запада продвигайся через мрак в направлении на север; разлагай и растворяй мужа и жену на протяжении срока между осенью и весной; превращай воду в черную землю и поднимайся, проходя через различные цвета, к востоку, где покажется полная луна. После очищения покажется ясное и лучистое солнце; наступает лето после зимы, день после ночи. Земля и вода превратились в воздух, мрак рассеялся, появился свет; запад есть начало теории; начало разложения полагается между востоком и западом».

В этом рассказе совершенно отчетливо угадывается описание фаз Великого минерального Делания, которые должны чередоваться в *философском яйце* (влажный путь). Но вместе с тем здесь можно обнаружить и точное описание — при строго параллельной аналогии с *минеральным деланием* — ряда внутренних превращений, происходивших с психикой адепта. В этом охотно усматривают также (что побуждает нас затрагивать проблему тайных алхимических обществ¹⁰) аллюзию на символические ритуальные «путешествия», когда вновь принимаемый должен был переходить «с запада на восток» храма или ложи.

Мы видели, что средневековая алхимическая литература очень богата текстами, которые сбивают с толку современного человека, трудны для интерпретации, расшифровки, поскольку содержащиеся в них изображения иллюстрируют два ряда феноменов — те, что происходят в *лаборатории*, и те, которые адепт переживает в *молебне*.

Приведем отрывок из анонимного текста «*Аллегория Мерлина*», который не имеет никакого отношения к знаменитому волшебнику, носящему такое же имя — одному из главных персонажей кельтской мифологии:

«Врачи берут труп короля и моют его до тех пор, пока не удалят все остатки лекарства, после чего сушат его. Затем они берут одну часть нашатыря и две части александрийской селитры, которые смешива

ют с прахом покойного; добавив в смесь немного льняного масла, они изготавливают тесто, которое помещают в камеру, сделанную в форме креста [тигль], с одним отверстием в нижней части; под этим отверстием они помещают другую емкость, также имеющую форму креста, и оставляют все в таком состоянии на один час. Затем они разводят огонь, раздувая его до степени, позволяющей расплавить приготовленную массу, которая, расплавившись, выходит через отверстие в нижнюю емкость».

Алхимик, преуспев в совершении Великого Делания, брал себе новое имя, отличное от того, под которым его прежде знали в мире. От некоторых адептов (примером этого может служить таинственный монах-алхимик XV века Василий Валентин) до наших дней дошло лишь их герметическое имя.

Символом изумительного озарения, посетившего адепта, который преуспел в совершении Великого Делания, в XVIII главе *«Романа о Розе»* служит карбункул, помещенный на верхушку источника молодости: «Великолепием, с каким он озаряет окрестности, с ним не может сравниться мирское солнце. Он изгоняет ночь и вместо нее водворяет вечный день».

Однако для того чтобы достичь озарения, избавляющего от всяческих мирских оков, алхимику абсолютно необходимо было Божественное Предопределение. На сей счет в *«Книге Артефия»* можно прочесть следующее: «Ибо один только Бог или друг может открыть это (секрет Великого Делания)». Все алхимики периода Средних веков настаивали на этой необходимости Божественного Предопределения.

Разве не являлось самым дорогим сердцу средневекового алхимика устремлением страстное желание познать все секреты, все законы Творения?

Все проясняется в намерениях и целях адептов, если рассматривать Великое минеральное Делание лишь как часть некоего гораздо более обширного целого. Не случайно одним из любимых символиче-

ских изображений греческих алхимиков Александрии была змея или дракон, кусающие собственный хвост — символ единства материи. Часто в центре образованного таким образом круга помещалась надпись, девиз, который в переводе с древнегреческого звучит: «Одно есть всё». Достичь фундаментального видения единства мира — вот цель магической философии алхимиков. Очень точно выразил ее Василий Валентин, написав в своих *«Двенадцати ключах»*: «Итак, говорю я, ты имеешь всё во всем». Адепт, которому удавалось преуспеть в свершении Великого Делания, интуитивно постигал глубинное единство реального мира, идентичность законов, управляющих как великими, так и малыми его составляющими.

Никогда не следует терять из виду — и мы особо настаиваем на этом — необходимость постоянно искать даже в текстах, в которых алхимики периода Средних веков описывают операции и процессы, наблюдаемые в реторте или тигле, иной, параллельный смысл — описание психических или духовных феноменов.

Было бы большой ошибкой смешивать состояние духа адепта, преуспевшего в своих исканиях на пути к свершению Великого Делания, с радостью современного ученого, наконец-то, после долгих и тщетных попыток, успешно завершившего эксперимент. Мы никогда не устанем повторять, что для алхимика успешное завершение операций Великого минерального Делания означало совершение *священного* акта, дающего уверенность в одержании победы над последствиями первобытного грехопадения во всех трех царствах природы.

Мы должны постоянно держать в уме этот фундаментальный ключ традиционной алхимии — тот факт, что одни и те же тексты одновременно содержат описание как феноменов, фиксируемых в лаборатории, так и трансформаций, изменений, происходящих в глубинах души *делателя*. Так, образы —

столь часто встречающиеся в литературе и иконографии алхимиков — союза, свадьбы, соединения противоположных начал применяются, с одной стороны, к феноменам, возникающим в реторте или тигле, и с другой — к внутренним совокуплениям, которые алхимик должен совершить в себе самом, чтобы обрести способность к объединению разрозненных элементов своей психики. Со времен греческих алхимиков Александрии существует эта двусмысленность, даже многозначность свидетельств, двойственность уровней, на которых должна осуществляться интерпретация алхимических операций. Вот выдержка из *«Книжечки Захарии»*, слова, которые приписываются философу Анаксагору: «До чего же красно и сиятельно солнце, кое сочетается, через посредство Духа, с душой, белой и лунной по природе своей».

Впрочем, подобного рода тексты действительно могут — не всегда, но в некоторых особых случаях — предполагать другую, параллельную интерпретацию: на одном из путей алхимической аскезы адепт занимается *деланием* совместно со своей спутницей жизни, образуя с ней конкретную герметическую пару. Отсюда проистекают этапы соединения, в равной мере применимые как к внутренним «химическим свадьбам», чисто духовным, так и к священному (но конкретному) браку, осуществленному между алхимиком и его супругой, компаньонкой по проведению работ. На этой стадии алхимия приближается к особому пути Великого Делания, исполнявшегося реальной супружеской парой, который в восточном тантризме получил специальное обозначение «пути левой руки».

Разве стремление постичь секреты алхимии не означает познание законов и принципов, которые управляют как внешним миром (макрокосмосом), так и человеком (микрокосмосом), как бесконечно

большим (вселенной), так и бесконечно малым (клеткой, мирами, невидимыми невооруженным глазом)? Все повинуется законам, и законам Божественным — так не стоило ли ради открытия этих законов воспользоваться озарением?

В глазах алхимиков жизнь и мир, в котором она протекала, отнюдь не были отделены друг от друга: повсюду в трех царствах (включая сюда и минеральное царство) жизнь уходит своими корнями ко дням Творения.

Одним из наиболее интересных свидетельств, оставленных средневековым христианским герметизмом, считается «*Книга Святой Троицы*» (*Liber Trinitatis*), хранящаяся в Мюнхене, творение немецкого монаха-алхимика, известного под латинским псевдонимом *Almannus*, сопровождавшего Фридриха IV, бургграфа Нюрнберга, на Констанцский собор. Этот манускрипт, проиллюстрированный миниатюрами в типичном для XV века стиле, характерен тем, что в нем воплотилось желание соединить секреты алхимии с церковными догмами.

Алхимики проводили параллель между минеральной триадой: Сера — Меркурий — Соль и классической в теологии апостола Павла троицей: тело — душа — дух, равно как и с тремя лицами Святой Троицы.

Вот весьма показательный пассаж из трактата «*Книга Света*», анонимного, иногда приписываемого Арнольду из Виллановы: Сын человеческий должен вознестись с земли на небо и подняться на крест аламбика... Камень должен быть заключен в сосуде как Христос в могиле».

Символическая смерть, за которой следует воскресение, непременно присутствует во всех текстах, оставленных алхимиками Средних веков.

Но приведем еще один отрывок, на сей раз из завершающей части «*Аллегории Мерлина*»:

«Когда же захотели увидеть его [короля] чудеса, поместили в сосуд одну унцию хорошо промытой ртути и бросили на ее поверхность почти такое же

количество зерен проса, ногтей, волос и крови короля, а затем постепенно раздули жар углей, после чего получили хорошо известный тебе камень...»

Всегда следует связывать операции, производимые в *лаборатории*, — которые должны привести алхимика к трансмутации металлов, — с бдением в *молельне* (с духовными упражнениями, призванными поднять психическое сознание *делателя* на более высокий уровень, на котором он испытает озарение, способное открыть ему различные секреты человека и природы) — это представляется нам главным ключом, позволяющим понять, чем же в действительности является традиционная алхимия. И в этом же, повторяем, заключается большая проблема дешифровки, поскольку современные историки, привыкшие оперировать конкретными фактами, испытывают серьезные затруднения, не умея подняться до двойного прочтения текстов (равно как и изобразительных документов, инспирированных средневековой алхимической традицией).

Приведем еще два характерных в этом отношении текста.

Один — Арнольда из Виллановы:

«При подобном распятии солнца (золота) будет не видать более луны (серебра); занавес храма разорвется, и будет великое трясение земли. Тогда самое время применить большой огонь, и видно будет поднятие духа, по поводу коего обманулсa весь мир».

Отмечая прямую аллюзию на евангельское повествование о Распятии, вместе с тем следует отдавать себе отчет в том, какую возможность всегда заключает в себе текст подобного рода, а именно — возможность двойного прочтения: описание одной из фаз (завершающей — в данном отрывке) Великого минерального Делания и параллельно с этим внутренних, психических феноменов.

Второй текст мы взяли из трактата *«Аллегория о Святой Троице и философском камне»*, авторство которого приписывается таинственному монаху-алхимику Василию Валентину:

«Итак, золото безупречно, постоянно, славно и способно выдерживать любые испытания, но оно умирает, из-за своих братьев и сестер, несовершенных и больных [«простых» металлов], а вскоре затем, восстав во славе, он освобождает и окрашивает их для вечной жизни; он приводит их в совершенное состояние чистого золота».

Алхимическая духовность

Нет ничего удивительного в том, что средневековые алхимики проявляли не только поразительное упорство в трудах, коим они предавались в своих лабораториях, но и благочестие, совершенно искреннее, осознанное и даже пылкое. Было бы большим заблуждением пытаться рассматривать этих людей как своего рода предшественников современных вольнодумцев.

Приведем три весьма характерных в этом отношении текста. Первый принадлежит мусульманскому алхимику Геберу, который утверждал, что нечестивец не может достичь герметического триумфа:

«А вы, сыны беззакония, лелеющие дурные намерения, держитесь подальше от этой науки, ибо она — ваш враг и ваша погибель, кою она всенепременно навлечет на вас, поскольку Божественное провидение никогда не позволит, чтобы вы пользовались этим Божьим даром, сокрытым от вас и запретным для вас».

Второй текст мы опять берем из второй части *«Романа о Розе»*:

«...И тогда вы пойдете на дивное поле, следуя по стопам вечно живого Агнца¹¹, дабы испить из источника¹², который подарит вам бессмертие, и потому вы пойдете с радостью, на ходу беспрестанно распевая мотеты и песенки, под оливами и среди цветов».

И, наконец, следующий отрывок из «Зеркала алхимии» Арнольда из Виллановы:

«Знай же, мой дорогой сын [учитель обращается к своему ученику], что наука эта есть не что иное, как совершенное Божественное вдохновение».

Таким образом, традиционная алхимия была Божественной мудростью и имела цель обеспечить своим избранным счастливую возможность прийти к открытию фундаментальных законов Творения, коим подвластны, коими управляются все сферы реального мира, включая сюда и законы, по которым живут три царства природы.

Аскеза ради озарения

Средневековый алхимик был подчинен суровой дисциплине, распространявшейся как на неустанное проведение операций по Великому Деланию в лаборатории, так и на духовные упражнения и молитвы, коим он предавался столь же усердно. Невозможно было провести четкую разделительную грань между этими двумя параллельными сферами — разве долгие бдения алхимика в лаборатории не являлись своего рода духовной аскезой¹³? Это сходство еще более усиливалось тем, что лабораторные труды сопровождались если и не постом, то по крайней мере значительным сокращением питания в решающие периоды Великого Делания, когда требовалось быть особенно внимательным, не спуская глаз с печи и реторты.

В качестве духовных упражнений отметим прежде всего молитвы и молитвенные обращения (средневековая алхимическая литература сохранила их великое множество) — будь то перед алтарем, установленным в молельне, будь то прямо в лаборатории, перед атанором или тиглем.

Однако алхимики практиковали и другие ритуалы. Были найдены ритуальные статуэтки и подсвечники, создатели которых ориентировались на сим-

волизм супружеской пары (Солнце и Луна, мужское и женское начала).

Есть также основания полагать, что в определенных случаях (в своей работе мы лишь коснемся одного из них — проблемы тайных алхимических обществ) носили символическую одежду, например, можно заметить смену цветов одежды юной девы и следование одной фазы за другой в серии знаменитых ковров с изображением Дамы и Единорога¹⁴.

Не идет ли здесь речь о ритуальных одеждах, характерных для одного из герметических братств? Позволим себе сделать такое предположение.

Подобного рода проблему представляют собой также сны и сновидения, столь многочисленные в алхимической литературе, которые уже упоминались нами.

Эти великолепные алхимические сны и сновидения можно подразделить на две категории. К первой относятся пересказы галлюцинационных видений, в действительности представляющих собой искусственные построения. Впрочем, это была модель литературного изложения (вымышленный сон, сконструированный для нужд того или иного случая), которая применялась во все эпохи для изложения тех или иных религиозных учений и философских теорий. На этом уровне алхимический сон представлял собой специальную категорию, к которой можно отнести и воображаемые путешествия, придуманные многочисленными авторами. Рассказы об удивительных путешествиях, совершенных во сне, в ходе которых посещались одно за другим различные места и происходили встречи с диковинными персонажами, имели своей целью представить последовательное протекание фаз Великого Делания (как применительно к операциям, выполнявшимся в лаборатории, так и к этапам, через которые проходил адепт во время психических упражнений, ведущих к озарению).

Другую категорию составляли сновидения, действительно посетившие алхимика во время сна. Спрашивается: были ли среди психических упражнений,

коим предавались средневековые алхимики, такие, которые имели своей целью благоприятствование появлению особых галлюцинационных переживаний, складывавшихся в некий символический сюжет? Это могло бы служить вместе с тем и доказательством глубинного характера символических алхимических образов. Их подлинное очарование объясняется тем, что они основываются отнюдь не на традиционных художественных приемах, а на общем богатом и многозначительном фоне, образуемом (как сказал бы приверженец юнгианской психологии) сверхличностным слоем подсознания, в котором сосредоточены архетипы, очевидно, формирующие общий слой бессознательного в психике человека, подлинно коллективную память человечества. Этим мог бы объясняться весьма странный, отмеченный Юнгом (и не находящий никакого иного объяснения), факт возникновения алхимических символов в сновидениях обычных мужчин и женщин, а также людей, страдающих некоторыми психическими заболеваниями.

Очевидно, следовало бы иметь в виду, что могут существовать и промежуточные формы между намеченными нами двумя категориями алхимических снов. Некоторые сновидения, сконструированные из разрозненных элементов, могут включать в себя и компоненты, проистекающие из реально пережитых галлюцинационных видений, а с другой стороны, реально виденные и затем записанные сны могли включать в себя некоторые компоненты, представляющие собой смесь из галлюцинационных видений.

Подобного рода констатация не может вызвать недоумение с точки зрения современной глубинной психологии. Можно было бы даже отметить курьезные пережитки снов и видений алхимиков, иногда встречавшиеся в новое время. Например, имел место такой уникальный случай в позитивной науке XIX века: немецкий ученый Август Кекуле фон Штрадо-ниц уверял, что совершил свое решающее открытие (которое по праву может быть названо ключом к со-

временной органической химии) в результате символического видения.

А кроме того: разве повседневный опыт простых, обыкновенных людей не показывает, что мир снов и видений отнюдь еще не потерял (по крайней мере для многих из нас) своего глубокого значения, находящего живейший отклик?

Алхимия, тотальная, божественная наука о природе и человеке, с очевидностью демонстрирующая совершенное соответствие между законами, управляющими, с одной стороны, макрокосмосом, «большим миром», и с другой — микрокосмосом, «малым миром», представляла собой изумительную систему, в которой успешная реализация трансмутации металлов была лишь одной из сфер применения секретных знаний и приемов: адепт был человеком, сумевшим достичь, пройдя через ряд удивительных опытов и переживаний, знания законов, коим в равной мере подчиняются как человек, так и мир, в котором он живет, — оба аспекта проявления Божественной воли.

Работа в лаборатории отнюдь не являлась мифом, однако не следует сводить традиционную алхимию к одному лишь этому тяжелому труду — тот факт, что алхимик обретал способность осуществлять трансмутацию простых металлов в серебро, а затем в золото, представлял собой лишь часть гораздо более обширного целого.

Герметическое озарение

Считалось, что средневековый алхимик, достигший степени адепта, приходит (благодаря священному озарению, которое позволяло ему наблюдать в уменьшенной модели организацию материи Божественным светом) к тотальному видению законов, управляющих тремя мирами (или планами) реальности: внешним миром (миром материи), промежуточным миром¹⁵ (называемым витальным или, на

языке современных оккультистов, астральным) и миром высшим или божественным (миром Огня — одного из природных начал).

Адепт восходил к прямому и тотальному познанию законов этих трех миров. Тем самым он открывал для себя и секреты чисел¹⁶. Он мог по собственному желанию заставлять действовать все вибрационные ритмы, способные управлять как жизнью человека, так и метаморфозами материи¹⁷.

Можно было, располагая сознанием, достигшим степени творческого божественного воображения, сразу же все понять, все «увидеть» через пространство и время, доминирующие над чувственно воспринимаемыми явлениями. Можно было познать, уловить, констатировать, проверить, так сказать, на ощупь все тайны, все секреты мироздания.

Алхимик наблюдал за тем, как действуют божественные законы, коим подчиняются в равной мере и космос, и человек.

Наш друг Арнольд Вальдштейн имел возможность изучить арабский манускрипт, который хранится в Тегеранской библиотеке и авторство которого приписывается знаменитому мистiku и суфистскому мученику аль-Халладжу. Этот манускрипт носит весьма поэтическое название: *«Раскрытие тайн золотых блесток»*. По поводу этого сочинения можно было бы сказать, что восхищение, которое испытывал алхимик, раскрывший великий секрет появления золота, выходит, и весьма далеко, за пределы простого очарования тем, что блестит¹⁸.

Если же мы обратимся к биографиям средневековых алхимиков (учитывая тот факт, что невозможно проверить их успехи, прибегая к критериям современного научного знания), которым традиция приписывает действительное открытие секрета Великого Делания, то увидим, что они не поддавались соблазну владения огромными богатствами, никогда не осуществляли трансмутацию металлов в больших количествах и делали это исключительно в благотворительных целях — биография Николя Фламель весьма показательна в этом отношении.

Адепт обретал способность — ибо он мог наблюдать действие даже космических законов — воспроизводить, имитировать все тайные операции в трех царствах природы. Отсюда проистекает символическое уподобление адепта «знаку природы».

Уточним (ибо это совершенно необходимо, чтобы не допустить путаницы, порождаемой анахронизмом), что подобное алхимическое понимание природы было противоположно количественному видению мира, которое позднее, когда зародится современная наука, возобладает, и что оно коренным образом отличалось от того, как, например, современные жители городов воспринимают природу.

Весьма знаменательно то, как алхимики проводили параллель между реализацией Великого минерального Делания (процессы которого ориентировались на согласование с самими законами материального мира, а не на ломку, нарушение их) и этапами зарождения нового человеческого существа: совокупление, зачатие, беременность, роды и — наконец — специальное кормление, необходимое для младенца. Имела место также и ассоциация возможности реализовать Великое Делание с сезонными ритмами обновления земной растительности.

Мы уже отмечали ту основополагающую роль — одной ее хватило бы, чтобы показать коренное отличие средневековой алхимии от современной химии, — которую играла у адепта чудесная надежда на возрождение как материи, так и человеческого существа, на спасение того и другого от ужасных последствий первобытного грехопадения. Прочитируем характерный в этом отношении текст — начало *«Розового куста философов»*, главного алхимического трактата Арнольда из Виллановы:

«Сердце наше пребудет в тревоге, пока мы не обратимся к Нему (к Божеству), ибо высшая сущность элементов возносится к Огню, который выше звезд. И мы, вышедшие от Него, с полным правом можем уповать на возвращение к Нему, единственному источнику всего сущего».

Мы знаем, что повседневная жизнь средневековых алхимиков была жизнью глубоко верующих людей, все поступки которых удивительным образом укладывались в жизненный стандарт, главным регулятором которого было святое чувство.

Видение мира в средневековой алхимии всегда было видением мира иерархического, *божественного* по своим законам, в котором Божественный Свет мог зримым образом являть себя во всей своей славе — именно то, что происходило в реторте или тигле в момент триумфального, успешного завершения операций Великого Делания. Но вместе с тем это было и трагическое видение *падшего* мира (не одного только человеческого существа). Отсюда проистекала фантастическая надежда вновь обрести золотой век и даже суметь преодолеть само время, дабы достичь бессмертия, высшей цели алхимических устремлений. Преуспеть в увековечении счастливого момента, когда все получилось в реторте или тигле, когда воссиял Божественный Свет — такова была традиционная алхимическая установка, отрицавшая столь дорогую для людей нашего времени идею прогресса (а точнее говоря, игнорировавшая ее), отвергавшая историю. Впрочем, интересно посмотреть, каким образом традиционная алхимия на протяжении всей эпохи Средних веков (и даже после нее) избегала развития. Время от времени в ходе опытов, проводившихся алхимиками, открывались новые химические вещества, однако последовательность алхимических операций оставалась неизменной, а ремесленный по своему характеру инструментарий всегда был тем же самым. Хотя одежда, которую носили алхимики, и могла меняться с течением времени, однако то, что они делали и в лаборатории, и перед алтарем своей молельни, совершенно не менялось, в неизменном виде переходя по наследству от отца к сыну, от учителя к ученику. Алхимия на протяжении всех Средних веков (и даже позже) решительным образом была противоположна современной нам химии, равно как и современной технике, благодаря тому, что никогда не меняла собственных целей, точно так же, как и присущих ей методов и чаяний.

*Средневековые свидетельства о свойствах,
кои приписывались философскому камню*

Напомним, что служило главной целью операций, совершавшихся в ходе Великого Делания: добиться успеха в осуществлении трансмутации металлов. Вернее говоря, следовало различать — по крайней мере в случае реализации долгого процесса, который получил название влажного пути, — два этапа. *Малое Делание*, или *малый магистерий*¹⁹, называвшийся также *малым эликсиром*, должно было завершаться трансмутацией простых металлов в серебро, собственно же *Великое Делание*, или *великий магистерий*, *великий эликсир*²⁰, имело своей целью трансмутацию в наиболее совершенный из металлов, в золото, этот блестящий минеральный символ совершенства.

Но как же все-таки выглядел *философский камень*, чудесный и живой агент металлических трансмутаций?

На первый взгляд кажется, что свидетельства адептов расходятся²¹. Согласно Беригарду Пизанскому (он говорил о порошке проекции, полученном от неизвестного ему адепта, совершившего проекцию, превращение, прямо у него на глазах), *философский камень* имел запах кальцинированной морской соли и цвет дикого мака (*«Colore non absimilis flore papaveris sylvestris odore vero sal marinum adustum referens»*)²².

Согласно Раймонду Луллию, философский камень имеет цвет красного рубина (отсюда термин *рубификация*, которым обозначается завершающая фаза метаморфоз, происходящих с первичной материей) или карбункула (по-латыни *carbunculus*). Этот камень мудрых обладает свойством светиться в темноте.

Калид же, еще раньше вышеупомянутых двух алхимиков, писал: «Этот камень объединяет в себе все цвета. Он — белый, красный, желтый, небесно-голубой, зеленый».

Следует различать три формы *философского камня*. Прежде всего его великолепное, славное состояние, в котором он является, когда алхимик наконец, после стольких трудов и бдений, зачастую напрасных, изумленно видит «чудесный минерал», внезапно озаряющий всю лабораторию необычайно ярким светом.

Свидетельства о форме *философского камня* также могут не совпадать в различных алхимических текстах. Одни из них позволяют представить его как некую полутвердую — полужидкую субстанцию, быстро кристаллизующуюся в реторте или тигле. Другие свидетельствуют о философском камне как имеющем замечательную форму многогранника (как правило, икосаэдра), излучающего то ослепительно белый свет (ведь он включает в себе все прочие цвета), то ярко-красный, а то и блистательный фейерверк разнообразных цветовых оттенков.

Однако потом можно приготовить из философского камня его жидкую форму, *эликсир*, обладающий чудодейственными лечебными свойствами.

Философский камень мог также принимать и порошкообразную форму, называвшуюся *порошком проекции*. Точнее говоря, он принимал две последовательные формы: в случае успешного завершения *Малого Делания*, или *малого магистерия*, получался *белый порошок*, способный превращать простые металлы в серебро, а затем, после успешного осуществления *Великого Делания*, появлялся *красный порошок*, способный привести к триумфальной цели — превращению в золото свинца или ртути.

Если профанам строго запрещалось наблюдать за последовательностью операций — с самого начала до триумфального их завершения — Великого Делания в лаборатории, то позднее адепт мог, если считал это необходимым, использовать порошок проекции для публичных демонстраций превращения простых металлов в золото, дабы убедить скептиков. Некоторые адепты с этой целью даже давали небольшое количество порошка проекции тем или иным избранным лицам.

Титул адепта традиционно должен был присваиваться (вопреки широко распространенной практике использования его для обозначения настоящих алхимиков, дабы противопоставить их вульгарным суфлерам-эмпирикам) алхимику, преуспевшему в реализации Великого минерального Делания.

Алхимические трансмутации в собственном смысле этого слова не следовало бы смешивать с более скромными манипуляциями, которые хотя и обнаруживали владение техникой трансмутации, однако имели своей целью лишь получение незначительного количества (порядка нескольких граммов) благородного металла. Напротив, отличительной особенностью подлинной алхимической трансмутации являлась ее способность превратить в благородный металл очень большое количество свинца или другого «простого» металла: говорили, что таким способом благодаря порошку проекции можно было осуществить подлинное *умножение* «зародыша» золота.

Согласно Арнольду из Виллановы, а также другому средневековому адепту, Жану из Рупесциссы²³, порошок проекции будто бы позволял превратить в золото в сто раз большее, чем самого порошка, количество свинца или другого неблагородного металла.

Согласно Роджеру Бэкону, это превышение могло доходить до пяти тысяч раз, а по мнению Исаака Голланда — даже миллиона. Что же до Раймонда Луллия, то он, не колеблясь, заявил: *«Mare tingerem si mercurius esset»* («Я окрасил бы [превратил бы в золото] море, если бы оно было из ртути»).

Можно ли допустить, что средневековые алхимики действительно преуспели в своих попытках превратить свинец или ртуть в золото? Действительно, нельзя было бы свести всю литературу, в которой рассказывается об успешных трансмутациях металлов, к нагромождению грубого обмана и безумного бреда, с одной стороны, и с другой — нелепых иллюзий, коими тешили себя глупцы. Не только искренность почти всех подобного рода свидетельств не

вызывает сомнения (они отличаются воистину обезоруживающим чистосердечием), но и среди массы этих рассказов встречаются такие, авторы которых (например, Альберт Великий, Роджер Бэкон и ряд других) считались в Средние века наиболее одаренными людьми, весьма умелыми в деле проведения опытов.

И тем не менее историки вынуждены признать, что так и не смогли, сколько ни пытались, найти неопровержимые доказательства (сколь бы правдивыми ни казались известные им свидетельства) подлинно успешного осуществления трансмутации металлов на всем протяжении Средних веков. В течение всего этого периода не только работа алхимиков, чисто ремесленная по своему характеру, никогда не выходила — не будем забывать этого — за рамки непосредственных наивных наблюдений (без количественной обработки полученных результатов, которая стала возможна лишь благодаря Лавуазье), но и применявшиеся приемы и методы анализа, тестирования благородных металлов и сплавов в то время были еще очень несовершенны. Даже если тогда и представлялось возможным разоблачить откровенно бесстыдных фальсификаторов, многие вполне добросовестные и весьма знающие люди могли заблуждаться, сами не догадываясь об этом, при истолковании определенных явлений (ярких, но обманчивых) во внешнем виде металла.

Мы обязаны также высказаться о весьма сомнительном характере монет, чеканенных из «философского» серебра или золота и пущенных в обращение в Средние века.

Анонимный автор трактата, озаглавленного *«Разоблаченное Великое Делание»*, заметил, что если бы возможность делать золото по собственному усмотрению получила широкое распространение, то результатом этого явилось бы умножение количества бедных: «...Повсеместное изобилие золота сделало бы всех людей одинаково богатыми или, вернее говоря, одинаково бедными». В связи с этим вспоминается миф о царе Мидасе, которого его способность

превращать в золото все, к чему бы он ни притронулся, привела к страшному концу. Можно также привести — в порядке отступления — пример и из наших дней: сюжетом произведения, инсценированного также и на телевидении, Алена Пажа *«Элевсинские компаньоны»*²⁴ является попытка некоего злонамеренного тайного международного сообщества спровоцировать мировой экономический кризис, выбросив на рынок огромное количество драгоценного металла.

Однако даже если предположить (чему, как мы уже отмечали, нет достаточно убедительных исторических доказательств), что средневековые алхимики-адепты преуспели в изготовлении золота, они отдавали абсолютный приоритет благотворительной деятельности, а не своим собственным желаниям. Свидетельством тому может служить пример Николя Фламея, который, необъяснимым образом разбогатев, активно занялся благотворительными и богоугодными делами.

Очевидно, шарлатаны с легким сердцем внушали жертвам собственного обмана, что и действительно могут превращать простые металлы в серебро и золото. Так, в 1772 году Жоффруа Старший представил в Парижскую академию наук памятную записку, озаглавленную *«Мошеннические проделки касательно философского камня»*. В ней он нарисовал полную картину уловок, от наиболее грубых до весьма искусных и утонченных, к которым прибегали, дабы создать иллюзию успешного осуществления трансмутации металлов.

Король Англии Эдуард IV пустил в обращение монеты, получившие название *«ноблей с розой»* (по причине имевшегося на них изображения знатного господина с цветком розы); эти монеты, как утверждали, несмотря на совершенно очевидный анахронизм (*«нобли с розой»* датируются концом XV века, то есть они были выпущены в обращение значительно позже смерти Луллия), были изготовлены из алхимического золота Раймондом Луллием. Легенда утверждает также, что адепт был обманут сувереном отно-

сительно использования этих алхимических монет: вместо того чтобы предпринять новый крестовый поход против неверных, он использовал их на войну против Франции.

Так утверждает легенда, весьма вероятно, ложная.

В 1970 году мы имели возможность ознакомиться у одного парижского коллекционера со статуэткой апостола Иакова (святого покровителя христианских алхимиков), изготовленной — по мнению эксперта — в XV веке, причем, как считалось, целиком из алхимического золота; под основанием упомянутой статуетки выгравирован математический знак бесконечности (перевернутая набок восьмерка²⁵). Необычайная тяжесть статуетки напоминала об утверждении алхимиков, согласно которому «философское» золото отличалось особой чистотой, практически не известной в металле, находившемся в коммерческом обращении, и имело в качестве характерного признака больший, нежели природное золото, вес. Однако мрачный духом скептик, очевидно, не преминул бы задать коварный вопрос: не заполнена ли внутренняя полость статуетки... свинцом? Опираясь на современное состояние научных знаний, мы можем утверждать, что еще ни разу историкам не был представлен какой-либо предмет, изготовленный в Средние века из «философского» золота, который мог бы служить *неопровержимым* доказательством успешного осуществления алхимических трансмутаций.

К сожалению, средневековая алхимическая литература не дает нам — за исключением случая Николя Фламелья — детальных свидетельств относительно трансмутаций металлов, осуществленных адептами. Однако, учитывая тот факт, что традиционная алхимия совершенно не эволюционировала (о чем свидетельствуют многочисленные иконографические документы), историк может рассматривать более поздние (весьма многочисленные) сообщения, применяя их к тому, что устанавливали — или полагали, что устанавливают — алхимики периода Средних веков.

Но как же происходила *проекция* философского камня на свинец или ртуть?

Вот свидетельство, правда, значительно более позднее, ибо речь здесь идет о трансмутации, которая была совершена 12 июня 1695 года в Ульме, и — более того — в саду, а не в лаборатории, аптекарем В. В. Мезером. Достоинством этого рассказа является его замечательная точность в деталях, полностью совпадающих с тем, что нам известно об осуществлении трансмутаций средневековыми алхимиками-адептами. Некий неизвестный передал этому аптекарю гран²⁶ порошка красного цвета, с помощью которого удалось превратить в золото тридцатикратно большее по весу количество ртути, смешанной со свинцом.

Порошок проекции, завернутый в бумагу и затем закатанный в виде шарика в воск, был брошен в тигель, содержащий смесь свинца и ртути. Затем раздули огонь, достаточный, чтобы расплавить эту смесь, после чего тигель сняли с огня. «Остудив, ее (смесь) разломали, и показалась металлическая масса, изящно окрашенная в различные цвета, среди которых доминировал зеленый, что сочли за доброе предзнаменование»²⁷.

В этом рассказе содержится также свидетельство о жизнетворных свойствах порошка проекции, сочетающихся с его способностью производить трансмутацию металлов. Наблюдатель, которого любопытство заставило попробовать на кончике мизинца этот порошок, почувствовал очень кислый привкус, после чего его наполнило ощущение глубокой трансформации всего его тела. И он в дополнение к сказанному сообщил: «...Я почувствовал, как по мне разливается блаженство и бодряя сила наполняет весь мой организм»²⁸.

Одно из наиболее знаменитых случайных открытий тайника, в коем была припрятана изрядная доля порошка проекции, было сделано во времена английской королевы Елизаветы I Эдуардом Келли, иначе именуемым Тэлботом (1555—1597), сотоварищем

по приключениям алхимика и мага Джона Ди. Остановившись на постоялом дворе одного из городишек страны галлов, он имел возможность увидеть то, что осквернители могил нашли в месте погребения католического епископа, умершего в XIV веке и похороненного в одной из церквей по соседству. В руки мародеров попали написанный по-французски манускрипт, в котором говорилось о трансмутации металлов, и два небольших пустотелых шара из слоновой кости. Один из них содержал в себе очень тяжелый красный порошок, большая часть которого, увы, была утрачена, другой же пустотелый шар был наполнен белым порошком, сохранившимся в неприкосновенности²⁹. Этот эпизод, воспроизведенный в романе Густава Мейринка «Ангел западного окна», который представляет собой весьма необычную, фантастическую биографию Джона Ди и Келли, отнюдь не является выдумкой австрийского писателя — секретная книга и два маленьких пустотелых шара в действительности существовали. Именно благодаря порошку, который содержался в них, Келли мог, куда хватало имеющегося запаса, проводить в Пражском дворце, на глазах у императора Рудольфа II Габсбурга, демонстративные *проекции* (превращения), что для него, увы, стало невозможно, как только он израсходовал весь порошок.

О типичном случае обнаружения тайника, устроенного в монастырской церкви средневековым алхимиком, повествуется в анонимной книжице, опубликованной в Берлине в 1771 году³⁰. Некому славному подмастерью каменщика была поручена важная ремонтная работа в Ольденбургском монастыре, и он, занимаясь разбором старой стены, случайно натолкнулся на замурованный в ней тайник. В нем лежал толстый том формата *in octavo* в переплете из свиной кожи и с застежками. Открыв книгу, подмастерье обнаружил внутри нее коробку из луженого железа, крышка которой была испещрена таинственными знаками, нанесенными чернилами. Он, надо полагать, надеялся найти в этой коробке хоть самое малое количество золотых или, на худой конец, серебряных

монет, и сколь велико было его разочарование, когда он, открыв ее, не нашел в ней ничего, кроме простого порошка. И тогда он, недолго думая, выбросил, прибегнув к помощи острого конца своего мастерка, из коробки ее содержимое, чтобы по крайней мере использовать ее вместо табакерки для нюхательного табака. А ведь эта коробка заключала в себе некоторое количество *порошка проекции*, или *красителя*, приготовленного алхимиком Гансом из Остена, который спрятал свой клад в монастыре в 1426 году.

На одной из страниц манускрипта, спрятанного в тайнике в Ольденбургском монастыре и который заключал в себе коробку, наполненную порошком, Ганс из Остена написал: *«Содержимого этой коробки хватит для извлечения золота путем вдыхания в него души и возрождения его божественным действием»*.

Алхимики верили в то, что вполне возможно, вдохнув в металл жизнь, пришедшую из самого космоса, придать ему способность к самопроизвольному увеличению, умножению, сопоставимому с тем, что происходит в растительном и минеральном царствах.

Рассказывали аналогичную историю, происшедшую в доме Николя Фламель, стоявшем на старинной улице Мариво, которая исчезла в ходе перестройки центра Парижа бароном Османом. Тогда как поколения искателей упорно исследовали стены и фундамент этого дома в надежде найти изрядный запас философского камня, оставленного там (как уверяла народная традиция) адептом, никто даже не обратил внимания на несколько больших глиняных горшков, стоявших в подвале и покрытых толстым слоем пыли и паутины. И вот однажды некая простодушная служанка спустилась в подвал, дабы вернуть эти горшки, стоявшие там без дела, в хозяйственное использование, и вывалила в сточную канаву все их содержимое — порошок красноватого цвета. Не тот ли самый пресловутый запас порошка проекции — средство для проведения трансмутаций металлов, которое так долго и тщательно искали?

Алхимики полагали безграничной способность *философского камня* осуществлять трансмутации металлов, они считали даже его способным самовоспроизводиться по желанию *адента* вплоть до бесконечности, если ставилась столь высокая триумфальная цель.

Можно ли сказать, — если в принципе не затрагивать щекотливую проблему реальности или нереальности факта алхимических трансмутаций, — что средневековые алхимики вообще были ни на что не способны? Конечно же нет! Напротив, хорошо известно, что чисто ремесленные манипуляции могли иметь весьма важные, даже впечатляющие результаты (так сказать, большой эффект при малых затратах): например, можно изготовить взрывное устройство при помощи самых примитивных средств и с использованием ремесленной технологии (о чем убедительно свидетельствует история деятельности разного толка террористических организаций).

Хотя этот случай и выходит за хронологические рамки нашего исследования, было бы уместно напомнить знаменитую историю немецкого алхимика Бётгера, который в XVII веке эмпирическим путем открыл секрет производства фарфора, столь ревностно хранившийся китайцами на протяжении столетий.

И вообще было бы уместно представить здесь хотя бы краткий перечень веществ и химических процессов, до сих пор используемых, которые были открыты алхимиками во время проведения ими своих работ. Хотя мы ограничимся только наиболее славными именами, перечень достижений будет впечатляющим.

Святому Альберту Великому мы обязаны способом производства каустической соды, купелированием — то есть методом очистки с использованием свинца — золота и серебра, получением киновари с применением серы и ртути, введением в оборот неочищенной азотной кислоты, открытием свинцовых белил, сурика, ацетатов свинца и меди.

Раймонду Луллию мы обязаны открытием изготовления карбоната поташа с использованием дре-

весной золы и винного камня, ректификации винного спирта, процесса купелирования серебра, ацетона.

Роджер Бэкон приступил к углубленному изучению селитры³¹. Он одним из первых объяснил роль воздуха при горении, подошел к изучению оптических свойств корректирующих стекол и линз; он даже сконструировал телескоп.

Исаак Голланд трудился над изготовлением эмалей и искусственных драгоценных камней.

Василию Валентину приписывают открытие соляной кислоты, изучение свойств сурьмы, разработку способа извлечения меди, содержащейся в пиритах (в частности, в серном колчедане), открытие серного эфира и детонационных свойств гремучего золота.

Еще в XV веке Экк из Зульцбаха высказал предположение о существовании кислорода.

Бесспорно, что изготовление металлических сплавов, которое всегда представляло собой большую трудность, многим обязано деятельности алхимиков. Они немало потрудились также над разработкой способов производства искусственных красок, равно как и керамических изделий.

Можно также утверждать, что Ян ван Эйк, один из первых фламандских художников, своим изобретением особого способа письма масляными красками обязан имевшимся у него алхимическим знаниям³².

Ученые могли бы показать на деле, что сегодня в исследовательских ядерных центрах вполне возможно осуществить трансмутацию свинца в золото. Однако помимо того факта, что полученное таким способом золото стоило бы по крайней мере раз в сто дороже натурального, процесс превращения потребовал бы применения источника колоссальной энергии, способной разложить атомную структуру вещества. В связи с этим напрашивается одно замечание: если предположить, что алхимик сумел бы (используя молнию?) осуществить в своей скром-

ной лаборатории подлинную трансмутацию, то он очень скоро оказался бы жертвой смертельной дозы радиации.

И все же, видимо, не следует слишком рано закрывать досье: недавние научные исследования, кажется, доказывают, что вполне возможно успешно осуществлять ядерные трансмутации при помощи ремесленных средств. Но храните благоразумие, когда отважитесь выдвигать подобного рода гипотезы! И лишь, разумеется, в порядке некоего курьеза мы сообщаем читателю о следующем забавном разоблачении, сделанном нашим приятелем Жаком Бержье: определенные секретные службы (советские и американские) долго лелеяли надежду открыть — путем систематического исследования алхимических манускриптов и книг — различные экспериментальные приемы, которые могли бы найти применение в ядерной технике!

Алхимики уверяли, что способны совершать и другие подвиги на поприще *минерального делания*, которые бы дополнили сделанное ими в области трансмутации металлов. Этим, например, могло бы быть изготовление искусственных драгоценных камней. Так, Раймонд Луллий написал королю Англии:

«Вы видели, сир, чудесное превращение, которое я проделал в Лондоне с ртутной водой, пролив ее на кристалл чистейшего диаманта, дабы изготовить по Вашему желанию столбики для дарохранительницы».

Впрочем, подобного рода амбиции с научной точки зрения не представляются чем-то абсурдным: разве в наши дни не нашли способ, прибегая к различным техническим средствам (например, электрическая печь), изготовления — причем рентабельного — некоторых драгоценных камней?

Однако то воздействие на человеческое существо, которого алхимик добивался в своей мрачной лаборатории, еще больше смахивало на всякого рода чудеса. В «*Книге о Святой Троице*» по этому поводу говорится:

«Философский камень, если положить его на ладонь, становится невидимым. Если же зашить его в тонкое белье и носить это белье, плотно обтягивающим тело, чтобы камень лучше согревался, то можно будет как угодно высоко подняться в воздух. Чтобы спуститься, надо лишь слегка ослабить прилегание белья к телу».

Но, пожалуй, наиболее поразительным свойством *философского камня* является его предполагаемая способность избавлять адепта не только от болезней, но и от старения, а сверх того — освобождать его от смерти, этого проклятия, неотделимого от всего живого на земле.

В следующей главе мы сделаем обзор чарующих, сказочных надежд алхимиков на одержание полной и окончательной победы над всеми бедами, неразрывно сопряженными с положением человека в этом мире. Попробуйте прочувствовать эту неизбывную зачарованность подобными надеждами!

Латинское слово *adeptus* означает: «тот, кто получил», «тот, кто достиг». Чего именно? А не менее и не более как, повторяем, полной победы над собственным физическим несовершенством. Разве адепт не обретал способность чудесным образом заново формировать свое тело, делая его бессмертным, не подверженным более старению? Считалось, что победоносный алхимик достигал (что было наиболее фантастическим и бессмертным упованием мифологизированного воображения) окончательного освобождения человеческого существа от необходимости подчиняться законам материи, пространства и времени.

МЕДИЦИНА — А ЧТО ПОМИМО НЕЕ?

Врачи-алхимики

Среди алхимиков в Средние века встречалось немало профессиональных врачей. Факт, не заключающий в себе ничего удивительного: именно врачи, в силу своей профессиональной деятельности, проявляли особый интерес к алхимии.

Мы уже видели, как средневекового алхимика его работа в лаборатории приводила не только к *деланию* в области минерального царства, но и к далеко идущим манипуляциям *с самим человеком* (прежде всего с самим собой) — как с его физической субстанцией, так и с внутренним миром. Кроме того, как гласило предание, *философский камень* обладал воистину необыкновенными лечебными свойствами (о чем сейчас и пойдет у нас речь). Разве успешная реализация Великого Делания не означала, что адепт должен был обрести способность осуществить наиболее фантастический из медицинских триумфов?

Примечательно, что как алхимические трактаты стали сочиняться на народных, общепонятных языках лишь с конца XIV века, так и врачи в Средние века общались друг с другом на латинском языке. Они обладали также большим практическим опытом, удачно сочетавшимся с их эрудицией. Профессия сводила их с представителями всех социальных сло-

ев, от самого низа до верхов общества; они имели — больше, чем кто-либо другой, — возможность заинтересовать своими алхимическими трудами тех или иных важных господ.

В ту эпоху, когда медицина и фармацевтика не были столь сильно, как в наше время, отделены друг от друга, врач обладал знаниями, приемами и навыками, необходимыми для приготовления лекарств, и уж, во всяком случае, умел обращаться с химическими веществами.

Большей частью именно студентам и врачам, которые в начале Средних веков отправлялись в арабскую Испанию брать уроки мастерства у знаменитых учителей, мусульман и евреев, алхимия была обязана тем, что получила в XI—XII веках распространение в странах христианского Запада. Трудно даже представить себе (особенно при сопоставлении с тем, что стало в Испании после победоносного завершения в XV веке Реконкисты, когда Фердинанд и Изабелла учредили у себя в стране инквизицию) ту чрезвычайно широкую религиозную и философскую терпимость, которая царила некогда в Толедо, Кордове и других крупных городах мусульманской Испании.

Среди врачей-алхимиков в эпоху Средних веков встречается немало фигур первой величины, жизненный путь которых был насыщен бурными и волнующими событиями. Мы же ограничимся двумя наиболее славными их представителями — одним мусульманином (Авиценна) и одним христианином (Арнольд из Виллановы).

Авиценна

Авиценна¹ (980—1037), самый знаменитый из средневековых мусульманских врачей, был уроженцем Туркестана (родился в Бухаре), но вся его активная жизнь, начиная с юности, когда он усердно предавался учению, проходила в Иране. Он вел жизнь, весьма насыщенную событиями, переменами и даже потрясениями, а потому и умер далеко не в преклонном возрасте — пятидесяти семи лет. Он изучал не

только медицину, алхимию, философию и теологию, но также и политику. Он был одним из наиболее широко, энциклопедически образованных ученых всех времен и народов. Библиография его трудов включает в себя 242 названия — и это еще не считая утраченных работ, также отнюдь не малозначительных (например, двадцатитомную обширнейшую энциклопедию *«Китаб аль-Инсар»* (*«Книга непредвзятого суждения»*), включавшую в себя двадцать восемь тысяч статей). Его *«Канон»*, переведенный на латинский язык в XII веке, на протяжении нескольких столетий служил базовым учебником для студентов, изучавших медицину в университетах Западной Европы. Словно бы по иронии судьбы, другой знаменитый врач-алхимик, Парацельс, в начале XVI века устроит — в знак публичного протеста против университетской рутины, которую он собирался нарушить, — сожжение *«Канона»* Авиценны в присутствии студентов Базельского университета, предвеляя курс своих лекций подобного рода шумным скандалом. Однако вовсе не следовало бы рассматривать Авиценну — ведь даже самые новаторские труды превращаются в нечто косное, когда пытаются сделать из них непререкаемую университетскую догму, — как своего рода «ископаемое». Как в области алхимии, так и медицины (две сферы деятельности, остававшиеся для него неразрывно связанными) Авиценна был наиболее славным представителем средневекового мусульманского мира.

Арнольд из Виллановы

Арнольд из Виллановы² (1240—1311) сочетал в своей врачебной карьере многочисленные поездки (в Испанию, Италию и Северную Африку) с весьма успешной преподавательской деятельностью в университете: он даже стал — большая честь! — ректором университета города Монпелье, особенно знаменитого своим медицинским факультетом. Малоизученным фактом биографии Арнольда остается его политическая деятельность: король Иаков II Каталонский*

направлял его в качестве чрезвычайного посла к королю Франции Филиппу Красивому. Именно в ходе этой миссии у него возникли трения с церковными властями: Сорбонна (так назывался в то время теологический факультет Парижского университета) приговорила его сочинения к публичному сожжению руками палача. Однако причиной для этого конфликта послужила отнюдь не алхимия, а обвинения в занятиях магией и высказываниях философских мнений, которые церковь считала не только еретическими, но даже и опасными для массы простого народа (например, утверждение о неизменном и абсолютном характере астрологического детерминизма, которому зачастую бывают подчинены действия людей). Только протекция со стороны папы римского Бонифация VIII, а затем Климента V не дала ему познать пренеприятной участи, постигшей Роджера Бэкона, который провел много лет в тюрьме. Арнольд будто бы в присутствии папы Бонифация VIII осуществил при помощи порошка проекции трансмутацию в золото свинцового бруска.

Именно Арнольд из Виллановы был в Монпелье учителем знаменитого Раймонда Луллия, которому он сообщил секрет осуществления трансмутаций. Большую роль в традиционной алхимии играла эта передача секретов от учителя к ученику.

Далеко не все врачи-алхимики в Средние века являлись личностями, способными сравниться по своему положению и престижу (в пределах западного христианского мира) с Арнольдом из Виллановы. Можно было бы выстроить целый ряд практикующих врачей-алхимиков (довольно зажиточных, менее обеспеченных и даже нуждавшихся), а на периферии собственно медицины — многочисленных «эмпириков», широко распространенных в Средние века по причине того, что не существовало, — если не

* Ютсен ошибается: Каталония никогда не была королевством; в рассматриваемый период она имела статус графства Каталонского. (Прим. пер.)

принимать во внимание тех, кто стремился сделать карьеру университетского преподавателя, — действенных законов и предписаний, способных пресечь то, что мы называем незаконным занятием медицинской практикой.

Но как бы то ни было, считалось, что успешное осуществление алхимиком Великого Делания превращало его в адепта и придавало ему — независимо от того, являлся ли он профессиональным врачом, — сверхъестественные способности целителя. Но каковы же были эти блестящие лечебные свойства, которые традиция приписывала *философскому камню*, Камню Мудрых?

Предполагаемые способы лечебного применения философского камня

Считается, что Парацельс первым стал систематически применять металлы в лечебной практике, однако этот прием был в значительной мере заимствован у средневековых алхимиков.

Даже если Парацельс, «Лютер медицины», и освятил собственным авторитетом этот тип лечения (впрочем, ему пришлось вскоре оставить алхимию, чтобы целиком посвятить себя фармакопее*), лечебная деятельность алхимиков существовала задолго до него. Начиная с эпохи греческих алхимиков Александрии и даже еще намного раньше, с китайских адептов таоистского толка, успех алхимических операций имел своим следствием применение полученных результатов в лечебной практике, внешне исключительно зрелищной.

Вот текст, хотя и относящийся к значительно более позднему периоду (к самому началу XVI века), однако представляющий интерес в связи с нашим исследованием, поскольку он включает в себя всю предшествующую традицию, ту самую, которую старались поддерживать средневековые алхимики. Речь

* Это выходит за рамки нашей темы и относится к истории *ятрохимии*.

идет об отрывке из небольшого трактата Дионисия Захария, озаглавленного «*Книжица о естественной философии металлов*»:

«Чтобы использовать нашего великого короля [эликсир] для восстановления здоровья, надо взять его весом в один гран и развести в серебряном сосуде с добрым белым вином, которое после этого изменит свой цвет на лимонно-желтый. Затем дайте небольшое количество его выпить после полуночи больному, и тот поправится через день, если болезнь продолжалась не больше месяца, а если же она длилась год, то он поправится через двенадцать дней, и, если болезнь была гораздо более продолжительной, он поправится через месяц, при условии, что будет получать каждую ночь лекарство, как сказано выше. А чтобы всегда пребывать в добром здравии, следует принимать это лекарство, смешав его с медом, с начала осени до наступления весны. Так благодаря этому средству человек постоянно будет жить в превосходном самочувствии вплоть до конца дней, кои отведены ему Богом, как пишут философы [алхимики]».

Точно так же, как *философский камень* позволял (как полагали) превращать простой металл, очищая его от всей его нечистоты, в сияющее совершенство минерального царства — блистательное золото, это чудесное возрождение могло происходить не только в минеральном царстве, но также и в двух других царствах — растительном и животном*

Разве адепты не называли *философский камень*, Камень Мудрых, *лекарством трех царств*, или, иначе говоря, универсальным агентом возрождения для всего сущего в природе?

Что касается человека, то алхимики полагали, что, как только преуспеешь в осуществлении Великого Делания, вполне возможно будет избавить смертного от его болезней, точно так же, как удалось очис-

* Они утверждали, что могут воссоздать сгоревшее растение из его пепла, материализуя его летучий «призрак».

тить металл от его нечистоты. Освободить человеческую природу от всей ее нечистоты, от всех последствий первобытного грехопадения и, совершив это, одержать триумфальную победу над различными болезнями, беспрестанно одолевающими человека, — такая прекрасная мечта!

Философский камень должен был употребляться в форме жидкого препарата. В алхимических текстах часто употребляется характерное обозначение *питьевое золото*. Однако необходимо уточнить следующее: если алхимикам удавалось прийти к такому результату — получить эффективное средство для растворения золота и сделать его пригодным для усвоения организмом, то они могли гордиться столь выдающимся достижением в области медицины. Действительно, само по себе впитывание золота просто в жидкой форме было бы не только неэффективно с лечебной точки зрения, но и опасно для организма, поскольку привело бы к покрытию слоем золота стенок пищевода и желудка! Для получения знаменитого *питьевого золота* требовалось найти такой способ растворения драгоценного металла, чтобы придать ему форму, пригодную для усвоения организмом. Попутно заметим, что использование золота в медицинских целях отнюдь не может рассматриваться как идея, абсурдная в терапевтическом плане: разве не применяются соли золота при лечении, например, туберкулеза? Стало быть, нет ничего фантастического в предположении, что алхимики тут и там могли добиваться положительных медицинских результатов. К сожалению, точные данные об успешном лечении алхимическими средствами, встречающиеся в герметической литературе, относятся лишь к XVI веку.

Помимо собственно *эликсира*, жидкой формы философского камня, алхимики использовали также и другие (менее примечательные) препараты — на основе серы, ртути, сурьмы³ и т. д. — для лечения некоторых болезней. Они охотно применяли также (что, впрочем, являлось распространенной практикой в Средние века) и препараты на растительной и жи-

вотной основе. Были в ходу также и вещества, кажущиеся нам странными, но получившие тем не менее широкое распространение в медицине и долго оставшиеся в употреблении. Так, например, алхимики использовали порошок, который получил название *муми* и изготовлялся (что следует из самого названия) на основе золы египетских мумий; он был большой редкостью, и ему приписывались чудодейственные свойства.

Очевидно, можно предполагать, что, помимо исцеления в результате реального воздействия принявших препараты, некоторые случаи улучшения самочувствия больного объяснялись простым психологическим воздействием: сам по себе факт, что лечит такой-то алхимик, которого молва наделила удивительными способностями, мог, очевидно, творить чудеса. И до сих пор признается возможность психологического воздействия на больного, верящего в целебные способности лечащего врача.

Относительно лечебных свойств питьевого золота в *«Двенадцати ключах»* Василия Валентина говорится следующее:

«Кто бы ни испил из этого золотого источника, всяк ощущает обновление своей природы, истребление болезни, подкрепление крови, приток новых сил к сердцу и совершенное здоровье во всех частях тела — как внутри, так и снаружи. Действительно, он отворяет поры, через которые изгоняется болезнь, и на ее место с миром водворяется здоровье»⁴.

Если мы правильно понимаем процитированный отрывок, то *питьевое золото* алхимиков вызывало ускоренное выведение из организма дурных соков, которые, засоряя тело, порождают болезни и старение организма. Разве недостойно сожаления, что для рассматриваемого нами периода отсутствуют определенные свидетельства, касающиеся результатов лечебной деятельности алхимиков? Сравнения же,

сколь бы заманчивы они ни были, с современными методами представляли бы собой чистой воды авантюру.

В тех же самых «Двенадцати ключах» таинственный Василий Валентин дает следующее указание относительно лечения:

«Никакая кислота не может быть полезна для борьбы с внутренними болезнями, поскольку она, проникая, жестоко разрушает организм и тем самым порождает новые болезни. Наш же источник без яда, хотя и должен яд изгоняться ядом».

Велик соблазн усмотреть в последней фразе предвосхищение базового принципа гомеопатии. В этой связи было уместно напомнить (хотя тем самым мы и вышли бы за рамки, которые сами для себя определили), что непосредственные истоки гомеопатии следует искать у знаменитого Парацельса.

В своем манускрипте, озаглавленном «*Настольная книга*», Николя Фламель рассказывает о чудесных свойствах *философского камня* с лечебной точки зрения:

«...Следите за переменами в колбе, и как только оно (лекарство) приобретет пурпурный цвет, растворите малую толику его в белом вине или спирте так, чтобы вино окрасилось в золотистый цвет, ибо это верный показатель, после чего не бойтесь давать снадобье больному по двенадцать или четырнадцать капель в вине, бульоне или иной жидкости, и он словно чудесным образом поправится...

А чтобы тебе повседневно быть в добром здравии, принимай его (это лекарство) в виде золотистого раствора по девять капель четыре раза в год, а именно 22 марта, 22 июня, 22 сентября и 22 декабря, влив их в любую, в какую тебе хочется жидкость; сделав, как тебе сказано, никогда не будешь знать болезней и проживешь счастливо, полный здоровья и богатства, и даже станешь господином всей природы, ибо заимеешь драгоценных камней, золота и серебра больше, чем князья и короли»⁵.

Баснословные предания о вечной молодости и бессмертии

В «Книге Артефия», переведенной с арабского языка на латинский, встречается следующее категорическое утверждение:

«Я, Артефий, написавший сие, тысячу лет или около того пребываю в этом мире, по милости единого и всемогущего Бога и благодаря потреблению этой чудесной квинтэссенции».

Винсент из Бове, не колеблясь, написал, что раз патриарх Ной — если только можно верить Библии — в весьма преклонном, пятисотлетнем возрасте мог производить на свет детей, то лишь благодаря обладанию философским камнем!

Наиболее известным вариантом легенды о телесном бессмертии была та, что получила широкое распространение в XVIII веке и продолжала жить еще долго спустя — легенда о знаменитом графе Сен-Жермене, однако это предание можно встретить и гораздо раньше в истории алхимии.

В конце Средних веков Николя Фламелью приписывали открытие чудесного секрета, позволявшего физически переноситься через столетия; говорили, что адепт будто бы овладел запретным секретом обретения вновь молодости и бессмертия. Эти предания оказывали стойкое чарующее влияние на умы: в начале XVIII века путешественник Поль Лукас утверждал, будто получил от некоего турецкого дервиша неопровержимое подтверждение того, что Николя Фламель и его супруга Пернелла живы, ведут уединенную жизнь в Анатолии⁶! Впрочем, понятно, что такого рода легенда всегда была глубоко привлекательна для людского воображения (этот тип легенд и преданий во множестве встречается в фольклоре всех стран и народов).

Если сказать точнее, то в герметической традиции различаются два типа победы над старением и смертью. В первом случае говорится о сохранении в пол-

ном физическом здравии на протяжении веков одного и того же тела в возрасте тридцати или сорока лет. В другом случае адепт, «растворив» свое физическое тело и «сгустив» свою психическую сущность, покидал присущий нам способ физического существования, чтобы отныне вести жизнь, для которой не существуют физические пределы пространства и времени.

Каким же способом алхимик мог надеяться достичь этой чудесной, этой высшей победы — вновь обрести бессмертие, некогда утраченное в результате грехопадения ветхого Адама? Наиболее типичным «методом» (если позволено будет нам употребить этот научный термин применительно к предмету, совершенно не поддающемуся проверке с рациональной точки зрения) для адепта было принятие внутрь *эликсира долголетия*, представлявшего собой жидкую форму *философского камня*. При этом сперва появлялись внешне яркие, тревожные симптомы (выпадение волос, зубов и ногтей), за которыми следовали совсем иные, поразительные явления, знаменовавшие собой полное возрождение всего организма.

Другой метод, к которому мог прибегнуть адепт, состоял в том, чтобы подвергнуть свое тело воздействию животворных лучей, исходящих от Божественного Огня, появляющегося благодаря магическим манипуляциям в тигле.

Мы хотели бы привести здесь (сохраняя, однако, надлежащую сдержанность) в порядке некоего курьеза, своего рода опыта «ретроспективной научной фантастики», захватывающую гипотезу Жака Бержье, согласно которой алхимики знали способ вызывать гигантский поток радиоактивности, умея при этом использовать его благотворным образом для своего организма.

Очевидно, что для историка было бы непростибельным легкомыслием пытаться найти разумные объяснения этих баснословных преданий об алхимическом бессмертии!

АЛХИМИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Как становились алхимиками?

Прежде чем задаться вопросом о месте алхимиков в средневековом обществе, историк должен ответить на другой вопрос, а именно: как можно было в те времена стать алхимиком? Надо ли было для этого вести вполне нормальную жизнь, или же требовалось пройти более извилистый жизненный путь? Сразу же следует отметить одно важное обстоятельство: кто бы ни вздумал в один прекрасный день заняться алхимией и для этого позаботился обзавестись соответствующими манускриптами (напоминаем, что книгопечатание тогда еще не было изобретено), оборудовал себе лабораторию и даже приступил к практическому экспериментированию, у него не было ни малейшего шанса преуспеть в Великом Делании, если ему не посчастливилось встретить *учителя*, который открыл бы ему необходимые секреты. Сколь бы полные сведения ни содержал трактат (и даже если в нем не было ловушек, специально расставленных для праздно любопытствующих), всегда существовал некий камень преткновения для самоучки или неофита, руководствовавшегося указаниями недостаточно квалифицированных людей.

«В единстве — сила», — гласит известная мудрость. Отсюда проистекало вполне понятное желание мно-

гих алхимиков (или более-менее удачливых претендентов на сие особое звание) собираться вместе, советоваться друг с другом по практическим проблемам, сравнивать свои эксперименты и полученные в ходе них результаты.

В Париже XIV и XV веков были два места встречи, где *делатели* (постоянно жившие в столице Французского королевства и прибывшие туда из разных провинций или даже дальних стран) всегда могли установить контакты с подобными себе. Одним из этих мест встречи был портал церкви Сен-Жак-ла-Бушри*, отправная точка для парижан, направлявшихся паломниками в Сантьяго-де-Компостела, а другим — фасад собора Нотр-Дам-де-Пари с его тремя порталами, украшенными герметическими скульптурами.

Николя Фламелъ так рассказывает нам о своих отношениях с собратьями, с которыми ему не раз доводилось сталкиваться в дискуссиях:

«Не проходило и дня, включая праздники и воскресенья, чтобы мы не собирались или в доме у кого-нибудь (и очень часто у меня), или же у нашей великой Дамы, церкви, наиболее часто посещаемой из всех парижских храмов, дабы поговорить о трудах [алхимических занятиях], коим предавались в предшествующие дни».

Иногда алхимики даже решали объединить свои усилия, совместно трудиться на пути методичного продвижения к успеху Великого Делания. Наиболее примечательный случай — и, по правде говоря, исключительный, когда три сотоварища совместно пришли к цели, по крайней мере если верить преданию, — имел место в XV веке: трио нормандских адептов, Николя Валуа, Николя Гропарми и кюре Пьер Вико, или Витко (встречаются два написания), совместно занимались «деланием» в замке де Флер, где и поныне находится их *атанор*. Лишь в 1975 году

* Церковь Святого Иакова у скотобоев. О ней — дальше в связи с Николя Фламелем.

вышло издание (с введением, комментариями и примечаниями Бернара Роже) трактатов двоих наиболее значительных участников этого трио (труды Вико не изданы до сих пор) — «*Пять книг, или Ключ к секретам*» Николя Валуа и «*Сокровище сокровищ*» Николя Гропарми. Они могут служить также и характерным примером значительного влияния, порой оказывавшегося манускриптами, любовно написанными каллиграфическим почерком и переходившими от алхимика к алхимику: вплоть до конца XVIII века переписывались эти не изданные в то время трактаты троих нормандских адептов.

Иногда возникали настоящие сообщества алхимиков. Именно перед членами подобного рода сообщества, образовавшегося неподалеку от Неаполя, Раймонд Луллий «окрасил» (как свидетельствует предание) обычную ртуть.

Около 1450 года два алхимика, француз Жан Канье и итальянец Джованни из Павии по латинскому прозвищу *Ticinensis*, выступили против так называемого общества химиков, которое распространяло книги, предназначенные только для посвященных.

В то же самое время (в середине XV века) некое английское общество алхимиков собиралось, как сообщает Джордж Рипли, в церкви Вестминстерского аббатства. Напомним в связи с этим, что в Средние века церковные сооружения использовались не только для совершения богослужений, но также и для всякого рода собраний, поскольку в те времена не существовало учреждений (конференц-залов, культурных центров), которые в наши дни служат как места для проведения публичных собраний. Конечно, церковь для средневекового человека была прежде всего «Божьим домом», но в значительной мере служила также и как общий дом — по сути дела, главное и даже единственное место, в котором могло собираться относительно большое количество людей.

Один из наиболее видных алхимиков XIII века (впрочем, как мы еще увидим, он был не только алхимиком), святой Альберт Великий, в начале своего трактата «*De alchimia*» («Об алхимии»)¹ дает ряд сове-

тов ученикам и последователям, желающим трудиться над реализацией Великого Делания. При этом он тесно увязывает свои мудрые советы с указаниями чисто финансового порядка:

«Алхимик должен обитать вдали от людей, в собственном доме, в котором должны быть две или три комнаты, предназначенные исключительно для занятий сублимацией, растворением и дистилляцией*

Алхимик должен быть молчаливым и скромным. Он не должен никому открывать результаты своих операций. Он должен жить в уединении, вдали от людей**.

Он должен выбирать для своих операций подходящее время — иначе говоря, ему следует удостовериться, благоприятно ли расположение звезд на небе.

Он должен быть терпеливым и упорным.

Он должен действовать сообразно правилам: растирание, сублимация, фиксация, кальцинация, растворение, дистилляция и коагуляция.

Он должен использовать в своей работе только сосуды из стекла и керамики, покрытой глазурью.

Он должен быть достаточно богатым, дабы иметь возможность покрывать расходы, связанные с проведением работ.

И, наконец, он должен избегать всяческих контактов с князьями и правителями».

Таким образом, Альберт Великий полагал, что надеяться на успех Великого Делания может лишь хорошо обеспеченный человек с прочным положени-

* Отметим, что этот великий ученый-схоластик происходил из знатной и влиятельной семьи, отсюда и его предписание, разумеется, весьма трудно исполнимое для большинства алхимиков, обладавших очень скромными личными ресурсами. Кроме того, лаборатории алхимиков располагались не только в тихих и уединенных местах, но также и на тесных и шумных улочках городов. (*Прим. пер.*)

** И в этом отношении Альберт Великий представляет собой весьма редкий случай, а именно, когда алхимик располагал большим личным состоянием. (*Прим. пер.*)

ем в обществе, всерьез решивший заняться алхимическими поисками. Однако немало было таких людей, которые решались пускаться на поиски чудесного способа реализации Великого Делания, находясь в материальном положении, весьма далеком от того, чтобы не знать финансовых проблем. Впрочем, Альберт Великий и сам признает это:

«Я знал некогда богатых ученых, аббатов, управляющих, врачей² и людей вовсе без образования, которые даром потратили свои деньги и время на поиски подобного рода. И тем не менее их пример не обескуражил меня. Я трудился, не ведая усталости, я путешествовал из страны в страну, спрашивая самого себя: “Если эта вещь существует, то какова она, а если ее нет, то по какой причине?”»

Зная, сколь большую роль играли, еще задолго до начала книгопечатания, алхимические трактаты (зачастую носившие пышные и поэтичные названия³), можно было бы, пожалуй, удивиться, натолкнувшись на сообщение о том, что неграмотные посвящали себя поискам путей реализации Великого Делания. И тем не менее такое было вполне возможно: существовали неграмотные, обладавшие великолепной зрительной памятью, позволявшей им запоминать в мельчайших деталях все операции, последовательно реализуемые в процессе Великого Делания. В XVII веке (здесь мы далеко выходим за хронологические рамки нашего исследования, но случай сам по себе очень показателен), в годы правления Людовика XIII, некий Винаш имел бесстыдство хвалиться, что знает в мельчайших деталях, хотя при этом не умеет ни читать, ни писать, все действия, которые должны совершаться, дабы успешно выполнить лабораторные операции. Кардинал Ришелье, узнав об этом, велел схватить наглеца, которого, посадив в Бастилию, подвергли пыткам в надежде принудить его открыть секрет трансмутации, прежде чем дать ему смертельную дозу яда.

Альберт Великий отмечал, опираясь на собствен-

ный опыт, что в высшей мере полезно совершать путешествия как начинающим алхимикам, так и признанным *делателям*. И действительно, эти поездки играли решающую роль в карьере большинства алхимиков в Средние века.

На первый взгляд частота путешествий, предпринимавшихся в Средние века людьми, не располагавшими столь быстрыми средствами передвижения, как в наши дни, воистину поразительна. Тем более что количество путешественников, имевших собственных коней или арендовавших их на время пути, было ничтожно мало по сравнению с массой передвигавшихся по дорогам на своих двоих! Но прав будет тот, кто скажет, что зато средневековый путешественник (передвигался ли он на коне, пешком или на корабле) был свободен от необходимости заранее беспокоиться о получении паспорта, визы или хотя бы простого удостоверения личности. Более того, путешественник в те времена не сталкивался с серьезными финансовыми затруднениями, даже если его собственные ресурсы были незначительны: на всем протяжении своего пути он находил (если был не в состоянии покрыть расходы на постоянный двор и не встречал тут и там возможность переночевать в крытом гумне) стол и кров в приютах и гостиницах, содержащихся различными монашескими орденами, особенно вдоль маршрутов, по которым двигались паломники. Нищенство в те времена вовсе не представляло собой серьезный проступок в глазах общественной морали⁴, и многие бедные паломники, направляясь в Сантьяго-де-Компостела или в иное почитаемое место, не пренебрегали возможностью — и это никогда не считалось бесчестьем для них — прибегнуть в случае необходимости к людскому милосердию, дабы пополнить свою мощну.

Далее мы еще увидим, как Николя Фламель — и он конечно же не был первым из тех, кто отправился в столь дальнее путешествие, — повстречал в Испании учителя, которого столько лет тщетно искал в Париже.

Чему же учил своего ученика учитель, которым мог быть (иначе это был самозванец-шарлатан) в принципе только адепт, сам уже преуспевший в свершении Великого Делания? Совершенно оставляя в стороне сферу — хотя, как мы уже видели, и очень важную — *молельни* (предназначенной для занятий духовными упражнениями), отметим, что только вмешательство учителя позволяло алхимику избежать печальной участи провести, действуя методом проб и ошибок, юность, зрелость, а иногда и всю жизнь в тщетных поисках ключа к алхимическим секретам. Существовали две вещи, о которых в трактатах говорилось преднамеренно завуалированно, темным, не поддающимся расшифровке языком, поэтому без помощи учителя, словно посланного ему самим Провидением, дабы растолковать все секреты, ученик не мог отыскать верный путь — будь то в манускриптах или бесконечных разговорах с подобными ему простыми эмпириками. Во-первых, это сведения о *первичной материи*, из которой надлежало исходить при выполнении операций, являвшихся этапами на пути к успешному свершению Великого Делания. Во-вторых, в трактатах, циркулировавших среди *делателей*, обязательно отсутствовали одно или два упоминания о порядке выполнения операций, а без этих сведений их ждала фатальная неудача. Если не было учителя, способного сообщить недостающие сведения, то начинающий алхимик оказывался в ситуации шпиона, сумевшего раздобыть секретные чертежи машины, в которых преднамеренно пропущены небольшие, но имеющие ключевое значение детали; без них все попытки изготовить машину будут обречены на неудачу.

Сверху вниз по социальной лестнице

Алхимиков, истинных или ложных, можно было встретить во всех слоях общества.

В Средние века во Франции, как и в других государствах Западной Европы, общество состояло из трех основных социальных групп. Достигнув апогея

своего развития в XIII веке, в XV столетии оно уже стало проявлять признаки упадка, предвещавшие великий социальный и экономический переворот эпохи Ренессанса.

Каждый из этих трех общественных классов или сословий, составлявших социальную пирамиду христианского Средневековья, имел свои учреждения. Эту пирамиду можно сравнить с кастовой системой в брахманистской Индии, за исключением одного очень важного нюанса: границы между сословиями в средневековом христианском обществе были гораздо более гибкими и подвижными, чем в Индии (западно-европейский простолюдин мог войти в состав благородного сословия или — что было для него гораздо проще — вступить в один из монашеских орденов).

Первое сословие составляло духовенство (белое духовенство и монашество), единственный класс, по крайней мере в Западной Европе, совершенно не наследственный ввиду того, что католическая церковь предписывала своим служителям безбрачие (целибат)⁵.

В Средние века духовенство представляло собой весьма многочисленный класс, доля которого от общей численности населения была значительно больше, чем в наши дни, даже в таких приверженных католической вере странах, как Италия и Испания. Процветало несметное количество церквей, больших и маленьких, часовен, мужских и женских монастырей. Согласно приблизительным подсчетам, доля мужчин и женщин, вступивших в монастыри в сравнении с общей численностью населения в средневековой Западной Европе оказывается столь же значительной, как и в Тибете (который отличался явным избытком ламаистского монашества) перед аннексией его коммунистическим Китаем. Лишь в Новое время появятся первые истинно неверующие, в Средние же века хотя и встречались неординарные мыслители (и порой даже очень смелые) в области теологии и философии, равно как и всякого рода

еретики, все же не было еще настоящих атеистов, вольнодумцев в современном смысле этого слова. Впрочем, существование весьма многочисленных церковных учреждений еще долго будет находить оправдание в двух весомых социальных причинах. С одной стороны, в то время, когда господствовало право первородства, когда обычным делом были, несмотря на устрашающе высокий уровень детской смертности, многодетные семьи, церковь давала младшим отпрыскам возможность включиться в иерархическую структуру общества, заняв ту или иную духовную должность. С другой же стороны, вступление в один из духовных орденов, доступ в которые был открыт для всех, даже для выходцев из простого сословия, давало простолюдинам возможность подняться по социальной лестнице, преуспеть в жизни, что для большинства из них было бы невозможно иным способом.

Второй социальный класс в государствах Западной Европы составляло дворянство, соответствовавшее индийской касте воинов. Его традиционной ролью было обеспечение обороны королевства, формирование военных отрядов на случай вооруженного конфликта; рыцарство не ограничивалось простым соблюдением кодекса чести — оно было (и это прежде всего) элитной кавалерией. Сформировалось также, в частности, во Франции, так называемое дворянство мантии — государственные служащие, передававшие по наследству свои должности.

Третьим социальным классом в средневековых западноевропейских королевствах были те, кого во Франции именовали *третьим сословием*, то есть люди простого происхождения, простолюдины. Сюда относились буржуазия, ремесленники и наиболее многочисленная категория в тогдашних королевствах христианского мира, на долю которой приходилась большая часть населения, — крестьяне. Лично зависимые крестьяне, составлявшие в начальный период феодальной эпохи большую часть населения, со временем стали меньшинством по сравнению с массой по закону лично свободных крестьян.

На периферии этих трех больших социальных категорий населения находились так называемые маргинальные элементы, в то время значительно более многочисленные, чем в современных индустриально развитых странах Запада. Эти деклассированные элементы представляли собой переменчивую массу, то безобидную, то весьма опасную — в зависимости от ситуации. Нищие и бродяги были в изобилии, существовала даже *среда* (если употребить привычный термин), поддерживавшая свои специфические традиции⁶. Однако свирепые «репрессии» (без суда и следствия вешали за кражу даже ничтожной суммы), направленные на борьбу с преступностью, оказывались в общем и целом неэффективными.

Алхимиков можно было встретить во всех вышеперечисленных социальных категориях средневекового общества, с самого верха до самого низа социальной лестницы. В среде духовенства встречались даже аббаты, прелаты высокого ранга, культивировавшие искусство Гермеса Триждывеличайшего. Более того, согласно преданию, первым великим алхимиком на христианском Западе был Герберт, монах из Орильяка, в юности учившийся у арабов в Испании, а впоследствии ставший папой римским под именем Сильвестр II (умер в 1003 году). Однако значительно больше средневековых алхимиков рекрутировалось не из числа церковных сановников, а из рядового духовенства, а кроме того, по всей видимости, среди монахов их было больше, чем в среде белого духовенства⁷. Во многих монастырях были кельи, оборудованные как алхимические лаборатории и молельни одновременно.

И среди высшей знати нередко встречались «делатели», были даже правители, пробовавшие себя в проведении лабораторных работ.

Из числа алхимиков — выходцев из высших слоев общества — назовем в качестве характерного примера итальянца Бернара Тревизана (1406—1499), маркграфа Тревизанского, выходца из старинного знат-

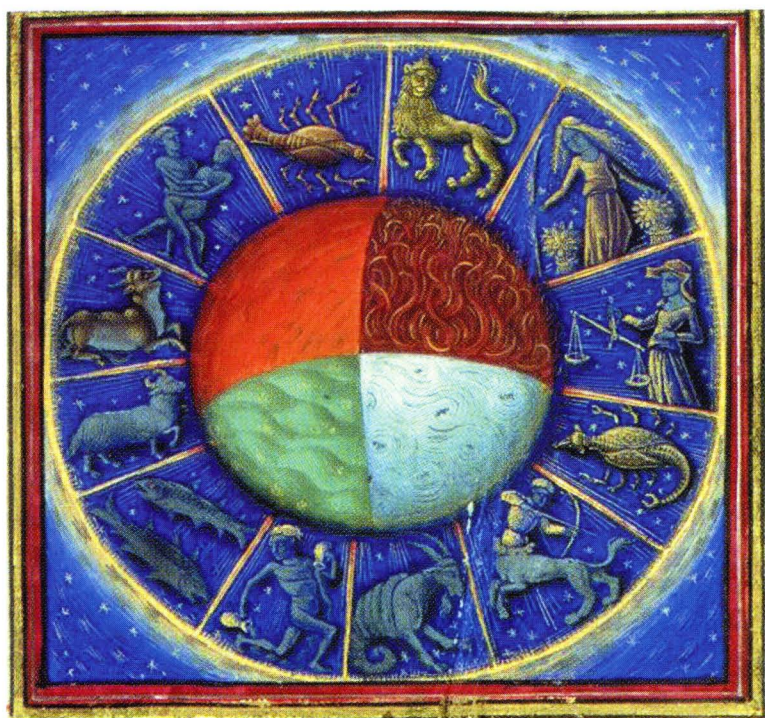
ного семейства в Павии. По прошествии многих и многих лет тщетных поисков он тем не менее не отчаялся и в 1483 году, будучи уже в преклонном возрасте — семидесятисемилетним стариком, узнал, наконец, решающий секрет, позволивший ему успешно реализовать Великое Делание.

Из числа представителей крупной французской буржуазии, предававшихся *деланию*, назовем Жана де ла Фонтена (1381—?), который в 1441 году занял ответственную должность эшевена в своем родном городе Валансьене.

Среди алхимиков — выходцев из простого сословия — в поздний период Средних веков наиболее известным, несомненно, был знаменитый Николя Фламель; поскольку его жизнь во многих отношениях могла служить историческим примером, мы еще вернемся к рассмотрению этапов его карьеры.

Таким образом, алхимиков можно было встретить на всех ступенях социальной лестницы, начиная с князей церкви и других великих мира сего и вплоть до самых низов общества, даже среди представителей маргинальных групп, находившихся в особенно невыгодном положении по сравнению с членами «нормального», респектабельного общества. Историк, проводя свое исследование, должен также постоянно учитывать наличие многочисленных в Средние века *суфлеров* и *делателей золота* — весь этот фон, образуемый деклассированными элементами и авантюристами, весьма колоритный, но порой причинявший обществу немалое беспокойство.

Именно среди них рекрутировались такие в высшей степени колоритные фигуры, как неимущие бродячие *делатели*, перемещавшиеся с ярмарки на ярмарку, из города в город, из королевства в королевство в поисках новых желающих быть одураченными. Не следует путать их с истинными алхимиками. Конечно, и подлинные адепты совершали путешествия и даже на протяжении многих лет вели жизнь странников, однако была одна характерная черта,

Четыре стихии и знаки зодиака. *Французская рукопись XV в.*

Император Священной Римской империи Рудольф II Габсбург, покровитель алхимии и астрологии.
Монета XVI в.

Астрологи определяют будущее семейной четы. *Нидерландская астрологическая рукопись XV в.*

Астролябия, изготовленная фламандскими мастерами для английской королевы Елизаветы I. 1559 г.

Рудольф II Габсбург в виде
Вертумена, римского бога
перемен в природе.
Дж. Арчимбольдо. 1561 г.

Тихо Браге, придворный
астроном и астролог Рудольфа II.
Гравюра. 1586 г.

Ураниборг — замок-обсерватория, построенный Тихо Браге
в 1576 году на датском о. Вен около Копенгагена. *Гравюра XVII в.*

Король Франции Карл VII,
министром финансов которого
был Жак Кёр. Ж. Фуке.
Около 1445 г.

Парижский дворец
алхимика Жака Кёра.

Монеты Карла VII.

Банкир и его жена. *М. ван Реймерсваль.*

Выращивание лекарственных растений и изготовление лекарств.
Раскрашенная гравюра из книги Адама Лонисера «Гербарий».
 Франкфурт-на-Майне, 1557 г.

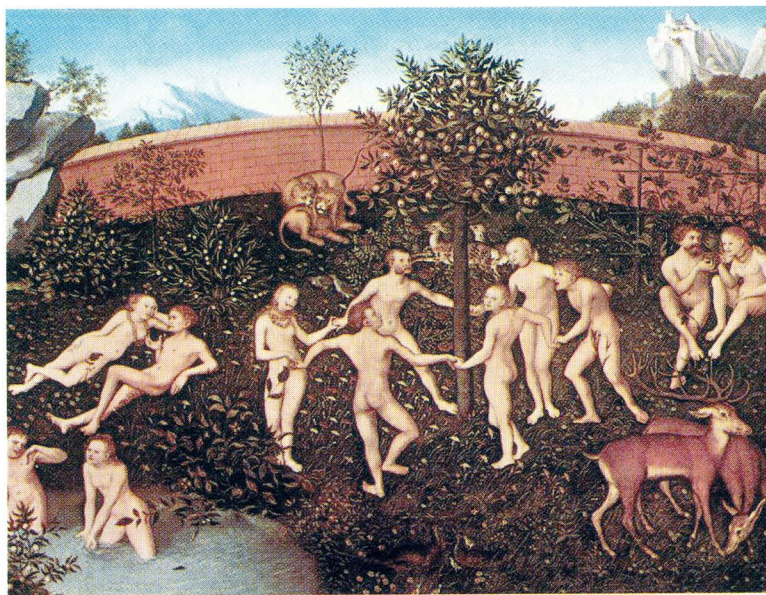
Изготовление пороха. Л. Бути. Вторая половина XVI в.

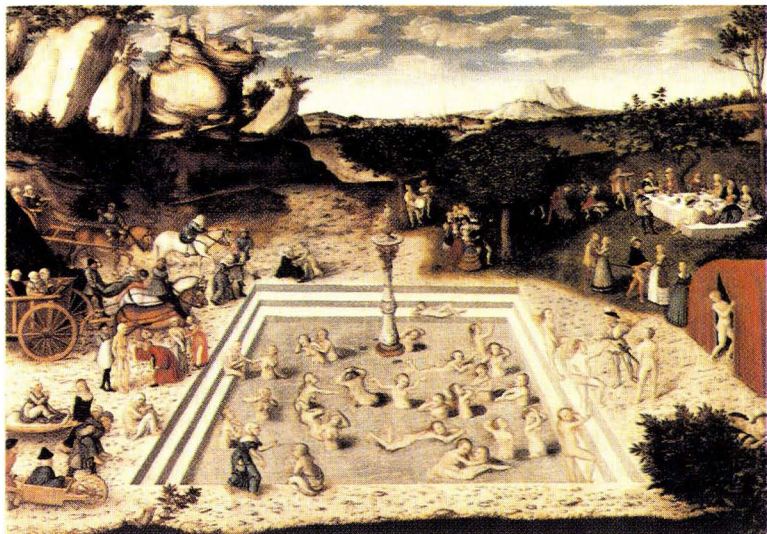

Край блаженного безделья. П. Брейгель Старший.
Страна Кокейн. 1567 г.

Золотой век. Л. Кранах Старший. Первая половина XVI в.

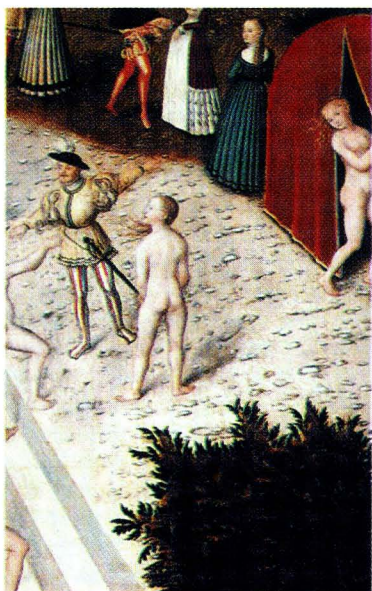

Фонтан молодости. Л. Кранах Старший. 1546 г.

Женщины до погружения
в «Фонтан молодости».
(Фрагмент).

Женщины после преобразования
в «Фонтане молодости».
(Фрагмент).

Алхимические
скульптуры собора
Парижской
Богоматери:
алхимик
во фригийском
колпаке,
означающем
внутреннее
освобождение
посвященного;
женская фигура —
символ алхимии.
Девять ступеней
лестницы —
девять степеней
озарения.

Прага
город
длинников
в XV—XVII
века

Золотая улица
Прага где при
Рудольфе II
жили длинники.
В здании слева
в начале 1920-х
дом жил
известный
писатель Франц
Кафка.

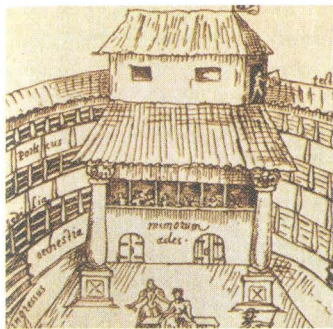

Кристофер Марло.
Неизвестный художник.
1585 г.

Кристофер Марло.
«Трагическая история
о докторе Фаустусе»
Титульный лист издания
1624 г. (фрагмент).

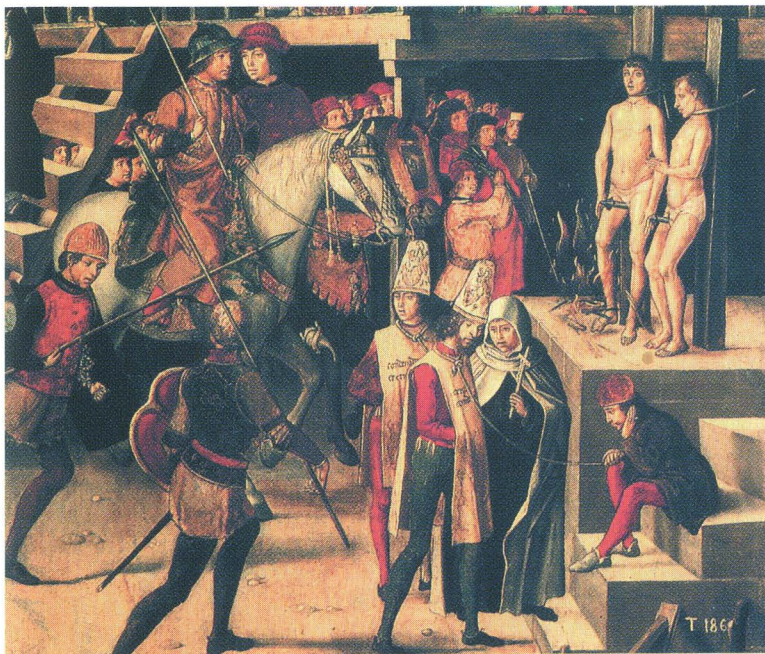

Лондонский театр «Лебедь».
Рисунок пером И. де Витта.
Около 1596 г.

Бен Джонсон, автор комедии
«Алхимик» (1610).
Г Хонтхорст.

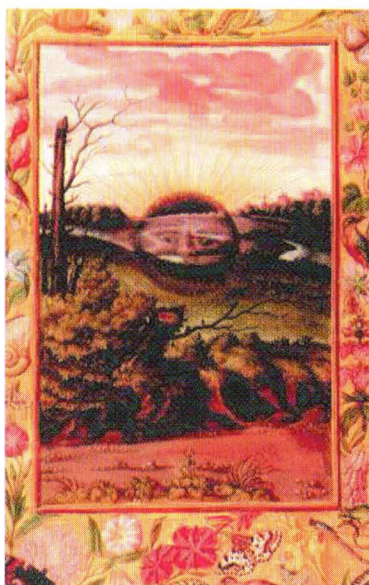

Такая судьба постигла ряд алхимиков, не умевших ладить с Церковью.
П. Берругете. Аутодафе (фрагмент). Около 1490—1496 гг.

Небесные драконы на горе.
Акварельный рисунок из списка
книги Николя Фламея «Книга
Авраама Еврея». XVII в.

Черное Солнце. Акварельный
рисунок из книги Соломона
Трисмозина «Splendor solis».
Около 1490 г.

Поединок на копьях Солнца и Луны. Акварельный рисунок
из книги «Aurora consurgens». 1480 г.

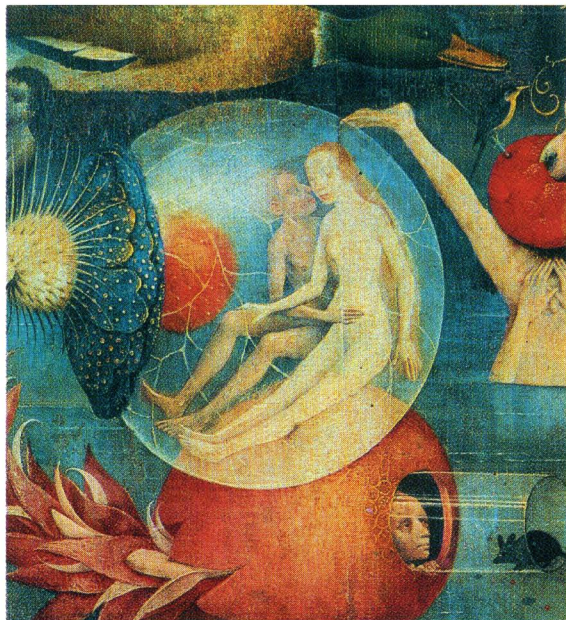

Гермафродит с орлом.
Акварельный рисунок из книги
«Aurora consurgens». 1480 г.

Варка уробороса в сосуде.
Акварельный рисунок из книги
«Aurora consurgens». 1480 г.

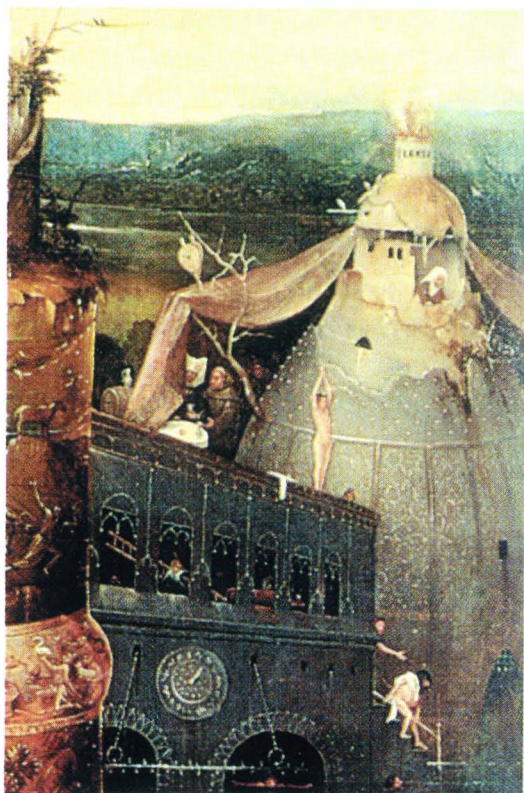

Любовная пара
над водой
внутри сферы.
Рядом —
ныряльщик,
символизиру-
ющий букву Y —
знак
андрогина.
И. Босх.
Сад земных
наслаждений
(фрагмент).
1500—1505 гг.

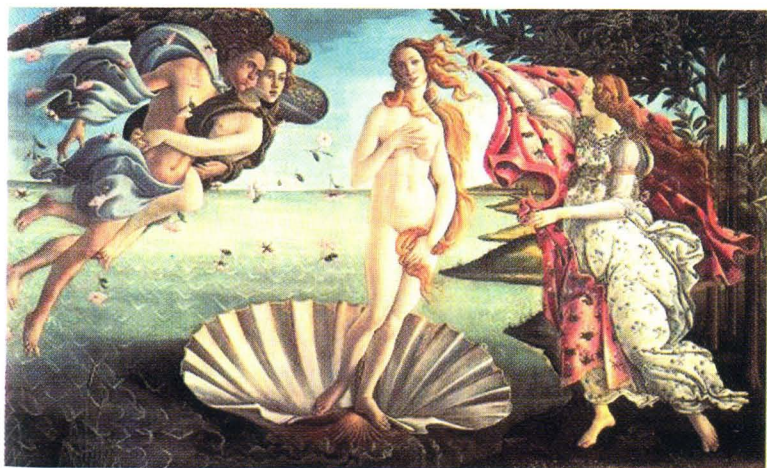

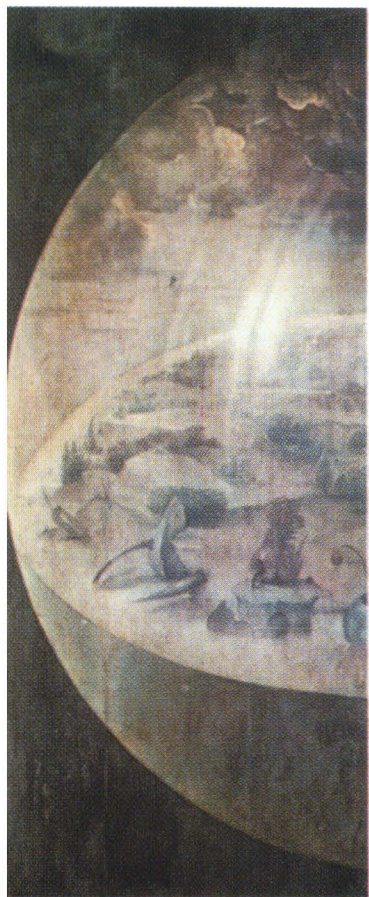
Музыкант
с головой
свиньи —
Сатурн,
ведавший
первой,
«темной»
и гнилой
стадий
алхимического
процесса.
И. Босх.
Искушение
святого
Антония
(центральная
часть
триптиха,
фрагмент).
Около 1505 г.

Алхимическая
печь — атанор.
И. Босх.
Искушение
святого Антония
(центральная
часть триптиха,
фрагмент).
Около 1505 г.

С. Боттичелли.
Рождение Венеры.
Около 1485 г.

Земная твердь. И. Босх. Сад земных нас.
в закрытом виде. 1500—1505 гг.

позволявшая сразу же отличить первых от вторых: истинные алхимики были настолько скрытными, что во время странствий им хватало благоразумия воздерживаться от разговоров о своих исканиях с незнакомыми встречными. Их поведение разительно отличалось от неиссякаемого потока болтовни *делателей золота*, одержимых неутолимым желанием привлечь к себе внимание любопытных.

Алхимическая чета

Тогда как многие *делатели* работали в одиночестве, другие стремились обзавестись спутницей жизни, не боясь взвалить на себя бремя семьи. Тем самым они давали подчас повод для насмешек: одним из любимых объектов для сатириков (эта тема встречается, в частности, на гравюрах эпохи Ренессанса и даже позднее) стал бедный «делатель золота», с головой ушедший в пагубную химеру чудесной трансмутации металлов, в то время как его жена и дети носят лохмотья и не имеют средств даже для покупки продуктов первой необходимости.

Однако следует различать две разновидности алхимической четы. В одних случаях имел место совершенно обычный супружеский союз, законный или незаконный, — женщина просто помогала своему супругу на определенных решающих этапах Великого Делания, например, следила за атанором, когда требовалось очень длительное и непрерывное наблюдение. Она вела также хозяйство алхимика.

Однако существовал и другой тип алхимического союза, когда алхимик и его компаньонка совместно и на равноправных началах посвящали себя трудам и исканиям в процессе выполнения операций Великого Делания — они образовывали истинно герметическую пару. В противоположность первой категории, этот тип алхимической четы, видимо, лишь в редких случаях исполнял производительную роль обычных супружеских союзов: в большинстве случаев это были бездетные пары. Наиболее известным примером второго типа алхимического союза слу-

жит чета французских алхимиков — Николя Фламель и его супруга госпожа Пернелла.

Выше мы уже предпринимали попытку провести параллель между этой второй формой союза мужчины и женщины, совместно продвигавшихся к успеху на пути Великого Делания, и специфическим путем, который на Востоке, в системе тантризма, получил название «левой руки»⁸ и который для достижения состояния озарения и магической силы, для поисков прометеева бессмертия, предлагает конкретный союз с предопределенной свыше женщиной. В этой перспективе традиционный герметический образ андрогина (который по-латыни имеет название *Rebis*, буквально *Res* и *bis*, что означает: *вещь-два*) имел бы не исключительно символический смысл, сопряженный с соединением двух начал Великого минерального Делания — Серы и Меркурия, но также и психический союз, который должен осуществиться между двумя составляющими — мужским и женским (на языке глубинной психологии Юнга: *Animus* и *Anima*) — души. Соединившись со своей свыше предопределенной компаньонкой, адепт воссоздал бы с ней состояние небесного андрогина, утраченное в результате первородного греха, первобытного грехопадения. Он смог бы вновь обрести бессмертие ветхого Адама, стать господином всех сил природы. Принципом этого пути, если мы правильно понимаем его⁹, является своего рода *обнаружение* сексуальной энергии в теле адепта для сотворения чуда, результатом которого станет обретение мужчиной и женщиной (слившимися *воедино*) способности вновь найти утраченный источник бессмертия¹⁰. Отсюда проистекают и все эти столь волнующие, снова и снова предпринимавшиеся попытки (извечная тема легенд и преданий) обретения магическим образом вечной молодости и бессмертия¹¹.

Что же касается алхимиков, в одиночестве предававшихся *деланию* (прежде всего монахов, уединенно занимавшихся алхимией в своих кельях), то они, очевидно, имели дело со «свадьбами» на уровне психики, совершавшимися в душе между ее мужским и

женским началами, с тем, что в тантризме получило название пути «правой руки», то есть с абсолютной телесной аскезой.

В завершение этой главы было бы, на наш взгляд, интересно вкратце обрисовать жизненный путь четверых наиболее известных средневековых алхимиков-адептов. Их биографии весьма поучительны с точки зрения исследования того, какое место в средневековом обществе занимал алхимик, которому посчастливилось добиться успеха на поприще Великого Делания, и он поведал об этом миру.

*Типы средневековых алхимиков-адептов:
Альберт Великий*

Святой Альберт Великий (1193—1280), по рождению Альберт фон Больштедт (он происходил из старинной знатной семьи в Швабии, на юго-западе Германии), в 1222 году вступивший в Доминиканский орден, был одним из наиболее известных ученых-схоластов: он преподавал сперва в Кёльнском университете*, а затем, с 1245 года, в Парижском университете. Слишком тесные аудитории парижских коллежей не могли вместить в себя массу школяров, привлеченных славой именитого профессора, и он был вынужден читать свои лекции под открытым небом, на площади, на которой, подстелив солому, рассаживались слушатели, поэтому обитатели квартала прозвали это место «площадью мэтра Альберта», откуда и произошло видоизмененное ее название *Мобер*.

Альберт Великий еще при жизни стяжал лестную славу крупного теолога и философа, не имевшего равных себе, ученого, компетентно разбиравшегося во всех областях тогдашнего знания, отчего и получил почетное прозвище *Doctor universalis*, всесторонний ученый.

* Ютен ошибается: университет в Кёльне появился лишь в 1388 году; очевидно, он имеет в виду соборную школу, которые тогда существовали при кафедральных соборах в Реймсе, Магдебурге и ряде других городов. (*Прим. пер.*)

Вместе с тем занятия «мэтра Альберта» алхимией и астрологией уже при жизни принесли ему несколько сомнительную известность мага-чудотворца, способного совершать то, что считалось невозможным. До наших дней дошло баснословное предание о том, как «мэтра Альберта» в его доминиканском монастыре в Кёльне посетил граф Голландский Вильгельм II со свитой. Был разгар зимы, и стояли трескучие морозы, однако, к великому изумлению знатных визитеров, Альберт велел накрыть столы прямо в саду. И тут свершилось невероятное чудо: снег исчез, деревья зазеленели и сад огласился птичьим пением. Так в пределах монастырского сада глазам изумленных голландских господ предстало весеннее цветение, искусственно вызванное магом Альбертом.

После смерти Альберта Великого его репутация магистра разного рода магии еще больше упрочилась, достигнув воистину немыслимых масштабов. Родилась, например, легенда (совершенно недостоверная, следует заметить) о том, как он якобы сконструировал автомат в виде совершенного человека, каждая из частей тела которого была подчинена влиянию определенной звезды. Эта история заканчивается рассказом о бесцеремонном вмешательстве молодого ученика «мэтра Альберта» — будущего святого Фомы Аквинского (1226—1275), который, опасаясь этого андроида, по его мнению, дьявольского создания, будто бы разломал его (учитель использовал человекоподобный автомат вместо домашней прислуги).

Посмертная слава мага, которую заработал святой Альберт Великий, в народном воображении продолжает жить вплоть до наших дней: во французских провинциях «колдуны» из поколения в поколение обращаются к *«Дивным секретам Альберта Великого»*, колдовской книге, авторство которой приписывается знаменитому ученому-схоласту и которая делится на две неравные по своей величине части, имеющие названия «Большой Альберт» и «Малый Альберт»¹². Совершенно очевидно, что подавляющее большинство страниц этой ошеломляющей колдов-

ской книги не может принадлежать перу знаменитого доминиканца!

Впрочем, среди представленных там странных магических рецептов, многие из которых, несомненно, происходят из среды наиболее дремучего деревенского ведовства, встречаются и такие, которые придуманы (невозможно удержаться от подобного рода предположения) переписчиком, не лишенным чувства юмора¹³.

Наиболее интересным среди всей этой потрясающей дребедени (подчас относящейся к значительно более позднему времени, местами даже к XVII и XVIII векам) является небольшое оригинальное ядро (очевидно, что оно существует), взятое из подлинных манускриптов Альберта Великого. Действительно, в упомянутой колдовской книге, среди рецептов, отдающих самым грубым (а зачастую и смешным) суеверием, можно встретить места, очевидно, в оригинале переписанные из какого-то аутентичного сочинения, воспроизводящие рассуждения Альберта Великого о свойствах растений, драгоценных камней и металлов. На наш взгляд, здесь можно встретить даже тексты, переписанные непосредственно из алхимических трактатов «мэтра Альберта». Однако, отметим еще раз, даже наиболее серьезные части этой знаменитой колдовской книги перемешаны с пассажами, появившимися на свет значительно позже того, как ушел из жизни знаменитый ученый-схоласт¹⁴.

Народное предание приписывает (среди всего прочего) Альберту Великому следующий магический подвиг: при помощи некоего талисмана он умудрился собрать всех змей своего диоцеза, епископства Регенсбургского, и использовал их для изготовления золота. Таким манером Альберт Великий смог уплатить огромные долги, накопленные в течение многих лет его предшественниками на епископской кафедре и переданные ему по наследству. В этой легенде нетрудно увидеть, как на подлинную основу (роль, которую в алхимической символике играла змея) накладываются баснословные элементы.

В лице святого Альберта Великого мы встречаем — оставляя в стороне посмертные легенды о нем, которые, очевидно, немало бы удивили его самого, — тип алхимика, укорененного в университетской системе той эпохи и достигшего высокого положения в церковной иерархии, который, таким образом, преуспел равным образом на двух поприщах — в церковной и преподавательской карьере — и вместе с тем вволю предавался лабораторным опытам, которые мог беспрепятственно проводить у себя дома. Он, учитель святого Фомы Аквинского, был не только одним из великих ученых-схоластов: в области минеральной алхимии он являлся замечательным экспериментатором. Разве потомки не обязаны «мэтру Альберту» открытием способа производства каустической соды, первым по-настоящему совершенным химическим анализом киновари, равно как и свинцовых белил и сурика? Монаху Роджеру Бэкону меньше повезло в его передовых для того времени исследованиях.

Раймонд Луллий

Биография Раймонда Луллия (1235—1315) на первый взгляд может показаться придуманной — настолько она романтична. И тем не менее речь идет о вполне реальном историческом лице, одержимом страстями и проявлявшем интерес ко многим вещам — теологии, философии, поэзии и миссионерской деятельности среди мусульман. С более или менее явным намерением снять с него вину за дела, которые, с точки зрения благонамеренных католиков, «отдают ересью», еще в не столь отдаленные времена предпринимались попытки представить как недостоверные все алхимические труды Луллия. В действительности же он был одним из самых великих алхимиков эпохи Средних веков, в своих духовных исканиях рассматривавшим себя правоверным католиком. Имел Раймонд Луллий и заслуги перед наукой: в ходе своих алхимических лабораторных занятий он открыл способ приготовления бикарбоната калия.

Можно обнаружить несомненное сходство между жизнью, преисполненной страстями, Раймонда Луллия и жизнью святого Франциска Ассизского. Как и «бедняк из Ассизи», Луллий, родившийся в очень знатной семье¹⁵, поначалу вел жизнь очень богатого бездельника, утопавшего в роскоши и занимавшегося в порядке развлечения (так сказать, своего рода «спорта») методичным совращением молодых и красивых женщин, которые приходились ему по вкусу, не особенно беспокоясь о том, имеется у них супруг или же нет. К Богу он обратился, пережив жестокое потрясение, которое разом открыло ему глаза на всю трагическую суетность человеческого существования, сводящегося к одним лишь плотским утехам. Этот соблазнитель, в очередной раз принявшись за свою забаву, без памяти влюбился в некую молодую замужнюю особу, красота которой словно лучами пронизала все фибры его души и тела. Он настойчиво преследовал ее своими ухаживаниями, пренебрегая решительным отпором, на который наталкивались его упорные притязания, так что даже однажды, следуя за своей возлюбленной, прямо верхом на коне, ничуть не колеблясь, въехал в кафедральный собор города Пальмы, вызвав тем самым грандиозный скандал. Молодая женщина прибегла, дабы отвести его от себя, к жестокому, но очень действенному средству: когда Раймонду Луллию наконец удалось прорваться сквозь двери ее покоев, она расстегнула свой корсет и показала ему грудь, страшно разъеденную безжалостным раком.

Молодой человек, ужаснувшись, не только разом освободился от сжигавшей его похотливой страсти, но и внезапно пережил полное преображение. Он раздал бедным все свои богатства, дал обет непорочности и решил отныне посвятить всю свою жизнь беспрестанным странствиям ради великой цели — обращения мусульман в христианскую веру. Именно с этой целью *ученый ясновидец* (такое прозвание получил он после своей смерти) осуществлял свое *великое искусство* (*ars magna*). По преданию,

Раймонд Луллий открыл его в результате явленного ему чудесного зрелища: он увидел, как листья мастикового дерева (это растение весьма типично для средиземноморской флоры) покрываются буквами различных алфавитов (латинского, греческого, еврейского, арабского). Это *великое искусство* предназначалось для того, чтобы показать — путем строго логических умозаключений — основополагающие понятия, исходя из которых надлежит возводить строение философских и теологических истин или же все сводить к одному только Откровению. «Искусство Луллия» можно рассматривать как средневековое предвосхищение попыток, предпринимавшихся в XIX и XX веках по конструированию логических машин, предназначенных для автоматического и притом абсолютно точного сопоставления и комбинирования понятий.

И действительно, *великое искусство*, придуманное *ученым ясновидцем*, предполагало для строго логического рассмотрения понятий использование ряда рационально скомбинированных простых геометрических фигур (квадраты, прямоугольники, треугольники, круги, звезды)¹⁶.

Раймонд Луллий умер хотя и в преклонных летах, но в полном разгаре своего апостольского служения: его насмерть забили камнями обитатели алжирского портового города Бужи (сейчас Аннаба), перед которыми он бесстрашно проповедовал обращение в Христову веру.

Ученый ясновидец Раймонд Луллий являет собой тип личности, находившейся на периферии средневековой учености (он никогда не занимал университетской кафедры и действовал во имя церкви как своего рода «вольный стрелок»). И тем не менее нельзя сказать, что он был отрезан от средневекового ученого сообщества — ведь он все-таки воспользовался возможностью учиться в университете Монпелье. Именно тогда великий врач Арнольд из Виллановы открыл ему секрет *философского камня* — так утверждает историческая традиция алхимиков.

Перейдя к рассказу о Николя Фламеле и его супруге госпоже Пернелле, мы окончательно порываем с представителями официальной средневековой учености (с университетами), чтобы заняться выходцем из народа, самоучкой, посмотреть, как он стал алхимиком.

Биография Николя Фламеля хорошо известна благодаря терпеливым исследованиям Альберта Пуассона, который, сам будучи алхимиком в Прекрасную эпоху* (он, увы, безвременно скончался в возрасте всего двадцати четырех лет, не успев даже закончить изучение медицины), посвятил ему в 1893 году детальный труд, опираясь исключительно на аутентичные документы¹⁷.

Хорошо известная книга Лео Ларгье *«Делатель золота Николя Фламель»*¹⁸, несмотря на свой воодушевленно-романтический стиль, не отступает от документальной достоверности: реальное существование Николя Фламеля показано в строгом соответствии с тем, что можно прочесть в старинных манускриптах¹⁹.

Тот, кому суждено было стать самым знаменитым алхимиком Средних веков (и, можно сказать, тот, чье имя на устах даже у людей, которые никогда не имели случая всерьез заняться историей алхимии), родился в Понтуазе в 1330 году. Его родители принадлежали к небогатым горожанам, но сумели дать сыну (что в те времена было большой редкостью) хорошее образование. Он еще молодым человеком прибыл в Париж, чтобы заниматься ремеслом писаря. Это не было чем-то сопоставимым с работой современного литератора, но представляло собой совокупность профессиональных занятий, предполагавших владение каллиграфическими навыками: составление и написание частных писем, ходатайств, актов

* Название (по-французски *Belle Époque*) периода конца XIX — начала XX века, который, как считается, был особенно благоприятен для жизни и конец которому положила Первая мировая война. (Прим. пер.)

гражданского состояния, а также требовавшая немало терпения переписка целых манускриптов. Все эти виды работ в эпоху, когда во Французском королевстве большинство населения было неграмотно и когда (напомним еще раз, ибо это важно) книгопечатание еще не было изобретено, оказывались неплохим источником дохода.

Фламель самолично сообщает нам: «В ту пору, после смерти моих родителей, я зарабатывал себе на жизнь, занимаясь ремеслом писаря: составлял инвентарные описи, вел счета...» Он умел также рисовать, иллюминировать рукописи и писать красками — сам являлся автором иллюстраций, украшающих его манускрипты.

Этой работой писаря Фламель занимался в крохотной мастерской, прилепившейся к контрфорсам церкви Сен-Жак-ла-Бушри; ее размеры составляли два шага в ширину и два с половиной шага в длину. Это скромное заведение после смерти Фламеля сдавалось в аренду за *восемь парижских солей* в год — за весьма умеренную плату.

Будущий алхимик женился, еще совсем молодым человеком, на женщине, перешагнувшей сорокалетний рубеж и уже дважды овдовевшей — на госпоже Пернелле, которая хотя и имела кое-какое состояние, но весьма умеренное. Несмотря на разницу в возрасте супругов («дважды вдова» была на двадцать лет старше своего молодого мужа), их союз оказался исключительно счастливым.

Поскольку коммерция, несмотря на смутное время (это был, напомним, самый мрачный период Столетней войны), процветала, супруги построили дом на углу двух узких улочек — Мариво и Экривен (Писарей). Напротив этого нового дома стояла и новая мастерская, несколько более просторная, под вывеской с изображением цветка лилии.

Название старинной улицы Мариво происходило от слова *marivas*, «небольшое болото», по причине заболоченности территории близ реки Сены, где в начале Средних веков приступили к городской застройке. Современная улица Николя Фламеля, застро-

енная зданиями в банальном стиле Второй империи, в основном проходит там же, где пролегла старинная улица Мариво; свое название она получила во времена барона Османа по причине того, что там располагался ныне не существующий дом знаменитого алхимика.

Все началось с неожиданного вторжения чуда в насыщенную делами, но прозаическую жизнь парижского буржуа.

Однажды ночью Фламель был неожиданно разбужен — был ли то сон? А может, видение? — появлением в сиянии лучей ангела, державшего книгу. Сверхъестественное существо возвестило: «Фламель, взгляни на эту книгу, ты в ней ничего не поймешь — ни ты, ни кто-либо другой, но однажды ты увидишь в ней то, чего никто не смог там увидеть».

Фламель протянул руки, чтобы схватить книгу, но она исчезла вместе с ангелом, и лишь золотой поток простирался вслед за ними. Николя тут же проснулся, охваченный сильным возбуждением. Однако, словно бы в продолжение чудесного видения, спустя некоторое время Фламель нашел у одного книготорговца — о чудо! — привидевшуюся ему необыкновенную книгу.

Это чудесное обретение *«Книги Авраама Еврея»* вовлекло Николя Фламеля в грандиозную авантюру поисков на пути Великого Делания, однако логично было бы предположить, что он, как и множество его современников, уже давно был зачарован этой наукой. Обратимся еще раз к его собственному свидетельству:

«Тот, кто продал мне эту книгу, и сам не знал истинной ее цены, точно так же, как и я, когда покупал ее... Она попала ко мне в руки всего за два флорина, эта позолоченная старинная и очень большая книга. Она была *изготовлена не из пергамента или бумаги*, как прочие книги, а, как мне показалось, из тонкой коры дерева. Ее обложка была из мягкой кожи с *выгравированными* на ней странными письменами и

рисунками. Что до меня, то я думаю, что это был или греческий алфавит, или же буквы такого же древнего языка... На первой странице большими золотыми буквами было выведено: “АВРААМ ЕВРЕЙ, КНЯЗЬ, СВЯЩЕННИК-ЛЕВИТ, АСТРОЛОГ И ФИЛОСОФ, ОБРАЩАЕТ СВОЕ ПРИВЕТСТВИЕ К НАРОДУ ИУДЕЙСКОМУ, РАССЕЯННОМУ ГНЕВОМ БОЖЬИМ ПО ВСЕЙ ГАЛЛИИ”».

Был ли этот Авраам Еврей реальной личностью или же под этим псевдонимом скрывался вымышленный персонаж? В данном случае вполне могла идти речь о французской версии текста испанского каббалиста, родившегося в Толедо, Авраама бен Эзры (1089—1167), которого христианские авторы знали под латинизированным именем *Avenare*, *Avenarius* или *Abraham Judaeus* (Авраам Еврей).

Однако христианские авторы знали его главным образом как математика и астролога, не ведая о его занятиях каббалой и алхимией. Этот Авраам Еврей был известен не в одной только Испании (большая часть которой в то время еще находилась под властью ислама): он совершал далекие путешествия, которые приводили его в Италию, Лангедок, Париж и даже Лондон²⁰. Весьма вероятно, что таинственная книга являлась творением некоего парижского еврея, незадолго до того вынужденного отправиться в изгнание вместе со своими собратьями по вере. Фламель в связи с обнаружением книги отметил: «Она могла быть изъята у какого-нибудь несчастного еврея или же найдена в месте его прежнего проживания...»

Во времена Фламеля, увы, уже осталась далеко в прошлом терпимость, с которой относились к евреям в христианских странах в начальный период Средних веков. Неоднократно издававшимися королевскими эдиктами, в частности, Людовика Святого и Филиппа Красивого, все евреи, которые отказывались обратиться в христианство, подлежали изгнанию за пределы Французского королевства.

«Книга Авраама Еврея» включала в себя, помимо текста (в котором французское письмо перемежалось буквами, по поводу коих Фламель заметил: «Мне не удалось разобрать их», и вполне возможно, что это были буквы еврейского алфавита), представлявшего собой, вероятно, французскую версию еврейского оригинала, ряд символических изображений. Но дадим опять слово самому Фламелью:

«Эта книга содержала три раздела по семь листов. На каждом седьмом листе не было текста... На первом из этих семи листов можно было видеть жезл, вокруг которого обвились две змеи [иначе говоря, был изображен кадуцей, хорошо известный врачебный символ]. На другом из них изображен распятый на кресте змей. На третьем же из семи листов были пустынные пейзажи, где среди песков виднелись прекрасные источники, из которых вылезали и расползались во все стороны змеи... На третьей и последующих страницах... автор открывает секрет трансмутации металлов. Тут же были нарисованы сосуды [реторты и тигли, используемые для осуществления операций, ведущих к успеху Великого минерального Делания], указано, чередование каких цветов можно наблюдать, а также прочие подробности, однако не упоминался первый агент. Автор изобразил его с большим искусством на всей поверхности четвертого и пятого листов. И хотя этот рисунок был отчетлив и понятен, тем не менее никто не смог бы разгадать его значение, не зная в совершенстве традиции... На четвертой странице среди прочего был изображен молодой человек с крылышками на пятках, державший в руке жезл с обвивающими его двумя змеями, коим он касался своего шлема [можно было узнать Меркурия со своим кадуцеем]...

Напротив него был нарисован летящий на распростертых крыльях мощный старик с песочными часами на голове и косой в руках, как у смерти. [Это — Сатурн, бог времени]...

На другой странице четвертого листа был нарисован прекрасный цветок, который рос на вершине высокой горы, сгибаемый жестокими порывами север-

ного ветра. У цветка были голубой стебель, белые и красные бутоны и сверкающие, как чистое золото, листья. Вокруг него располагались драконы и грифоны, приходящие с севера...

На пятом листе был нарисован распутившийся розовый куст, растущий посреди прекрасного сада под защитой дуплистого дуба [символа алхимической печи]. Из-под его корней брал начало прозрачный источник, впадавший вдалеке в пропасть... На обороте пятого листа был изображен царь, вооруженный большим кинжалом и приказывающий своим солдатам убивать множество младенцев [евангельский эпизод «избиения младенцев»]... кровь которых другие солдаты собирали в большой сосуд, в котором намеревались искупаться Солнце и Луна»²¹.

Фламель, не раздумывая, тут же рассказал Пернелле о своем чудесном открытии, и его спутница жизни тоже загорелась надеждой преуспеть в осуществлении Великого Делания.

В надежде найти ключ к разгадке таинственного произведения Николя Фламель показывал с точностью воспроизведенные рисунки из него многим своим знакомым, которые, как было ему известно, интересовались герметическими изысканиями (например, лицензиату медицины мэтру Ансельму). Но все напрасно: на протяжении двадцати одного года Николя Фламель безрезультатно проделывал всякого рода алхимические опыты. «Поскольку, — говорит он, — в ходе моих работ мне никогда не удавалось заметить знаки, которые, согласно книге, должны появляться спустя определенное время, я начинал свои опыты снова и снова. Наконец... я дал обет Богу и святому Иакову Галисийскому и решил обратиться за разъяснениями к раввину какой-нибудь испанской синагоги».

Речь при этом шла и о традиционном акте благочестия — о паломничестве к могиле святого апостола Иакова в Сантьяго-де-Компостела на крайнем северо-западе Испании; апостол Иаков являлся, как

известно, святым покровителем христианских алхимиков*

Итак, в 1378 году, оставив дом на попечение госпожи Пернеллы и ее верной служанки, Николя Фламель отправился паломником в дальний путь в Сантьяго-де-Компостела, пройдя пешком по дорогам, которые были отнюдь не безопасны для путешественников. Наш алхимик благополучно прибыл в Сантьяго, однако не встретил там человека, на помощь которого рассчитывал. Желанная встреча состоялась, когда он уже отправился в обратный путь: по воле Провидения (ибо подобного рода события никогда не бывают случайными) он повстречался на захудалом постоялом дворе города Леона со старым евреем, обратившимся в христианство и занимавшимся врачебной практикой, мэтром Каншем, или Санчесом. Тот согласился сопровождать Николя Фламеля в Париж. Однако мэтру Санчесу не суждено было добраться до цели: в Орлеане он скончался на руках у парижского алхимика. Но дело было уже сделано: у Николя Фламеля на обратном пути домой было достаточно времени, чтобы узнать у него все секреты, имеющие решающее значение для успеха трансмутации металлов.

Возвратившись в Париж, Николя Фламель сумел при помощи своей верной Пернеллы успешно реализовать намерение, которое лелеял на протяжении столь долгого времени. Но вот его собственное свидетельство, вернее говоря, даже два свидетельства. Сначала он прошел предварительный этап, осуществив трансмутацию в серебро (Малое Делание):

«В первый раз, произведя трансмутацию, я применил порошок проекции ко ртути, превратив примерно полфунта этого металла в чистое серебро, гораздо более высокого качества, нежели то, что добывают в рудниках ... Это произошло в понедельник 17 января 1382 года около полудня в присутствии одной лишь Пернеллы».

* Путешествие имело своей целью повстречать посвященного в тайны каббалы, который мог бы растолковать тайный смысл рисунков Авраама Еврея, равно как и прочитат текст на еврейском языке. (*Прим. пер.*)

Вскоре Фламель приступил к осуществлению, в свою очередь, и Великого Делания — трансмутации в золото. Вот что он рассказывает об этом:

«...Неукоснительно следуя написанному в книге (имеется в виду *“Книга Авраама Еврея”*), я осуществил Великое Делание с красным камнем, превратив в золото такое же количество ртути. Также в присутствии Пернеллы, в нашем доме, 25 апреля того же года, около пяти часов вечера, я получил почти равное количество золота, со всей очевидностью более высокого качества, нежели обычное золото, то есть более мягкое и ковкое... Я был более чем удовлетворен своим первым успехом, но помимо того я еще испытал и огромное удовольствие, наблюдая за тем, как в герметических сосудах свершается изумительная работа природы...»

Парижане были немало заинтригованы, видя, как прежний писарь (который, конечно, преуспевал в ремесле, но этого ни в коей мере не могло быть достаточно, чтобы так разбогатеть) начал расходовать весьма значительные, даже огромные суммы, и притом всегда без выгоды для себя, но исключительно в альтруистических целях. В 1407 году по его заказу был построен дом, в который он, однако, не переселился, но устроил в нем приют для бедных странников, временно пребывавших в столице королевства. Впрочем, высказывалось предположение, что этими бедными странниками в первую очередь были *делатели*, останавливавшиеся в Париже алхимики, относившиеся к категории *бедных земледельцев*²².

На фасаде нынешней «Таверны Николя Фламеля» до сих пор можно, хотя и с трудом, прочесть надпись на старофранцузском языке, выбитую в камне еще в то время, когда знаменитый адепт уступил свой второй дом для приема в нем «земледельцев» без средств. Надпись гласит:

«МЫ, БЕДНЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ, МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ, ОБИТАЯ ПОД СЕНЬЮ СЕГО ДОМА, ПОСТРОЕННОГО В ГОД ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА ТЫ-

СЯЧА ЧЕТЫРЕСТА СЕДЬМОЙ, ИМЕЕМ ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЖЕДНЕВНО ЧИТАТЬ ОДНУ МОЛИТВУ “ОТЧЕ НАШ” И ОДНУ “AVE MARIA”, ПРОСЯ БОГА, ЧТОБЫ ОН ПО МИЛОСТИ СВОЕЙ ПРОСТИЛ БЕДНЫХ УСОПШИХ ГРЕШНИКОВ. АМИНЬ»²³.

Тогда как облик прочих средневековых адептов нам известен лишь по портретам, относящимся к более позднему времени и, вероятнее всего, недостоверным, мы имеем подлинные изображения Фламель. Однако не на знаменитом портрете, с которого на нас смотрит старый, бородатый и морщинистый человек в большой шляпе (он относится к XVII веку), а на трех гравюрах, на которых воспроизведены ныне утраченные памятники: аркада кладбища Невинных, малый портал церкви Сен-Жак-ла-Бушри и статуя, стоявшая в церкви Сен-Женевьев-дез-Ардан. Они представляют нам Николя Фламеля коленопреклоненным, безбородым человеком средних лет, облаченным на первый взгляд в церковное одеяние, в действительности же — в одежду паломника в Сантьяго-де-Компостела.

Николя Фламель и его супруга представлены молящимися у ног Девы Марии на тимпане портала церкви Сен-Жак-ла-Бушри. Сама оригинальная вещь, как уже сказано, утрачена, но сохранился сделанный с нее рисунок.

Что касается церковных сооружений столицы Франции, то Николя Фламель не ограничился восстановлением церкви Сен-Жак-ла-Бушри: его заслугой является также реконструкция старинной капеллы (ныне не существующей) госпиталя Сен-Жерве, располагавшегося на улице Тиксерандри. И там, среди прочих персонажей, высеченных на портале, алхимик велел изобразить себя молящимся.

И в Средние века строительство зданий, в том числе церквей и часовен, стоило очень дорого. Вопреки расхожей благочестивой легенде, строители церковных сооружений отнюдь не отличались бескорыстием.

Таким образом, Николя Фламель умножил число собственных изображений (и в большинстве случаев на пару со своей супругой госпожой Пернеллой), помещенных на различных парижских зданиях, построенных или перестроенных на его деньги. Адепт любил, чтобы его изображали молящимся, но иногда он представлен также и держащим гербовый щит, на котором письмо (символ его профессии) соседствует с оружием.

Выше мы уже упомянули скульптурное изображение Николя Фламеля на тимпане портала (а точнее говоря, на малом портале) церкви Сен-Жак-ла-Бушри, но и еще одна его скульптура нашла свое место на опоре церкви (причем еще до ее реконструкции), ставшей одной из стен его мастерской *писаря*.

Скульптурное изображение алхимика было представлено также и в церкви Сент-Женевьев-дез-Ардан, однако одно из наиболее знаменитых изображений Николя Фламеля и его супруги госпожи Пернеллы находилось на одной из аркад оссуария кладбища Невинных, а точнее говоря, на той, что выходит на улицу Лэнжри.

И по сей день еще второй дом знаменитого парижского алхимика-адепта (тот, который он пожертвовал для создания в нем богоугодного заведения) хранит на своей стене надпись и изображения, высеченные в камне в соответствии с его личными распоряжениями.

Он был тем, кто вложил большие средства в парижские церкви, больницы и прочие богоугодные заведения. Из собственных средств он создал фонд, предназначенный для полной реконструкции церкви Сен-Жак-ла-Бушри. Впрочем, эта большая работа была начата и завершена лишь после его смерти, причем знаменитая башня Сен-Жак, служившая колокольной, — единственное, что осталось от этой церкви, разрушенной в конце XVIII века. Башня была возведена в годы правления Франциска I, но строго в соответствии с планами, разработанными Фламельем.

Напрашивается вопрос: случайно ли в распоряжении, составленном в конце XVIII века, о сносе церкви Сен-Жак-ла-Бушри предусматривалось сохранение ее колокольни? Ведь по народному преданию именно под ней находился тайник с баснословным сокровищем самого Николя Фламеля.

Церковь Сен-Жак-ла-Бушри после реконструкции включала в себя целый ряд алхимических скульптур и витражей, изготовленных по чертежам Фламеля. Адепт также нарисовал для четвертой арки оссуария кладбища Невинных символические фигуры, которые должны были представлять *подлинные и основные знаки искусства* (алхимии).

Задним числом предпринимались попытки объяснить причину внезапного появления у Николя Фламеля большого богатства иначе, нежели как следствие обретения им порошка проекции. Так, именно с этой целью в Париже, спустя века после смерти алхимика (книга датируется 1761 годом), было опубликовано сочинение *«Критическая история Николя Фламеля и его жены Пернеллы, написанная на основании древних актов, доказывающих, что их богатство было гораздо меньше того, что утверждают алхимики. Прилагаются завещание Пернеллы и много других интересных документов»*, в котором аббат Этьен-Франсуа Виллэн пытался опровергнуть народную веру в «герметические» источники, за счет которых Фламель покрывал свои расходы.

Но если богатство Фламеля в конечном счете оказалось значительно более скромным, то как же он мог (именно это возражение здравого смысла тут же приходит на ум) позволить себе совершать столь щедрые дарения? Для объяснения этого явного несоответствия делается злонамеренное и заведомо ложное утверждение, что Фламель быстро разбогател в результате крупномасштабного мошенничества: будто бы парижские евреи, обреченные королевским указом на изгнание, поручили ему как *писарю* собирать деньги, данные ими в долг другим, и он буд-

то бы присвоил большую часть суммы, полученной с должников. Однако все, что известно нам о Николя Фламе, рекомендует его как человека правдивого, честного, совершенно не способного на подобного рода лихоимство.

В 1418 году состоялись похороны мэтра Николя Фламе, супруга которого сошла в могилу несколькими годами раньше него. Надгробный камень алхимика, нашедшего упокоение на кладбище церкви Сен-Жак-ла-Бушри, в конце концов, претерпев всякого рода превратности судьбы, последовавшие после разрушения церкви, оказался в парижском музее Клюни.

Однако народная молва (в полном соответствии с герметическими легендами о телесном бессмертии адептов) не замедлила опровергнуть факт кончины как самого Николя Фламе, так и его супруги госпожи Пернеллы: в обоих случаях будто бы состоялась лишь инсценировка похорон (деревянные куклы заняли место как в одной, так и в другой могиле), позволившая омоложившейся супружеской паре бежать на Восток под вымышленными именами. Не раз проходил будто бы достоверный слух о том, что видели Николя Фламе, прибывшего с кратким визитом в столь любимый им Париж. В мае 1818 года видели даже некоего человека, снимавшего квартиру в доме 22 по улице Клер, который предлагал богатым любителям, готовым заранее выложить кругленькую сумму в 300 тысяч *золотых* франков, курс герметической науки, овладев которой, ученики также обрели бы способность производить драгоценный металл и открыли бы для себя секрет вечной молодости. Этот человек исчез прежде, чем полиция успела провести надлежащее следствие по его делу!

Не переводятся подобного рода легенды о бессмертии, ибо чудеса завораживают!

Четвертая крупная фигура среди адептов, Василий Валентин, представляет собой настолько таинственный персонаж, что порой даже отрицают факт его исторического бытия.

Предание гласит, что манускрипты монаха-алхимика (он был из числа братии бенедиктинского монастыря Святого Петра в Эрфурте), о котором не известно ничего, кроме его герметического псевдонима Василий Валентин и который жил в XV веке (дата его рождения — 1390 год — весьма сомнительна), спустя много лет после исчезновения алхимика были обнаружены в церкви города Эрфурта при удивительных обстоятельствах: молния ударила в пустотелую колонну, и из нее вывалилось несколько рукописных книг, снабженных особым предуведомлением: *«Последняя воля и завещание Василия Валентина, монаха ордена Святого Бенедикта. Свой труд он спрятал под мраморной плитой за главным алтарем кафедрального собора вольного имперского города Эрфурта. Он оставил его там, дабы его нашел тот, кого Божественное провидение сочтет достойным того»*.

Считается, что Василий Валентин в своем трактате *«Азот»* первым употребил герметическую формулу: *«Visita Interiora Terrae Rectificandoque Invenies Occultum Lapidem»* (*«Проникай в глубины земные и, очищая, обретишь скрытый камень»*).

Действительно, имя Василия Валентина не встречается в списках (а они были обнаружены) бенедиктинского монастыря Святого Петра в Эрфурте. Кроме того, было установлено, что гравюры, иллюстрирующие *«Двенадцать ключей философии»*, трактата, авторство которого приписывается Василию Валентину, были выполнены лишь в 1599 году, значительно позже предполагаемого времени жизни этого монаха-алхимика.

Только начиная с 1602 года был опубликован ряд приписываемых Василию Валентину сочинений с той целью, чтобы «открыть врата, ведущие к святейшему и древнейшему камню наших предков и тайному из тайных источнику молодости...».

Вместе с тем вполне можно допустить, что алхимик, автор этих знаменитых трактатов, и действи-

тельно был немцем, бенедиктинским монахом, жившим в середине XV века и занимавшимся «деланием» в своей келье, превращенной в лабораторию. Однако до сих пор ни один историк не сумел установить, кто же на самом деле скрывался под этим двойным именем, греческим псевдонимом, который можно перевести как «могущественный царь» или «доблестный царь». И по сей день это остается одной из величайших загадок в истории средневековой алхимии.

А теперь перейдем к рассмотрению еще одного важного аспекта нашего исторического исследования — к взаимоотношениям различных алхимиков с правителями и прочими сильными мира сего в эпоху Средних веков.

У СИЛЬНЫХ МИРА СЕГО

Счастье и несчастье алхимиков

Подобно тому как в наши дни люди искусства и науки мечтают встретить по воле Провидения мецената, который бы освободил их от чрезвычайно тягостной (и даже устрашающей) заботы о поисках средств к существованию, многие средневековые алхимики питали надежду быть представленными некой важной особе (правителю или иному знатному господину), которая бы, взяв их на службу к себе, дала им возможность впредь спокойно заниматься *деланием*, не отвлекаясь на поиски средств к существованию. Если многие важные особы имели при себе собственных штатных астрологов, то некоторые из них брали под свое особое покровительство также и алхимиков.

Однако среди алхимиков претендентов на столь привилегированное положение было очень много, а вожаемые вакансии открывались очень редко! Неудивительно, что алхимики, предлагая сильным мира сего собственные услуги, чаще всего оставались при своих интересах. В связи с этим уместно вспомнить одну забавную историю, приключившуюся, правда, в несколько более поздние времена. Итальянский поэт и алхимик Иоанн-Аврелий Аугурелл (в иной транскрипции Джованни-Аурелио Аугурелло), желая обрести весьма выгодное благорасполо-

жение и поддержку со стороны римского понтифика, посвятил свою поэму «Хризопея» («Искусство делать золото») папе Льву X. Тот отблагодарил его подарком... в виде большой пустой мошны, ибо, как заметил папа, у человека, способного по собственному усмотрению делать золото, не может быть иной заботы, кроме как найти достаточно вместительный кошель, чтобы уложить в него все полученное в изобилии золото!

Однако отношения с сильными мира сего, даже если и были достаточно выгодными, не всегда оказывались безоблачными. Горе тем алхимикам, которые оказывались неспособными произвести обещанный порошок проекции или же пытались осуществить трансмутацию металла при помощи искусного обмана! Тогда они рисковали оказаться в бессрочном заточении — и это еще в лучшем случае, как было с алхимиком Жаном Барийоном, приговоренным 3 августа 1380 года к пожизненному заключению. Чаще же всего несчастному алхимику грозила бесславная смерть через повешение (на позолоченной, в знак осмеяния, виселице) или другим, еще более страшным способом. Так, весьма печальная участь постигла, например, алхимика Людвига Нейса родом из Силезии. При дворе ландграфа Марбургского он применил *философскую краску*, с помощью которой превратил в чистое золото в шестнадцать раз большее, чем ее собственный вес, количество ртути. Однако, к несчастью для алхимика, Иоганн Дарнберг, присутствовавший при этом весьма могущественный министр ландграфа, потребовал от него раскрыть свой секрет. Нейс, отказавшись выполнить это требование, был брошен в темницу, где этот несчастный и оставался (поскольку впоследствии он не сумел или не захотел воспроизвести алхимическое превращение металла) без еды и питья до тех пор, пока смерть не избавила его от страданий.

История Средних веков изобиловала примерами (ибо тогда не было точных методов определения, появившихся значительно позднее) более или менее успешной демонстрации лжеалхимиками их опытов

с превращением простых металлов в благородные. В 1404 году король Англии Генрих IV издал указ, в котором грозил смертной казнью всем ложным адептам, прибегавшим к обману в своих попытках осуществить трансмутацию металлов: «Никто не смеет отныне под страхом подвергнуться наказанию, кое предусмотрено для изменников, превращать простые металлы в золото и серебро, прибегая, дабы преуспеть в этом начинании, к мошенничеству».

А вот еще один весьма показательный пример: в 1418 году Совет Венецианской республики обнародовал эдикт, грозивший не менее суровыми карами *делателям золота*.

Зато адепты, коим удавалось заручиться покровительством какой-либо важной особы, могли оказаться в исключительно завидном положении. Так, во Франции XV века среди высоких покровителей алхимии были сам король Карл V и его брат герцог Беррийский.

В 1468 году король Англии Генрих VI пожаловал алхимику Ричарду Картеру составленный по всей форме патент, предоставлявший ему полное право на оборудование алхимической лаборатории в замке Вусток. Тот же самый король предоставил группе «герметиков» в 1476 году сроком на четыре года привилегию на *занятие натурфилософией* (что в действительности означало *алхимией*) и *трансмутацией ртути в золото*.

Не подлежит сомнению, что на протяжении Средних веков многие правители мечтали чудесным образом наполнить сундуки государственной казны монетами, отчеканенными из «философского» металла, что было бы для них весьма желательным подспорьем. Они считали вполне возможным (убеждение, широко распространенное в средневековой Европе) наладить рентабельное производство искусственных драгоценных металлов, которые можно было бы использовать для чеканки большого количества золотых и серебряных монет. Весьма показат-

тельно, что в XV—XVI веках суды в Германии разбирали множество дел, связанных с использованием алхимического золота для чеканки монет и отливки слитков. Они без колебаний выносили оправдательный приговор, если использование пробного камня не обнаруживало различия между металлом нормального происхождения и металлом, который называли «герметическим»¹.

Однако еще раньше произошла удивительная история (хотя достоверность ее и подвергается сомнению) со знаменитыми монетами — так называемыми *ноблями* — отчеканенными из алхимического золота на монетном дворе английского короля Эдуарда III, причем использовалась технология, открытая адептом Раймондом Луллием.

Среди правителей, оказывавших покровительство занятиям алхимией, нельзя не упомянуть и императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена. Одним из приближенных его пышного двора в Палермо на Сицилии (это была его любимая резиденция) являлся алхимик и маг Михаил Скотт (он умер в 1236 году), шотландец по происхождению, чем и объясняется его прозвище. После длительного пребывания в мусульманской Испании (имеются сведения о его жизни в 1217 году в Толедо) он много лет (1220—1227) находился в ближайшем окружении папы римского. Затем, приехав на Сицилию, поступил на службу к императору Фридриху II. Михаил Скотт особое внимание уделял проблеме психического подчинения людей. В своем трактате *«Физиономия»* он писал: «Подлинная власть заключается в умении навязать свою волю другим. Только так и можно властвовать над людьми».

Когда правители сами принимались за дело

Не довольствуясь оказанием покровительства алхимикам, некоторые средневековые правители, недолго думая, самолично пускались в алхимическую

авантюру. Примером этого может служить король Кастилии Альфонс X, прозванный Мудрым (умер в 1284 году), автор трактата *«Ключ к мудрости»*, пользовавшегося лестной репутацией.

Король Франции Карл VI до того увлекся алхимией, что велел устроить великолепно оборудованную лабораторию, занимавшую целый этаж главной башни Венсеннского замка. Он оставил после себя трактат, рукопись которого дошла до наших дней: *«Королевское творение Карла VI, короля Франции»*.

В начале XV века в Германии была даже императрица, по имени Барбара, вторая супруга императора Сигизмунда, которая, по свидетельству Иоанна из Лааца, чешского алхимика, увлеклась изготовлением «алхимических» монет, на поверку оказывавшихся просто фальшивыми. Алхимик добавляет: «Императрица была довольно оборотистой дамой, умела выражаться премного разумно и утонченно... Так она сумела обмануть многих торговцев»².

Финансисты-алхимики

В XV веке в Западной Европе уже появились люди, которых с полным правом можно отнести к той социальной категории, которую мы называем финансовой олигархией. Прежде всего мы уже встречаем банкиров — как известных по имени, так и анонимных (в этой связи мы не можем не упомянуть о банковских операциях, которыми занимался в масштабах всего Средиземноморья орден тамплиеров, в судебном порядке упраздненный по приказу Филиппа Красивого). Однако по-настоящему крупные финансисты современного типа появились лишь в XV веке, в конце средневековой эпохи, когда обнаружили многие предвестники (как в экономическом, так и прежде всего в социальном плане) Ренессанса. Некоторые из этих финансистов, выходцы не из дворянства, а из буржуазии, известны также и как убежденные алхимики. Многие из этих людей оставили после себя обширные и роскошные особняки, великолепные образцы того, что современный алхимик,

скрывшийся под псевдонимом Фульканелли, назвал «философскими обителями»: отделка этих домов, обнаруживающая свою связь с герметизмом, не оставляет ни малейшего сомнения относительно увлечения их строителей. Мы еще вернемся к этим «философским обителям», когда речь пойдет о взаимосвязи средневекового искусства и алхимии.

Жак Кёр в свое время занимал то место в обществе, которое сейчас отводится воротилам финансового мира. Он сумел практически полностью монополизировать товарообмен (поставка оружия в обмен на пряности) между Францией и мусульманскими странами. Целый флот под его флагом бороздил воды Средиземного моря. Он владел серебряными рудниками в Пампайи (в современном департаменте Рона). В разных концах королевства ему принадлежали выплавка металла и мануфактуры. Его банк, становившийся все более значительным и влиятельным, давал деньги в долг наиболее могущественным особам, включая и самого короля.

В 1453 году, когда строительство роскошного дворца Жака Кёра (начато в 1442 году) уже подходило к концу, раздался гром среди ясного неба: король неожиданно отказал ему в своем доверии и отдал его под суд. Официально объявленные причины ареста (главная из которых — обвинение в крупномасштабном расхищении государственной казны), видимо, лишь вуалируют темные политические интриги, которые плелись против Жака Кёра его врагами. Он отправился в изгнание в Рим и был радушно принят папой Николаем V, личным другом которого он являлся. Преемник римского понтифика, папа Каликст III, также оказывал ему свое полное доверие, послав его в апреле 1456 года в Эгейское море на помощь грекам в борьбе против турок. Едва прибыв на остров Хиос, он заболел и умер; его похоронили там же, на хорах церкви Кордельеров. Однако, как и в случаях с другими знаменитыми представителями средневековой алхимии, народное предание отрицает его смерть, приписывая ему телесное бессмертие.

Впрочем, мы не должны столь легко и быстро поверить в то, что упомянутые финансисты обязаны своим огромным — и более или менее давно приобретенным³ — богатством непременно обладанию *философским камнем*! Скорее можно сказать, что их торговой и финансовой деятельности вполне было достаточно для того, чтобы нашло объяснение возникновение их богатства, тем более что они уже были очень богаты к началу алхимических занятий. Впрочем, одного этого простого факта существования очень богатых людей, интересующихся алхимией и даже одержимых ею, было бы достаточно для того, чтобы мы освободились от расхожего представления об алхимии, которое всегда ассоциируется с лихорадочными поисками способа быстрого обогащения (что справедливо лишь в отношении вульгарных *делателей золота*). Хорошо известно, что Жак Кёр был обязан своим благосостоянием (которое делало его самым богатым человеком королевства) тому, что он сумел монополизировать необычайно выгодную торговлю между Францией и прочими странами Средиземноморья. Точно так же весьма прозаическими финансовыми причинами объясняется богатство банкирского дома Лальманов, как и министра Людовика XI, Жана Бурре, который построил в Анжу великолепный замок Плесси-Бурре, о чем еще пойдет у нас речь.

Правда лишь то, что все эти выдающиеся финансисты (Жак Кёр, семейство Лальманов и Жан Бурре) были людьми, страстно увлеченными алхимическими изысканиями.

А теперь мы подошли к необходимости выяснения очень важного вопроса: какова была в Средние века подлинная природа взаимоотношений между христианскими алхимиками и католической церковью?

ПЕРЕД ЛИЦОМ ЦЕРКВИ

Легенды и реальность

Романтическое представление о католической церкви делает из нее — и это зловещее видение с готовностью укрепляется, поддерживается и развивается в массовом сознании — учреждение, беспощадно преследовавшее алхимиков и всех тех, кто имел несчастье в ту мрачную средневековую эпоху зарекомендовать себя смелым новатором.

В действительности же если труды историков и подводят к мысли о том, что Средние века не знали нашего современного идеала свободы совести и что в определенные периоды этой эпохи встречались проявления крайней нетерпимости, то и наш век все же не может, увы, похвастаться лестным для себя сравнением с теми временами. Не будем настаивать на таком сравнении!

Давно уже было замечено, что в Средние века имело место сосуществование (которое может показаться странным) страшных проявлений догматической нетерпимости с такой свободой выражения мысли, как письменной, так и устной, которая может показаться маловероятной. Однако стоит лишь обратиться к хорошему учебнику по истории средневековой философии¹, как станут очевидными многообразие и даже большая смелость мнений, которые свободно

выражали и отстаивали ученые-схоласты. И это происходило в университетах, отличавшихся строгой организацией и жестким контролем.

Но как же обстояло дело со средневековыми алхимиками? Мы не знаем ни одной церковной или папской анафемы, ни одного распоряжения, касающегося специально их; более того, эти «сыны Гермеса» были весьма многочисленны среди как духовенства, жившего и действовавшего в миру, так и монашества.

Попытки изготовления искусственного золота не представляли собой чего-то недозволенного даже для теологов, ибо сам святой Фома Аквинский придерживался мнения, что следует считать приемлемым золото, искусственно полученное алхимиками².

Что же касается стремления открыть, ставя в лаборатории опыты, таинственные законы, управляющие всеми явлениями материального мира и жизни, то это считалось вполне допустимым для теолога. Святой Фома Аквинский, ученик святого Альберта Великого и сам алхимик, пришел в своей *«Сумме теологии»* к заключению: «Тела нижнего мира управляются Богом посредством небесных тел».

В Средние века никогда не было кафедр, специально посвященных алхимии, — она всегда оставалась деятельностью, отесненной на периферию официального научного знания. Вместе с тем можно было видеть, как в XIII веке студенты и профессора знаменитой медицинской академии в Монпелье совершенно открыто обменивались мнениями и результатами изысканий в области алхимии, которым они предавались помимо своих официальных занятий.

Вопреки расхожему мнению, также порожденному романтическим взглядом, средневековый алхимик отнюдь не являлся — за исключением совершенно особых случаев колдовства — безрассудно и злобно бунтующим против церкви, или воинствующим вольнодумцем. Напротив, это был благочести-

вый, глубоко верующий человек, усердно предававшийся молитвам и духовным упражнениям. Адептами проводилась аналогия между страстями Христовыми и этапами Великого Делания, последовательными трансформациями *философского камня*, которая стала, например, темой латинской поэмы «*Margarita preciosa*» («*Драгоценный перл*») монаха Петра Бона из Феррары (XIV век) и которая для алхимиков-адептов отнюдь не была пустым словом.

Отметим также, что и арабские алхимики вовсе не являлись колдунами: они действовали как убежденные и вполне благочестивые мусульмане.

Булла папы Иоанна XXII

Иногда ученые ссылаются на буллу «*Spondent pariter*»*, опубликованную в 1317 году в Авиньоне папой римским Иоанном XXII. Вот перевод ее первой фразы:

«Злосчастные алхимики обещают то, чего сами не имеют! Дерзость завела их слишком далеко, ибо они посредством алхимии чеканят фальшивую монету, обманывая тем самым народы».

Затем следует категоричное, безапелляционное осуждение. Булла папы Иоанна XXII мечет громы и молнии:

«Их бесстыдство заходит столь далеко, что они [алхимики] чеканят фальшивую монету. Папа полагает, что все, кто пытался изготавливать алхимическое золото, должны быть изобличены как бесчестные люди. Они подавали нищим как настоящее золото то, что фабриковали сами. Те, кто чеканил подобного рода монету, подлежат конфискации их имущества и вечному наказанию лишением свободы. Что же до лиц духовного звания, то они, ежели окажутся замешанными в столь дурное дело, лишатся своих бенефиций...»

* «Обещают равным образом» (лат.).

Однако достаточно лишь внимательно прочесть текст этой буллы, чтобы заметить, что здесь вовсе не идет речь об осуждении по религиозным или вероучительным соображениям. Папа, который являлся — не будем забывать этого — не только главой церкви, но и светским государем, всего лишь ополчился против ложных алхимиков, проявивших себя в качестве фальшивомонетчиков. Он считал своим долгом избавить мир от бесстыдных шарлатанов.

В этой связи нелишне будет напомнить, что папа Иоанн XXII, весьма далекий от мысли предать анафеме традиционную алхимию, и сам сочинил трактат под заглавием *«Ars transmutatoria»* (*«Искусство трансмутации»*) (опубликован в 1557 году). Людская молва утверждала, что после смерти понтифика в подвалах папского дворца в Авиньоне было обнаружено большое количество слитков «алхимического золота». Однако в данном случае речь идет лишь об одной из многочисленных легенд, зародившихся в народе и не имеющих подтверждения, для возникновения которых алхимия дает столь много поводов.

Сообщалось, что папа Иоанн XXII оставил после себя казну, насчитывавшую двадцать пять миллионов флоринов. Откуда могла взяться эта сумма, если у Иоанна XXII не было собственного состояния и он никогда не занимался коммерческой деятельностью? Скептики могли бы возразить, что первые папы, обосновавшиеся в Авиньоне, практически находились на положении вассалов французского короля (несмотря на официально признанную экстерриториальность их владений), и вероятно, они были вынуждены создавать значительные секретные финансовые резервы — правда, нет убедительных доказательств, способных подтвердить это предположение.

Преследуемые алхимики: Арнольд из Виллановы и Роджер Бэкон

И все-таки можно было бы резонно возразить нам, что два великих средневековых алхимика были осуждены по приговору, вынесенному церковным судом, и как раз по вероучительному мотиву.

Первый из этих осужденных адептов, врач Арнольд из Виллановы, умерший в 1313 году, благодаря высокой протекции со стороны авиньонского папы Климента V при жизни понтифика не подвергался серьезным преследованиям. Однако, как только умер его покровитель (в начале 1314 года), инквизиционный трибунал, собравшийся в Тарасконе под председательством монаха-иаковита Лонжера, подтвердил задним числом неприятие пятнадцати предложений Арнольда, которые были осуждены в 1309 году в Париже теологическим факультетом (Сорбонной).

Несчастному же Роджеру Бэкону (1214—1294), заслужившему почетное прозвание *doctor mirabilis* («дивный ученый»), довелось испытать гораздо более злую участь: он провел четырнадцать лет в монастырской тюрьме.

Ни Арнольд из Виллановы, ни францисканский монах Роджер Бэкон никогда не выступали против церкви и не давали повода заподозрить себя в неверии — как раз наоборот. За что же тогда их преследовали? Инквизиционные трибуналы опасались (это стало для них своего рода наваждением) применения средств, соприкасавшихся с черной магией (обвинение требовало самого сурового наказания, если подсудимый «сознательно стремился к достижению чего-либо, применяя *дьявольские средства*»). Именно это, очевидно, и послужило основанием для обвинения двух упомянутых нами алхимиков. Более того, любая смелая мысль могла вызвать негодование церковных властей: например, глава францисканского ордена обвинял Роджера Бэкона в том, что он учил «подозрительным новшествам». А это действительно был исключительно пророческий ум: задолго до Леонардо да Винчи он писал о возможности создания летающих машин, самодвижущихся повозок и подводных лодок³.

Было бы произволом отрицать такие факты. Вместе с тем необходимо учитывать политический фон, на котором разворачивались подобного рода процессы, а также то, что они оставались единичными

случаями в сравнении со значительно большим количеством алхимиков, которых в Средние века не тревожили церковные власти по какому бы то ни было поводу.

Что же касается замечательных исследований Роджера Бэкона по оптике, заметим, что вопреки расхожим представлениям средневековые ученые обладали в этой области достаточно точными знаниями. Вот почему в XIII веке алхимики, а не один только Роджер Бэкон, могли иметь весьма совершенные зеркала. Однако, так же как и в случае наблюдения за трансформациями, которые претерпевала первичная материя в ходе Великого минерального Делания, отнюдь не существовало непреодолимой грани между позитивными наблюдениями и тем, что мы сейчас отнесли бы к оккультной сфере. Об этом можно судить по отрывку из *«Романа о Розе»* адепта Жана де Мёна⁴:

«Зеркала, — продолжает Природа — обладают многими курьезными свойствами. Когда смотришь в них, могут показаться отдаленными и маленькими предметы, в действительности большие и расположенные вблизи, так что с трудом можно различать их, даже напряженно всматриваясь, — будь то хоть самые высокие горы, как те, что отделяют Францию от Испании.

Другие же зеркала показывают, когда смотришь в них, предметы в точных пропорциях.

Есть и такие, которые, будучи направленными на предмет, способны зажигать его, поскольку они собирают в одной точке солнечные лучи с заключенным в них жаром.

Еще один тип зеркал показывает, в зависимости от того, как их установить, различные изображения то правдиво, то представляет их продолговатыми или перевернутыми, а то и делает из одного предмета несколько; при соответствующей их форме они могут показывать четыре глаза на одном лице; смотрящему в них могут даже являться привидения; живых они могут показывать как через воду, так и через воздух — при различных углах зрения можно видеть,

как они играют между глазом и зеркалом, в соответствии с характером простой или сложной среды, на тысячу ладов меняя свою форму, обманывая глаза смотрящего».

Паломничество в Сантьяго-де-Компостела

Мы уже видели, как Николя Фламель проделал пешим паломником длинный путь к могиле святого апостола Иакова в Сантьяго-де-Компостела в Галисии. Мы знаем также, что отправной точкой для паломников, пускавшихся в путь из Парижа, была церковь Сен-Жак-ла-Бушри. И это не случайно: стоявшая на крыше здания статуя святого Иакова (по размерам более крупная, чем три другие символические фигуры) была обращена лицом в сторону запада (на закат солнца).

Фламель, отправляясь в паломничество на могилу апостола, имел и свою потаенную цель — повстречать учителя, способного объяснить ему таинственные рисунки *«Книги Авраама Еврея»*. Такое паломничество для средневековых западных алхимиков стало традицией, сопоставимой, например, с традицией членов союзов подмастерий (которая поддерживается и по сей день) отправляться в паломничество к гроту Марии Магдалины в горах Сен-Бом близ Марселя.

Путешествие в Сантьяго-де-Компостела представляло собой переживание алхимиком событий последнего этапа жизненного пути апостола Иакова, как о них повествует историческая традиция. Этому путешествию соответствовал и определенный символический смысл — не случайно Млечный Путь имеет старинное народное название *путь святого Иакова*. Это было соответствие, постоянная аналогия между небом и землей, между (как говорится в *«Изумрудной скрижали»*) «тем, что вверху», и «тем, что внизу»... Само название *Компостела* заключало в себе особый смысл для средневекового алхимика, разлагавшего его на два составных латинских слова: *campus* («поле») (оно вызывало также ассоциацию с

компостом, в котором происходило гниение, необходимое для успеха Великого Делания) и *stella* («звезда»). Таким образом, Компостела — *Campus stellae*, «Поле звезды»...

Почему же средневековые христианские алхимики избрали себе в качестве святого покровителя апостола Иакова?

Напомним в связи с этим красивую легенду об обнаружении его могилы в Галисии. В IX веке к местному епископу Теодомиру пришел некий крестьянин и рассказал о невероятном происшествии, приключившемся с ним на поле: мало того, что его быки отказались там пахать, так еще ночью расцвели в изобилии целебные цветы, а над полем светила звезда невиданной яркости. Епископ распорядился обследовать поле, на котором в результате и был выкопан из земли мраморный саркофаг, заключавший в себе тело, чудесным образом не тронутое тлением. Стало понятно, что обнаружено тело никого иного, как апостола Иакова. На том самом месте, где явлено было чудо — отныне оно и получило название *Campus stellae*, — построили церковь, в которую поместили бесценную реликвию.

Алхимики, используя игру слов, которую они так любили, проводили говорящую аналогию между легендой о «Поле звезды» и одной из решающих фаз Великого металлического Делания, когда в обрабатываемом материале (как раз и имевшем название *компост*) внезапно появлялась звезда (*stella*), возвещавшая о близящемся успешном завершении работы. Эта легенда полюбилась алхимикам также своей аллюзией на целебные цветы (которые, в свою очередь, напоминали о лечебных свойствах философского камня) и тем, что в ней говорится о чудесном сохранении тела — прямая аналогия с их великой мечтой о победе над физическим старением и тлением.

В конце XV века венгерский монах Мельхиор Цибиненс (*Cibinens*, в латинской транскрипции его фамилии) сочинил алхимическую мессу.

Средневековые христианские алхимики пытались найти в Апокалипсисе (Откровении Иоанна Бо-

гослова) скрытый алхимический смысл, в частности, в следующих словах:

«...и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь» (VI, 12).

«Она [женщина] отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя» (IX, 2).

Алхимическое озарение, дарующее всеобъемлющее знание тайн природы, рассматривалось адептами как выход сознания за пределы пространства и времени, в которые заключены простые смертные. Алхимики любили цитировать следующее место из Второго послания апостола Петра:

«Одно то не должно быть скрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (III, 8).

АДЕПТЫ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО

«Внутренние» художественные формы в средневековой алхимии

Средневековые алхимики оставили после себя художественные свидетельства, и притом весьма многочисленные, уже ставшие предметом обстоятельного изучения¹. В этих книгах можно найти репродукции довольно любопытных иллюстраций из манускриптов, которые остались после алхимиков и которые (если можно так выразиться) предназначались исключительно для внутреннего использования «делателями». Крупные библиотеки (в Париже — Национальная библиотека, в Лондоне — Библиотека Британского музея, Ватиканская библиотека, а также библиотеки Цюриха, Праги, Мюнхена и ряда других городов) имеют в своих фондах великолепные экземпляры алхимических манускриптов. Встречаются также и более скромные по своим масштабам библиотеки, в которых тем не менее имеются весьма значительные собрания алхимических манускриптов, в Париже такова библиотека Арсенала.

До XIV века рукописи адептов — точно так же, как и рукописи греческих алхимиков, — содержали очень мало рисунков и к тому же весьма схематичных, изображавших колбы, реторты, тигли и прочий алхимический инструментарий. Единственный более или менее сложный мотив, порой встречавшийся-

ся в них, — изображение змеи или дракона, кусающих себя за хвост (так называемый *Уроборос*).

С конца же XIV века все чаще начинают встречаться сложные по содержанию миниатюры, которые отличаются удивительной красотой, поражающей наших современников. Эти иллюстрации с детальной подробностью изображают лаборатории, представляют собой большие символические композиции — сцены борьбы двух начал, возникновение герметического андрогина, последовательное чередование цветов, появляющихся в *философском яйце*. Приведем лишь один характерный пример — цветную иллюстрацию из манускрипта, озаглавленного «*Aurora consurgens*» («*Восходящая заря*», 1480 год), труда Никколо д'Антонио дельи Альи, хранящегося в библиотеке Ватикана (*Codex Urb. lat. 899*). На ней изображено сражение на копьях двух всадников — мужчины (Солнце) и женщины (Луна), которые олицетворяют собой два антагонистических начала Великого Делания; происходит их соединение с временным преобладанием (в начале проведения последовательных операций) женского начала.

В эпоху Ренессанса искусство иллюстрирования алхимических рукописей достигнет своего апогея и будет практиковаться еще долго после изобретения книгопечатания, вплоть до XVIII века. Некоторые алхимические трактаты были опубликованы как с черно-белыми гравюрами, так и с цветными иллюстрациями.

Отметим также, что предметами алхимического искусства, которое мы охарактеризовали как «внутреннее» («для внутреннего применения»), являлись и разного рода статуэтки, находившиеся в молельнях алхимиков.

...и «внешне выраженные» формы: от кафедральных соборов до «философских обителей»

Под определением «внешне выраженные» мы понимаем произведения больших форм, доступные взорам не только знатоков, понимавших их алхими-

ческий смысл, но и людей, совершенно чуждых искусству Гермеса.

Прежде всего следовало бы задаться (по ассоциации с названием известной книги современного алхимика) вопросом: действительно ли существовала «тайна кафедральных соборов»? Иными словами, удавалось ли алхимикам помещать в большие культовые сооружения периода Средних веков — а точнее говоря, в эпоху готики — произведения искусства (витражи, скульптуры), которые бы заключали в себе, помимо своего открытого, понятного всем значения, еще и некий потаенный смысл, непосредственно связанный с тайнами алхимии?

И по сей день еще в ходу множество фантастических преданий. Так, уверяют, что в некоторых кафедральных соборах (Шартра, Родеза и некоторых других городов) солнечные лучи в день летнего солнцестояния, проходя через крошечное отверстие, проделанное в витраже, падают точно на то место (на плитке пола или на колонне), где устроен тайник, в котором лежит изрядное количество порошка проекции. В этом также выражается характерная для традиционной алхимии аналогия между триумфальным завершением Великого металлического Делания и славным апогеем солнца во время его периодического триумфа в круговороте смены времен года.

Существует также — но тут мы, правда, становимся на более реальную почву — проблема красных витражей (например, в Шартрском кафедральном соборе), секрет изготовления которых утрачен, и современные мастера не могут его найти. Бесспорно лишь то, что упомянутый витраж обязан своим особым цветом одному из компонентов — Кассиеву пурпуру, одним из элементов которого является золото, поэтому вполне возможно, что средневековые стеклоделы использовали способ изготовления, позаимствованный у некоего безвестного алхимика.

Более того, в глазах историка не кажется абсурдной возможность существования прямых контактов алхимиков с корпорациями строителей готических

соборов. Видимо, отнюдь не случайно на одном из рисунков, которыми проиллюстрирован манускрипт Николя Валуа, хранящийся в Париже, в библиотеке Арсенала, можно увидеть строительные инструменты, которые на первый взгляд могли бы показаться здесь совершенно неуместными. Это дает нам право предположить, что во время строительства больших кафедральных соборов устанавливались реальные связи между теми или иными алхимиками и *каменщиками (maçons)*.

И тем не менее следует в этом отношении быть сдержанными. Французский автор времен Великой эпохи, сам страстно увлекавшийся герметизмом (до такой степени, что пытался заниматься *деланием* в лаборатории*), Альберт Пуассон, считал подобные контакты вполне возможными, но в статье³, посвященной *алхимическим памятникам Парижа*, делает осторожную оговорку:

«Под алхимическими памятниками мы подразумеваем все символические сооружения в целом или отдельные их части, изначально построенные алхимиками или же получившие впоследствии герметическую интерпретацию...»

Кроме того, следует учитывать модификации и перестройки, кои претерпевали на протяжении веков кафедральные соборы и прочие культовые сооружения готической эпохи. Это особенно касается, очевидно, наиболее знаменитого из французских готических соборов, часто ассоциирующегося — с большим или меньшим основанием — с герметизмом: собора Парижской Богоматери.

Люсьен Карни⁴, эрудит, особенно искушенный в этих вопросах, упорно напоминает нам о необходимости, когда изучаешь этот кафедральный собор с герметической точки зрения, принимать во внимание тот факт, что многие из его статуй были в 1860 го-

* Это, видимо, привело его к безвременной кончине: он умер от туберкулеза в возрасте всего двадцати четырех лет.

ду заменены Виолле ле Дюком и потому не идентичны оригиналам, а кроме того, они сдвинуты с тех мест, на которых находились их предшественники.

И все же стоит попробовать перевоплотиться в алхимика, прибывшего (допустим, в 1425 году) в Париж, дабы обследовать собор Парижской Богоматери в надежде найти ключи для реализации Великого Делания. Что мог он заметить? Многое, в том числе и из того, что существует по сей день. Посещение нашим *делателем* собора Парижской Богоматери начиналось с осмотра трехчастного портала⁵, буквально напичканного алхимическими скульптурами. Прежде всего там можно было видеть саму алхимию, персонифицированную женской фигурой, держащей открытую книгу (книгу мирского, профанного знания) и закрытую (книгу герметического знания, запретного для профанов), причем голова женщины касалась «небесных вод». Эта фигура ассоциировалась с лестницей Иакова, увиденной патриархом во сне, соединяющей небо с землей.

Слева на портале алхимик мог видеть величественную фигуру Бога Отца, держащего человека и ангела. К теологическому смыслу скульптурного изображения, означавшего всемогущество Бога, алхимик добавлял еще и другое, герметическое значение: эта замечательная композиция символизировала для него универсальную материю, *основную влагу*, которая порождает два противоположных, но дополняющих друг друга начала (философские Серу и Меркурий).

Ниже свержнебесного мира можно было видеть двух ангелов. Что они олицетворяли собой? *Всемирный дух* или *небесное семя*, нисходящее с высшего мира, чтобы оплодотворить воздушное пространство. Еще ниже располагались символы нижнего, земного мира. А что же олицетворяли собой три детские фигурки в облаках? Три начала Великого Делания — Серу, Меркурий и Соль.

Наш воображаемый алхимик конечно же заметил бы там же, на левой части портала, символы воздуха, воды и земли. Присутствие тельца и овна символи-

зировало два весенних месяца, имевших решающее значение для начала лабораторных операций: в марте приготавливали первичную материю, а в апреле заделывали философское яйцо, после чего операции по осуществлению Великого Делания могли начинаться.

А что означали заснувший человек и две колбы? Это, как полагал алхимик, служило олицетворением *основной соли* всех вещей, начала, привлекавшего универсальную жизнь.

А четыре высеченные из камня фигуры на уровне человеческого роста — что означали они? Дракон символизировал философский камень; гротескная декоративная маска должна была служить символом *суфлеров* и ложных алхимиков; кобель и сука — дополняющие друг друга символы постоянного и летучего, соединение которых означает осуществление «алхимической свадьбы».

Там же, на левой части портала, в простенке, наш алхимик не мог не заметить фигуру епископа (очевидно, Гийома Парижского, который, сам будучи большим знатоком герметической науки, заказал резчикам по камню выполнить все алхимические скульптуры собора Парижской Богоматери), подпирающего ногами дракона.

Ниже этой символической скульптуры⁶ посетитель мог видеть два небольших круглых выступа. Они служили символами двух грубых, еще не обработанных металлических пород, какими они извлекаются из рудника; два точно таких же выступа на противоположной стороне представляли их, но уже обработанные, очищенные от шлаков; наконец, два аналогичных мотива олицетворяли окончательное очищение от примесей.

На центральном портале, слева, наш алхимик видел орла — символ Всемирного Духа; птицу Феникс — символ возрождения, олицетворявшую также красный камень; овна — указание на месяц, в котором следовало начинать операции Великого Делания; человека, держащего чашу; и, наконец, крест — символ четырех элементов первичной материи⁷.

Там же, на центральном портале, «делатель» мог увидеть пять разумных дев и пять дев неразумных, расположенных по обе стороны ворот. Они олицетворяли собой, соответственно, путь успеха (ведущий к открытым вратам на небо) и превратности пути, хотя и заманчивого, однако ложного (ведущего к закрытым вратам).

Правая часть портала также, в свою очередь, не лишена была герметических мотивов. В частности, на ней были воспроизведены двенадцать знаков зодиака.

Справа, у входа в неф, искушенный посетитель должен был обратить внимание на большую (достигавшую в высоту двадцати восьми футов) статую, которой сейчас там нет, возведенную в 1413 году Антуаном из Эссара. Она представляла (это был хорошо известный религиозный мотив) святого Христофора, идущего вброд, неся на своих плечах младенца Иисуса Христа. В камышах у ног святого можно было разглядеть — весьма примечательная деталь — две колбы⁸. Но *нести Христа* — не то ли самое, что и *нести Свет*?

В нижней части нефа, слева, некогда находилась, прислоненная к стене собора неподалеку от лестницы, ведущей на башню, очень красивая надгробная плита каноника Этьена Ивера, известного алхимика. Изображения на ней представляли в виде классических религиозных тем из Апокалипсиса три уровня, на которых должно было осуществляться Великое Делание и необходимое чередование основных цветов: черного (гниение), белого (растворение) и, наконец, красного (рубификация).

Рассказывали, что епископ Гийом Парижский спрятал в одной из колонн на хорах собора Парижской Богоматери изрядный запас философского камня, и взгляд ворона, помещенного на одном из порталов, будто бы направлен как раз на то место, где хранится сокровище. Разве случайно, что среди многочисленных скульптурных изображений на трех порталах фасада ворон — единственная статуя, взгляд которой направлен не на паперть, а внутрь собора?

В 1926 году вышла в свет первая из двух знаменитых книг, подписанная псевдонимом Фульканелли — *«Тайны соборов»*. Что касается собора Парижской Богоматери, то следует проявлять предельную осмотрительность, интерпретируя скульптуры, которые в настоящее время можно видеть на его фасаде. Когда архитектор Виолле ле Дюк во времена Второй империи реставрировал собор, он заменил некоторые оригинальные скульптуры (их пришлось удалить, поскольку они уже рассыпались от времени) новоделами, изготовленными по мотивам, заимствованным с других готических кафедральных соборов (в частности, Амьенского). И все же предание о взаимоотношениях между алхимиками и камнетесами, строившими собор Парижской Богоматери, существовало еще задолго до эпохи романтизма. Это предание следует принимать во внимание, разумеется, учитывая факт замены скульптур.

Отметим, что скульптурное изображение сидящей женщины, которое в настоящее время можно видеть на центральном портале собора Парижской Богоматери, олицетворяющее алхимию, изготовлено под наблюдением Виолле ле Дюка скульптором Жоффруа Дешомом. Ими взята за образец статуя кафедрального собора в Лане, расположенная слева от большого круглого витража этого здания. Однако и в Средние века на центральном портале собора Парижской Богоматери находилась сидящая женская фигура, символизировавшая алхимию, с той лишь разницей, что она была изображена не анфас, а в профиль. Над оригинальной статуей помещалась шестиконечная звезда (печать Соломона), служившая символом успеха Великого Делания, бракосочетание воды и огня (представленных двумя равнобедренными треугольниками).

Женская фигура, символизирующая собой алхимию, держит лестницу, насчитывающую девять ступенек, которые, в свою очередь, олицетворяют девять степеней озарения.

Один из малых мотивов на нижней части оконного проема центрального портала представляет собой

человека, смотрящего на источник, вытекающий из-под корней дерева. Это — одно из классических изображений источника жизни, берущего начало из дуплистого дуба, в свою очередь символизирующего *атанор* (алхимическую печь).

Портал собора Парижской Богоматери и в эпоху Ренессанса, и в последующие времена продолжал служить местом встречи всех, кто интересовался и увлекался алхимией. В XVI веке Ноэль дю Фай отмечал в своих «Рассказах Эвтрапеля»: «В свое время местом встречи подобного рода ученых людей был собор Парижской Богоматери». Однако и гораздо позже он продолжал оставаться им.

Еще задолго до Фульканелли французский алхимик специально занялся изучением герметических скульптур собора Парижской Богоматери. Это был Эспри Гобино де Монлуизан, «знатный господин из Шартра, любитель натурфилософии и алхимии, а также трудов древних философов». В результате видения, посетившего его в среду 20 мая 1640 года, накануне Вознесения, он постиг, что решающие подсказки к разгадке секретов Великого Делания надо искать в фигурах на портале собора Парижской Богоматери. Результаты своих исследований он собрал в книге *«Весьма любопытное истолкование загадок и иероглифических фигур, реально присутствующих на большом портале кафедрального митрополичьего собора Парижской Богоматери»*. Дадим слово самому автору:

«В тот день, помолившись Богу и его Пресвятой Матери, ...я вышел из этой прекрасной большой церкви и, внимательно всматриваясь в ее роскошный и великолепный портал, весьма изысканно построенный от фундамента и вплоть до самого верха двух ее высоких восхитительных башен, заметил то, о чем собираюсь сейчас рассказать».

Авторство алхимических скульптур он отнес Гийому из Оверни (1180—1249), ставшему епископом Парижским в 1220 году.

В 1724 году Соваль в своей *«Истории и результатах исследования древностей города Парижа»* писал:

«Все порталы собора Парижской Богоматери покрыты таинственными знаками. Скульптура святого Христофора является самой большой в королевстве; приверженцы герметического учения считают ее символической».

Среди желобов предпоследнего этажа южной башни собора Парижской Богоматери можно видеть скульптурное изображение человека, взгромоздившегося на самый верх балюстрады (он резко контрастирует с изображениями фантастических существ), с фригийским колпаком на голове. Согласно устному преданию, это — скульптурное изображение алхимика в одежде XV века. Что означает фригийский колпак? В древности его носили рабы, отпущенные на волю, и потому он стал известным символом обретения свободы, освобождения. Однако фригийский колпак, помимо этого своего социально-политического смысла, означал и внутреннее освобождение, достигаемое благодаря посвящению в таинства.

Среди изображений, представленных на портале, погруженная в огонь саламандра⁹ символизирует философскую Серу.

На хорах Амьенского кафедрального собора, служившего, по мнению Фульканелли, еще одним средоточием алхимического искусства, в период с 1388 (с момента его создания) и вплоть до 1792 года собиралось братство, именовавшее себя Горой Богоматери. Достоверно известно, что в XV веке оно включало в свой состав членов, живо интересовавшихся алхимией. Каждый год глава братства, избравшийся в День Сретения Господня, должен был пожертвовать собору на ближайшее Рождество картину, прославлявшую Деву Марию и имевшую девиз, избранный самим дарителем. Так, некоторые из этих предводителей братства Горы Богоматери избрали девиз, пря-

мо связанный с алхимией. Например, Жак Малый, возглавивший братство в 1428 году, взял в качестве девиза следующие слова: «Скала, из коей прорастает победоносный камень» (философский камень). Так же было и в случае с Жаном Ле Карбоннье, ставшим во главе братства в 1444 году, девиз которого звучал так: «Превосходная материя чистейшего золота».

Второй труд современного алхимика Фульканелли¹⁰, получивший название *«Обители философов»*, посвящен, как можно понять уже из самого его названия, жилищам, специально построенным адептами или оборудованным ими.

В XV веке некоторые очень богатые алхимики строили для себя роскошные дома — великолепные городские особняки, загородные усадьбы и даже весьма внушительные замки.

Наиболее известным примером этого служит дом, а вернее сказать — самый настоящий дворец, увлеченного алхимика Жака Кёра, министра финансов короля Франции Карла VII, построенный в Бурже¹¹. Однако если само строение и украсившие его герметические скульптуры в целостности и сохранности дошли до наших дней, то комнаты были опустошены во время революции. Проходя по ним, мы должны попытаться мысленно перенестись во времена, когда они, роскошно меблированные и украшенные, принимали знатных посетителей, увлекавшихся алхимией. Характерной принадлежностью этого дома служит небольшая астрологическая башня (Жак Кёр, как и многие важные особы той поры, пожелал иметь собственную астрологическую обсерваторию), куда хозяин поднимался по ночам, дабы наблюдать за ходом планет на небосводе.

Войдем в это роскошное жилище, построенное богатым алхимиком. На скульптурном тимпане большой лестницы представлены три персонажа. В центре находится человек, поднявший глаза к небу; у его ног — скамеечка для молитвы. Слева от него удаляется другой человек (слуга?), вытянув перед со-

бой руку, словно что-то нащупывая, подобно слепому. Справа от него еще один персонаж набрасывает покров на нечто похожее с первого взгляда на алтарь, что при более внимательном рассмотрении оказывается печью с поставленной в нее ретортой, в которую, в свою очередь, заключено *философское яйцо* — первичная материя, соединяющая в себе два начала. Примечательно, что на этой скульптурной композиции присутствуют сердце (по-французски *cœur*, что должно было вызывать ассоциацию с фамилией владельца дома — *Cœur*) и морская раковина — атрибут Иакова Компостельского, святого покровителя христианских алхимиков.

Еще один скульптурный тимпан, вызывающий ассоциации и наводящий на размышления, можно видеть на воротах. Изображены два дерева, на них ангел указывает одной рукой, а в другой держит сосуд, из которого поднимаются три распутившихся цветка, по всей вероятности, символизирующие три основных цвета Великого Делания — черный, белый и красный. Это древо жизни и древо познания из библейской Книги бытия. В одной из комнат второго этажа на скульптурном мотиве лепного плафона изображены двое возлюбленных (по всей видимости, Тристан и Изольда). Их застал врасплох неизвестный (вероятно, король Марк, супруг Изольды), голова которого скрыта листвою дерева. Помимо аллюзии на совершенную любовь алхимика и его спутницы жизни (Жак Кёр и его жена составляли, подобно Николя Фламелью и госпоже Пернелле, *герметическую* супружескую пару), в этой сцене можно разглядеть и другие алхимические аллюзии. Дерево (возможно, пальма), увешанное крупными плодами — золотыми плодами сада Гесперид, — символизирует первичную материю, служащую исходным материалом для получения *философского камня*. У подножия дерева стоит ларец — символ тайного знания. Напомним, что в эпосе о Тристане и Изольде герой, подобно Тезею, победившему Минотавра, нападает на страшное чудовище и убивает его. По мнению Фульканелли, этот эпизод символизирует собой главный этап в

процессе исполнения операций Великого Делания — переход к приготовлению универсального растворителя, с помощью которого можно осуществить воскрешение натурального золота.

В часовне дворца Жака Кёра имелся витраж, пропавший в XIX веке, но сохранилась его точная репродукция, на которой изображен *шут*, облаченный в короткую мантию с капюшоном¹² и держащий в руке шутовскую погремушку¹³. Губы сего персонажа заперты на висячий замок. Аллюзия на необходимость ревностно хранить секреты этого возвышенного знания подчеркнута размещением тут же двух максим: «*В закрытый рот не влетит муха*» и «*Радость моя*» (то есть радость адепта, имеющего счастье видеть философский камень) — *говорить, делать, молчать*».

До нас дошли и другие великолепные французские «обитатели философов», в которых сохранились декор и даже мебель. Так обстоит дело с домом Лальманов, тоже находящимся в Бурже. То же самое касается и еще более роскошного дворца Плесси-Бурре, построенного в 1468 году финансистом Плесси-Бурре, министром Людовика XI. За исключением великолепных, насыщенных символическим смыслом витражей часовни, которые бесследно исчезли, ничто в нем не изменилось с тех времен, когда этот дворец оказывал радушный прием проезжим алхимикам¹⁴. До сих пор можно, например, насладиться зрелищем двадцати четырех герметических мотивов на кессонном потолке караульного помещения¹⁵. Среди мебели и предметов искусства можно видеть великолепное многоцветное изделие из дерева, которое называют *атанором* и которое представляет сочетание двух начал Великого Делания в виде двух юных персонажей — юноши и девушки, которые собираются купаться в горячей ванне.

В этой связи следует упомянуть еще и замок Дампьер-сюр-Бутоин (неподалеку от Ниора). Фульканелли в своих «*Обителях философов*» попытался рас-

шифровать смысл шестидесяти одного кессона его верхней галереи, каждый из которых включает в себя герметический мотив.

Систематическое исследование архитектурных сооружений Франции и других стран Европы, несомненно, увенчается открытием ранее неизвестных «обитателей философов», в свое время менее знаменитых и не столь грандиозных по своим масштабам. Примером тому может служить усадьба Шаснэ в Арси-сюр-Кюр (в Бургундии, ныне департамент Йонн), скульптура и живопись которой, бесспорно, заключают в себе богатый герметический смысл.

Если дворец Жака Кёра утратил со времен революции свою богатую меблировку, то подобной участи избежала другая роскошная «философская обитель» в Бурже — дом Лальманов, в котором проживали три поколения этих знаменитых финансистов и алхимиков. Строительство дома Лальманов началось в 1487 году и завершилось к 1518 году. В нем полностью сохранились как мебель, так и внутренний декор. Однако это уже другой исторический период — эпоха Ренессанса.

В Лизьё существовал дом, построенный в XV веке и прозванный Домом саламандры. На тимпане его фасада можно было видеть сражающихся льва и львицу, каждый из которых держит зеркало, отражающее солнце. На дверях был изображен крылатый дракон — символ летучего начала. На урне, стоявшей слева от дверей, было изображение человека в камзоле, украшенном шестиконечной звездой — символом философского камня. Над дверью красовалась саламандра — символ философской Серы, подверженной воздействию огня. На одном из опорных столбов первого этажа изображался рыцарь, атакующий грифона, — мотив, напоминающий одно из тех изображений, которые можно видеть на большом портале собора Парижской Богоматери среди мелких фигур оконного проема.

Если в XV веке только очень состоятельные люди могли позволить себе строительство роскошной «философской обители», то алхимики победнее вынуждены были довольствоваться тем, что помещали в своих скромных жилищах те или иные символические предметы, смысл которых был понятен лишь посетителям, которые и сами являлись любителями герметического знания. Например, присутствовал гербовый щит с изображением полумесяца — одного или повторенного трижды. Не зря же одним из прозваний алхимиков было *красильщики луны*.

Опять рискуя несколько выйти за хронологические пределы, которые мы установили для своего исследования, напомним о существовании многочисленных «обителей философов», построенных или оборудованных в эпоху Ренессанса. Превосходным примером этого может служить «Дом-крепость» в Шейраке, неподалеку от Пюи¹⁶, очень хорошо отреставрированный и используемый в коммерческих целях.

Произведения алхимического искусства

С конца Средних веков произведения искусства (живопись, скульптура) стали подписываться их создателями. Многие из этих произведений принадлежали авторам, очень хорошо разбиравшимся в алхимической символике. К числу таких авторов относился, например, Иероним Босх, наиболее оригинальный из ранних фламандских художников, великие произведения которого, запечатлевшие *философское яйцо, источник молодости* и тому подобное, таят в себе алхимический смысл. Порой на них прямо изображается алхимический инструментарий. Так, на центральном панно триптиха «*Сад наслаждений*» сразу же бросается в глаза вознесенная ввысь *реторта*, горло которой возникает из *лунного серпа*. Более того, удалось установить принадлежность Босха к одному из тайных гностических обществ — к Братьям вольного духа¹⁷.

По поводу творчества Босха Жак ван Леннеп заметил: «Благодаря этому художнику вывернуты наиз-

нанку мрачные глубины средневекового общества. С самого дна его подземелья поднялся сонм монстров и проклятых»¹⁸.

Исследователи установили, что в Буа-ле-Дюк, родном городе Босха, существовало братство, ежегодно разыгрывавшее мистерию, в которой рай и ад символизировались декорациями, традиционными для этих религиозных представлений под открытым небом, и воспроизводящих картины Босха.

Однако «случай Иеронима Босха» не может быть объяснен ни реакцией на его хорошо известное социальное окружение, ни одержимостью (даже более глубокой, чем обычно в его время) страхами ада, смешанными с неким двусмысленным влечением.

Действительно, картины Иеронима Босха являются *ключевыми* произведениями, которые не только следуют ритму навязчивых идей, порождаемых воображением художника, но и обладают совершенно точным, неукоснительно строгим смыслом. Каким же именно? Назидательным замыслом, напоминанием об адовых муках, которые должны заставить грешных христиан задуматься? Вовсе нет: внимательное изучение наиболее знаменитых картин Босха показывает, что помимо расхожей религиозной ортодоксии художник передает (отнюдь не вступая в противоречие с ней) богатство внутреннего мира, непосредственно связанного с алхимией. Картина ада, ужасы и мучения, чудовища и языки пламени — все эти композиционные составляющие его произведений обретают свой истинный смысл лишь как контрапункт к символам, герметическим мотивам.

Прежде всего надо обратить внимание на то важное значение, которое имеет у Иеронима Босха любовная пара: одним из его любимых мотивов является изображение возлюбленных, которые, даже посреди самых страшных ужасов ада, предаются любовным утехам, всецело отдаваясь взаимной радости. Иногда они изображены (дабы усилить символи-

ческий смысл защищенности) внутри сфер, прозрачных шаров, или купающимися в ванне.

На правой створке триптиха «*Страшный суд*» художник изобразил рядом *красную* сферу (цвет философского камня в завершающей фазе трансмутации, в процессе превращения в золото) и судно, на котором плывут любовные пары под навесом, а на корме ангелы трубят в трубы — провозглашают *герметический триумф*.

В «*Страшном суде*» царят алхимический *тигель* (в котором соединяются два противоположных начала, мужское и женское) и на фоне пейзажа огромная *реторта*. Среди мелких фигур, изображенных в водах озера, раскинувшегося у нижней части реторты, можно разглядеть человека, с головой нырнувшего в воду и высунувшего наружу разведенные в разные стороны ноги, образующие букву Y, алхимический знак *андрогина*, знака *Rebis* («двойная вещь»), который сочетает, объединяет в себе две противоположные природы.

На центральном панно картины «*Искушение святого Антония*» Иероним Босх изобразил яйцевидное сооружение, увенчанное трубой, из которой валит дым. В данном случае имеется в виду *атанор* (алхимическая печь); выходящая из сундука ветвь держит мехи, предназначенные для раздувания пламени. Там же фигурирует дуплистый дуб. Мы уже знаем, что для средневековых алхимиков он служил символом *атанора*. Вернее говоря, Босх изобразил дерево в форме гибрида: это одновременно и дуб, и старая женщина, извлекающая из своего покрытого корой живота спеленутого младенца. Символизм совершенно очевиден: младенец, возникающий из атанора, — *философский камень*, который должен выйти из философского яйца.

Очень часто на картинах Иеронима Босха встречаются яйца, большие и маленькие, которые открываются, позволяя видеть различные сцены. Еще один символический мотив у Босха — суда. Имеющие

сложную форму (ибо сочетают дары трех царств природы), они изображаются то стоящими на якоре в неких inferнальных пределах, то плывущими по небу или по водам. Известно, что алхимики охотно говорили о *герметическом плавании*.

Говоря о связи между алхимией и изобразительным искусством, нельзя забывать и о литературных произведениях, появление которых в Средние века вдохновлялось герметическими исследованиями. Знаменитым примером этого служит, как мы знаем, вторая часть *«Романа о Розе»*.

Средние века — эпоха, исключительно богатая, плодотворная, разнообразная и привлекательная, еще недавно получавшая уничижительную оценку как время господства обскурантизма и ограниченности, во многих отношениях была периодом творческих исканий и обретений. Нет никакого парадокса в том, что Юстав Коэн дал одной из своих книг название *«Великий свет Средних веков»*¹⁹. И разве в этой обширной панораме жизни средневекового общества алхимики не занимали весьма завидное место, не являясь просто лишь неким живописным пятном?

Знаменитое анонимное творение, великолепная серия из шести ковров, на которых изображена дама с единорогом, экспонируемое в Париже в музее Клуни, хотя и выходит за хронологические рамки нашего исследования (эти ковры, по всей видимости, были изготовлены в начале XVI века, примерно в 1515 году), однако мы не можем обойти его молчанием. На этих коврах нет ни одной детали, лишенной смысловой нагрузки. Возьмем, например, маленького *белого зайца*: этот заяц символизирует сверхъестественного проводника, пришедшего на помощь алхимику, спускавшемуся в недра земли.

АЛХИМИКИ ЭПОХИ РЕНЕССАНСА

От Средних веков к Ренессансу

Проводя историческое различие между Средними веками и Ренессансом, мы вместе с тем не должны рассматривать его как некую непреодолимую хронологическую грань между ними. Вовсе не нужна волшебная палочка, дабы по ее мановению осуществился переход от одного периода к другому. Более того, XV век можно рассматривать как своего рода пограничный период, еще всецело принадлежащий эпохе Средневековья (к которой его относят и которая отнюдь не закончится по его истечении), но вместе с тем уже таящий в своих недрах тенденции, которые получают свое развитие в эпоху собственно Ренессанса.

Что касается алхимиков, то все их великие устремления, равно как и проявления их повседневной жизни, в эпоху Ренессанса оставались теми же, что были и в XV веке. Точнее говоря, хотя жизнь алхимиков шла своим заведенным порядком, в эпоху Ренессанса для них стало еще больше возможностей, чем было в предыдущем, XV веке. Так, например, получили еще большее распространение тайные общества — особенно в Германии, но также во Франции, Италии и Англии.

Именно в такой атмосфере развернулось в начале этой великой эпохи движение розенкрейцеров, получившее свое продолжение в *пансофии* (искусствен-

ное словообразование, полученное путем слияния двух греческих слов и означающее «всеобъемлющая мудрость», «универсальное знание»), которую развивали в конце XVI века в Германии ученики Парацельса.

Можно даже сказать, что в эпоху Ренессанса алхимики получили еще большее распространение и заставили говорить о себе еще больше, чем в Средние века. Расширились и их связи с различными отраслями искусства.

Было бы небезынтересно отметить, что Бернар Палисси, открывший в 1555 году секрет изготовления эмалей, уделял большое внимание приемам и методам алхимиков.

Множество картин и гравюр эпохи Ренессанса обнаруживают глубокое знание их авторами всего, что касается алхимического эзотеризма. Продолжалось строительство новых богато украшенных, роскошных «обителей философов».

Смысловое содержание знаменитых творений эпохи Ренессанса невозможно в полной мере понять, если не принимать во внимание факт знакомства их создателей с философией алхимиков. Так, знаменитая картина Боттичелли *«Рождение Венеры»* развивает тему «небесной Венеры», которую скрывает космическая мантия. Точно так же и такое знаменитое произведение, как гравюра Альбрехта Дюрера *«Меланхолия»* (1514 год), содержит в себе символы и образы, заимствованные из алхимии: морской простор (не что иное, как *философские воды* алхимиков) на заднем плане, озаренный *радугой* (библейский символ союза между небом и землей) и *черным солнцем*; корабли, символизирующие собой *герметическое плавание* алхимика, нашли убежище в гавани тихих вод.

*Эпоха, создавшая новые благоприятные
возможности для деятелей*

В эпоху Ренессанса можно было встретить еще больше, чем в конце Средних веков, правителей и прочих важных особ, интересовавшихся алхимией и оказывавших покровительство многочисленным

«делателям», поступавшим на службу к ним. Это покровительство отнюдь не являлось бескорыстным, но оно создавало новые благоприятные возможности — в равной мере как для искренне увлеченных исследователей, так и для авантюристов и шарлатанов, количество которых феноменальным образом выросло в эпоху Ренессанса.

Среди правителей, интересовавшихся алхимией, можно было встретить даже тех, кого, казалось бы, невозможно было и помыслить в той среде. Это прежде всего король Испании Филипп II, которого расхожее представление о нем рисует существом мрачным и зловещим, постоянно занятым мыслями об инквизиции. Именно он оказывал свое высокое покровительство Иерониму Босху.

Однако самым экстраординарным из правителей, покровительствовавших алхимикам, был на стыке эпохи Ренессанса и XVII века Рудольф II Габсбург — весьма колоритная фигура. Этот монарх дошел до того, что, предоставив своему брату заниматься делами государства, закрылся в огромной Пражской цитадели (в Пражском Граде) и не допускал к близкому общению с собой никого, кроме алхимиков, магов и астрологов. Рудольф II, вступивший на престол Священной Римской империи германской нации в 1576 году, несомненно, разделял упования столь многих монархов и их министров, столкнувшихся с плачевным состоянием государственных финансов, найти легкий способ наполнить казну звонкой монетой. Однако его интерес к алхимии очень скоро превратился в исключительную, всепожирающую страсть, не замедлившую проявить себя во всевозможных направлениях, открытых для трудов алхимика: в трансмутационном, лечебном, магическом и философском.

При дворе Рудольфа II все занимались алхимическими опытами: личные врачи императора (наиболее видными среди них были Фаддей фон Хайек, Михаэль Майер и Мартин Руланд, дававшие монарху теоретические и практические уроки алхимии), его советники, камердинеры и камергеры, его придвор-

ные. Один из камердинеров императора, выходец из Италии (видимо, еврей) Мардохей да Делла, в качестве придворного поэта даже получил от государя специальное задание — воспеть в стихах успехи состоявших у него на службе алхимиков.

Алхимики, маги и астрологи, нанятые Рудольфом II на службу, ни в чем не нуждались: жили вместе со своими семьями на всем готовом, имея бесплатное жилье прямо во дворце или в одном из уютных домиков на знаменитой Золотой улице, примыкавшей непосредственно к Пражскому Граду.

Рудольф II не ограничивался привлечением к себе на службу лучших алхимиков Германии. И в других европейских странах посланцы императора передавали его приглашение *делателям*, слава о которых дошла до его императорского величества. Случалось, что алхимики и отклоняли столь лестное предложение. Так, некий французский алхимик из Франш-Конте будто бы осмелился дать гордый ответ императорскому посланцу: «Ежели я адепт, то не нуждаюсь в императоре, если же нет, то император не нуждается во мне»¹.

Большинство же с радостью принимало подобное предложение. Так поступили, например, два знаменитых английских алхимика и мага Джон Ди и Эдуард Келли.

Обратная сторона медали

По мере того как открывались новые благоприятные возможности, количество алхимиков становилось еще больше, чем было прежде. Однако в той же мере подтверждалась справедливость поговорки: «Много званых, да мало избранных». Применительно к алхимикам (как истинным, так и ложным) эпохи Ренессанса можно было бы провести параллель (весьма показательную, хотя это и является очевидным анахронизмом) с половодьем надежд современных артистов, певцов и танцоров, мечтающих однажды встретить импресарио, режиссера или фирму, которые бы прославили их. Но на горстку тех, кому

довелось познать головокружительный взлет, увы, приходится несоизмеримо гораздо большее число обреченных на вновь и вновь повторяющиеся неудачи или тусклое существование вечной посредственности. На одного алхимика, которому довелось однажды встретить своего мецената, правителя или иного важного господина, взявшего его к себе на службу и тем самым освободившего от всех финансовых и прочих материальных проблем, приходилась целая толпа несчастных, коим не только не посчастливилось познать успех в своих лабораторных опытах, но и повстречать покровителя, который избавил бы их от страшной хронической нужды. Вот в каких словах описал в XVI веке Иоганн Клитемий, аббат Вайсенбергского монастыря, жалкую судьбу бесчисленной когорты алхимиков, тешивших — порой на протяжении всей своей жизни — ложную надежду: «*Vanitas, fraus, dolus, sophisticatio, cupiditas, falsitas, mendacium, stultitia, paupertas, desperatio, fuga, proscriptio et mendicitas, perdisaeque sunt chemie*» («Суета, обман, надувательство, фальсификация, алчность, лицемерие, ложь, глупость, бедность, отчаяние, бегство, изгнание, нищета и утраты сопутствуют химии»).

Бесспорно, велика была радость алхимика, которому в результате многих лет трудов удавалось, наконец, осуществить чудо Великого Делания. Дионисий Захарий (1510—1556), которому на Пасху 1550 года, после стольких лет мучительных и тщетных трудов, удалось (как он был уверен) превратить ртуть в золото, вознес к небесам такую необыкновенную молитву:

«Знает Бог, какую радость я испытал. Никогда не болтал я попусту о делах своих, но воздавал благодарность Господу нашему Богу за столь великую милость, явленную мне через Сына Его, Спасителя нашего Иисуса Христа, коего молил я, дабы озарил он меня своим Духом Святым и дал мне силы пользоваться даром сим во славу и честь Его».

В эпоху Ренессанса, более чем когда-либо ранее, алхимики, коим не доставало благоразумия помалкивать о своих успехах, подвергались угрозе, и ино-

гда смертельной. Нам известно о трагической участи многих из них.

Так, например, немецкий монах-алхимик Альберт Байер был в 1570 году убит, проболтавшись, что владеет философским камнем.

Трагична и волнительна истории жизни другого немецкого алхимика — Себастьяна Зибенфройнда, родившегося в Шкойдице близ Лейпцига в семье фабриканта сукна. Этот алхимик, занимаясь своими работами по осуществлению Великого Делания, сначала пользовался поддержкой некоего польского магната, с которым отправился путешествовать по Италии. Там его покровитель заболел и умер, после чего Зибенфройнд удалился в монастырь в Вероне. Там он на протяжении многих лет безуспешно занимался *деланием*, пока не познакомился с одним старым монахом, устроившим в своей келье алхимическую лабораторию. Этот монах, уже будучи на смертном одре, открыл Зибенфройнду главный секрет, что позволило ему получить столь желанный порошок проекции.

После этого Зибенфройнд покинул итальянский монастырь и возвратился в родную страну, где поселился в Оливском монастыре близ Эльбинга в Пруссии. Там он осуществил Великое минеральное Делание, а затем отправился в путешествие. На пути в Гамбург в 1570 году алхимик воспользовался гостеприимством некоего шотландского дворянина. Тот страдал страшными приступами подагры, и Зибенфройнд дал ему *питьевого золота*, после чего больной совершенно исцелился.

Однажды в доме шотландца нашли приют три студента из Виттенберга — Николай Клюбес и Ионас Агрикола, а с ними еще один, имя которого осталось неизвестным. Зибенфройнд поступил весьма легкомысленно, осуществив трансмутацию у них на глазах: он потер щепоткой *порошка проекции* цинковую ложечку, а затем расплавил ее на огне в печи, после чего ложечка превратилась в золото!

Зибенфройнд, осознав, сколь неразумно поступил, решил возвратиться в Пруссию кружным путем,

вместо того чтобы воспользоваться более прямым. Через Люнебург и Магдебург он прибыл в Виттенберг и в этом городе прожил четыре месяца в доме у своего приятеля, профессора Баха. Однако шотландский дворянин и трое студентов, шедшие за Зибенфройндом по пятам, затаились в Виттенберге, наблюдая за алхимиком, наивно полагавшим, что он отделался от своих преследователей. Улучив момент, те не стали церемониться, убив его и закопав тело в подвале. Лишь спустя два года слуга Зибенфройнда нашел там останки своего хозяина².

Столь же трагична была судьба еще одного адепта — Дионисия Захарии. После бесконечных лет тщетных трудов он наконец достиг своей цели. Находясь на пути в Лозанну, он влюбился в одну очень красивую девушку и женился на ней. Но его доверие было обмануто: его кузен, повсюду сопровождавший алхимика, мало того что соблазнил его жену, так еще задумал похитить у него его чудесный секрет. В Кёльне преступная парочка, воспользовавшись глубоким сном адепта (наступившим в результате попойки), убила его.

Что же касается алхимиков, коим посчастливилось заручиться доверием того или иного правителя, то горе было тем из них, кто пытался обмануть своего покровителя или оказывался не в состоянии исполнить свои столь неразумно данные обещания! Эпоха Ренессанса изобилует подобного рода трагическими случаями. Вспомним хотя бы о Давиде Бойтере, который, будучи заключенным в Дрездене, в конце концов осознал, что никогда не сумеет раскрыть секрет порошка проекции, приготовить который он опрометчиво пообещал, и предпочел отравиться, чтобы не влачить далее свое безнадежное существование, не сулившее ничего, кроме заточения и пыток.

Вспомним и случай с Эдуардом Келли (другом Джона Ди). Когда вышел весь запас порошка проекции, с помощью которого он превращал простые металлы в золото, он оказался не в состоянии продолжать свои чудеса, так восхищавшие императора

Рудольфа II, и тот не замедлил отправить в заточение злостного «делателя».

А вот еще один, даже более трагический случай, приключившийся с женщиной-алхимиком Марией Циглерин. Когда она вопреки своим обещаниям не сумела предоставить герцогу Брауншвейг-Люксембургскому Юлию рецепт искусственного изготовления золота, тот приказал заживо сжечь ее в железной клетке (случилось это в 1575 году).

Доктор Парацельс

Среди наиболее знаменитых алхимиков эпохи Ренессанса следовало бы упомянуть аббата Иоганна Тритемия (Тритгейма) (1462—1516), личного врача курфюрста Бранденбургского, Леонарда Турнейсера (1530—1584), Джона Ди (1527—1607) и многих других. В их число можно было бы включить и лиц, известных иным родом деятельности: так, «*Центурии*» Нострадамуса, опубликованные в 1550 году, содержат ряд четверостиший, явно алхимических по своему смыслу³.

И все же, когда мы вспоминаем об алхимиках эпохи Ренессанса, на ум тотчас же приходит один персонаж — необыкновенный доктор Парацельс (1493—1541)⁴, которого прозвали «Лютером медицины».

Парацельс (настоящее имя — Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) родился в Эйзидельне, в Швейцарии. Его отец, служивший врачом на рудниках, коими владели братья Футтеры (знаменитые богачи того времени), стал его первым наставником.

С двадцати двух лет Парацельс вел жизнь вечного странника с перерывом лишь на два года, когда он занимал (встречая яростную оппозицию со стороны части врачебного корпуса) должность профессора Базельского университета, которую ему предоставили в качестве награды за успешное лечение Эколампедия, базельского гуманиста, друга Мартина Лютера. В четвертой книге «*Defensiones*» («Апология») Парацельс писал:

«Университеты всему не научат; врач должен обследовать не только добропорядочных женщин, но и бродячее племя цыган, разбойников и прочих людей, находящихся вне закона, — учиться везде и всему. Мы сами должны открывать то, что служит умножению знания, путешествовать, зачастую с риском для себя, собирая на пути все, что может быть полезно».

Жизнь Парацельса, имевшая трагический и таинственный конец (его убил собственный слуга), сама представляет собой настоящий авантюрный роман. Она была наполнена борьбой, ожесточенными сражениями, которые вел на протяжении всех своих дней этот обойденный милостью судьбы человек, постоянно сталкивавшийся с завистью, интригами, коварством и бешеной, ничем не сдерживаемой ненавистью.

Парацельс представляется нам, оценивающим его с исторической дистанции в несколько веков, подлинным новатором в области медицины. Он еще задолго до Самуила Ганемана применял базовый принцип гомеопатии: лечить подобное подобным. Он устанавливал взаимосвязь различных болезней с недостатком или избытком тех или иных химических компонентов организма. Он дошел даже до основ тех открытий, которые позднее будут сделаны в области психоанализа и психологии бессознательного. Действительно, в его трактате «*De virtute imaginativa*» («О силе воображения») можно прочитать:

«Человек имеет зримую мастерскую, каковой является его тело, и мастерскую незримую — собственное воображение. Солнце посылает свет, который, будучи неосязаемым и неуловимым, может нагревать до такого состояния, что возгорается огонь — благодаря концентрации [его лучей]; точно так же и воображение оказывает свое воздействие на свойственную ему сферу и способствует зарождению, а затем развитию форм, слагающихся из незримых элементов. Подобно тому, как мир есть продукт вооб-

ражения всемирной души, воображение человека (который сам является малой вселенной) может творить свои незримые формы, и они материализуются».

И тем не менее Парацельс, который представляется нам таким глубоким и смелым новатором в области обычной для его времени медицины, оказывается продолжателем давней традиции: он в общем и целом — наследник своих предшественников, врачей-алхимиков периода Средних веков. Он, как и они, усматривал, в частности, тесную связь между биологическими феноменами и положением планет на небосводе, устанавливаемое астрологией. Прочитируем его трактат «*Paramirum*» («Около-чудесное», книга III): «Медикамент, благотворно действующий в один период, может быть вредоносным в другой, сообразно господствующему влиянию планет».

Однако не должен ли и вправду врач, следуя логике Парацельса, учитывать — дабы лучше понять механизмы здоровья и болезни — взаимосвязи, существующие между телом, внешним миром с его различными сферами и ментальными реальностями? Прочитируем отрывок из трактата «*De fundamento sapientiae*» («Об основах мудрости»): «Бог макрокосма и Бог микрокосма воздействуют друг на друга; оба они, в сущности, одно, поскольку нет ничего, кроме одного Бога, одного закона и одной природы, через которые и может проявлять себя мудрость».

Набалдашник своей шпаги (в котором, как верили наивные простофили, был заключен дьявол!) Парацельс велел украсить выгравированным ключевым алхимическим словом *Azoth*, представляющим собой комбинацию первых и последних букв латинского (A и Z), греческого (Alpha и Omega) и древнееврейского (Aleph и Thau) алфавитов. Это слово, очевидно, должно было указывать на то, что адепт овладел тайным знанием начала и конца всех вещей.

В медицине Парацельса нашли свое отражение все виталистические взгляды философии средневековых алхимиков: «Архе* есть сила, сообщающая каждой вещи ее природу, отделяющая одну вещь от другой, дающая каждой из них присущую ей структуру»⁵.

И по сей день чарующий образ Парацельса, «проклятого врача»⁶, не перестает занимать и волновать воображение. В историческом романе Маргерит Юрсенар «*Философский камень*» главный герой — Зенон — в значительной мере имеет своим прототипом загадочную и притягательную личность «Лютера медицины».

* Архе (греч. *начало, принцип*) — первоначально единое вещество, изначальный принцип, нечто неизменное и непреходящее в череде явлений. (*Прим. пер.*)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: АЛХИМИКИ И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

Средневековые алхимики, выходявшие за пределы реально допустимого и достоверного, в воображении народной массы ассоциировались со всем самым таинственным, самым необычным. Не случайно и тамплиерам, имя которых было у всех на устах, волей-неволей приписывалось обладание чудесными секретами трансмутации металлов.

А может быть, узкий круг начальников ордена тамплиеров и вправду владел этими секретами?

В действительности же огромные богатства, которыми владели и распоряжались рыцари-монахи в белых плащах, могли быть, по мнению историков, накоплены и без гипотетического обладания секретами трансмутации металлов. Вспомнить хотя бы о том, что они создали самую могущественную банковскую империю эпохи Средних веков.

Упомянем в качестве некоего курьеза (ибо это представляет собой типичный образец утверждения, не поддающегося, с точки зрения рационального исторического исследования, проверке), что таинственный современный алхимик Фульканелли будто бы владел *герметическим кольцом*, первый обладатель которого, некий аббат цистерцианского монастыря, примыкавшего в XII веке к Аннебонскому (в

Бретани) командорству тамплиеров, мог быть посвященным (о чем свидетельствуют выгравированные на кольце символы) в их великие секреты*.

Следует ли в принципе отвергать романтические утверждения о связях алхимиков с загадочными тайными обществами (которые в воспаленном воображении ассоциируются с Прагой, Венецией и другими городами, наделенными магическим ореолом) с их странными символическими ритуалами?

В XX веке Фульканелли ссылаясь на тайное общество *Братьев Гелиополиса*, которое постепенно формировалось во II веке н. э. в Египте, в эпоху александрийских алхимиков.

Одной из примечательных фигур в истории тайных алхимических обществ был король Шотландии Яков IV (XV век). Герметическая традиция утверждает, что он вовсе не погиб в битве на Флодденском поле (его тело так и не было найдено), а обрел бессмертие, уготованное адептам¹.

Впрочем, были найдены аутентичные документы, сохранившиеся в Венеции, принадлежащие тайному обществу *«Воархадумия»*, действовавшему в 1450—1490 годах, но не в самом городе-республике (где находился лишь его руководящий центр и где проживали его главные члены), а за пределами принадлежавшей ему территории, в других странах². Среди членов этого тайного братства был и один из самых знаменитых британских алхимиков, августинский каноник Джордж Рипли (1415—1490).

Напомним еще раз и о связях Иеронима Босха с *«Братьями вольного духа»*, тайным гностическим обществом алхимиков.

Документ, подлинность которого сомнительна — *«Книга огненного крещения, или Тайный устав»*³, представляет собой, как полагают, тайный устав узкого круга членов ордена тамплиеров и содержит следующее положение (статья девятнадцатая, часть третья):

* Как утверждает его духовный сын Эжен Канселье.

«О занятии искусством». Мы постановляем и предписываем не обрабатывать посредством философического искусства определенные материалы, а именно не доводить простые металлы до их подлинного вида, не превращать их посредством упомянутого искусства в подлинное золото и серебро...»

Что касается «секретов», подлинных или мнимых, ордена тамплиеров, то и спустя века после процесса над ним воображение неумоимо представляло их в самом таинственном свете. Относительно же «тайной подземной часовни», которую Роже Ломуа обнаружил под главной башней замка Жизор⁴, делались самые фантастические «открытия». Вот одно из них, которое мы приводим со всеми надлежащими оговорками: будто бы в усыпальнице этой дивной подземной часовни рыцари в белых плащах прятали свои огромные запасы монет, отчеканенных из «алхимического» золота. Это фантастическое сокровище будто бы, согласно данной версии легенды, тайно перевезли во Французский банк! Этим, мол, и объясняется упорное замалчивание властями данного открытия.

Стоило бы посвятить специальное исследование популярным преданиям и легендам, в той или иной мере касающимся алхимии. Например, содержанием некоторых рассказов является магическое бессмертие. Так, Жак Йонне сумел записать⁵ в старинном квартале близ улицы Муффетар и вокруг площади Мобер весьма примечательную легенду времен средневекового Парижа о волшебных часах, которые заключают в своем механизме кровь и частицы плоти их владельца (нетрудно угадать классический принцип магии). Их стрелки вращаются в обратном направлении, позволяя организму обладателя переживать обратный ход времени, постоянно омолаживаясь, однако с тем неизбежным последствием (жестокая расплата за это чудо), что в конце концов достигается младенчество и «нулевая точка» жизни.

* Имеется в виду алхимия. (Прим. пер.)

Мы уже отмечали, что история алхимиков отнюдь не заканчивается в конце Средних веков и эпохи Ренессанса. Разве и в конце XX века нет людей, которые продолжают предаваться исканиям на пути Великого Делания, причем с таким же упорством, как и их великие средневековые предшественники?

В августе 1972 года Эжен Канселье, духовный сын таинственного Фульканелли, заявил, что уже пятидесятый год работает в своей лаборатории — упорство, достойное того, что в свое время демонстрировали Бернар Тревизан и другие средневековые адепты!

Правда такова, что даже и с научной точки зрения алхимик перестал рассматриваться *a priori* — как это было сразу после открытий Лавуазье, основанных на догме о строго *простом* (и, следовательно, неразложимом) строении металлов — в качестве фантазера, пытающегося осуществить нечто заведомо невозможное. Профессор Пьер Менар осмелился даже дать конференции, проводившейся в университете Бордо, следующее название: «*Можно ли говорить о современной алхимии?*»⁶

Следовало бы также отметить, что цели алхимии действительно отвечают мечтам и устремлениям, которые, очевидно, прекратятся лишь вместе с родом человеческим. Во все времена те же самые мифы, те же чарующие легенды вновь и вновь возникают в воображении людей. И может быть — да позволят нам это читатели — уместно будет высказать в конце нашей книги одну парадоксальную мысль: разве мы по сути своей не являемся все еще (что касается мечтаний и мифотворчества) в той или иной мере «людьми Средних веков»? С теми же самыми навязчивыми идеями, с теми же сказочными надеждами, что и наши предки...

Исследование вопроса о том, какое отражение нашла деятельность средневековых алхимиков в современной литературе, не является задачей нашей книги. Эта тема особенно активно разрабатывалась в эпоху романтизма. Однако увлечение средневековыми алхимиками не прошло и в наши дни. Стоит лишь

привести один весьма показательный пример — роман Б. Р. Брюса *«Свинцовая статуэтка»*⁷. Автор (француз, несмотря на свой англо-саксонский псевдоним) комбинирует в нем фантастику в чистом виде с темой современной научной фантастики — путешествиями во времени: интрига развивается одновременно в Париже времен Карла VI (в эпоху Николя Фламелья), описание которого, кстати говоря, превосходно, и в наши дни. Как и полагается, тема ухода Николя Фламелья от смерти (вполне ожидаемый сюжетный ход) находит свое место в фабуле романа.

Корреспондентка, которой уже нет в живых, мадам Ж. де Грация⁸, сообщила автору об открытии, сделанном ею в 1964 году в крупном пригороде восточнее Парижа, подвала, где в Средние века была оборудована алхимическая лаборатория — со всеми полагающимися приспособлениями, сосудами и прочим инструментарием.

Среди знаменитых людей, увлекавшихся алхимией много позже эпохи Средних веков, следует назвать великого Исаака Ньютона собственной персоной, который уделял немалую часть своего времени не только чтению и комментированию герметических трактатов, но и самому *деланию* в лаборатории⁹.

В наши дни, как и в Средние века, рождаются самые фантастические легенды о людях, имеющих репутацию алхимиков. По этой самой причине было бы небезынтересно, дабы придать колорит нашему исследованию, напомнить некоторые из историй, распространяемых о Фульканелли. Сама его личность остается загадочной. Его духовный сын Эжен Канселье всегда отказывался приоткрыть завесу над этой тайной. Высказывались различные предположения относительно того, кто скрывается под этим псевдонимом: художник Жан-Жюльен Шампань (автор рисунков к двухтомному изданию трудов Фульканелли); писатель Рони-Старший, автор знаменитого романа *«Огненная война»* (действие которого разворачивается в доисторические времена) и ряда научно-фантастических рассказов, однако менее известен тот факт, что он интересовался алхимией; па-

рижский книготорговец Дюжоль де Валуа, собравший весьма значительную библиотеку по оккультизму XIX—XX веков, или его брат-близнец, который провел вторую половину своей жизни в Брюсселе¹⁰, инженер компании «Газ де Пари», с которым Жак Бержье поддерживал отношения незадолго до Второй мировой войны; Пьер де Лессеп (один из троих сыновей строителя Суэцкого канала), чем может объясняться сходство герба Фульканелли (представленного на последней странице его трактата «*Тайна кафедральных соборов*») с гербом семейства Лессепов...

Среди наиболее фантастических предположений встречаются и такие: под именем Фульканелли скрывается не кто иной, как сам граф Сен-Жермен и даже Николя Валуа, адепт XV века¹¹. По окончании немецкой оккупации Франции стали распространяться удивительные слухи о том, что таинственный *Белый кавалер*, или *Белый шевалье*, руководитель сети активного сопротивления на юге Франции, являлся не кем иным, как Фульканелли.

Писатель Жильбер Гадоффер использовал эту тему в своем романе «*Ордалии*»: в момент штурма немцами замка, в котором располагалась секретная штаб-квартира *Белого кавалера*, он, а вернее говоря Фульканелли, бесследно исчез.

Несомненно, сейчас алхимия более, чем когда-либо, в моде, причем возникает в самых неожиданных местах. В «*Таверне Николя Фламель*», устроенной во втором из домов, коими владел, как уже упоминалось выше, знаменитый алхимик, помещаются сразу три ресторана с названиями, непосредственно связанными с историей алхимии: «*Жак Кёр*», «*Атанор*» (на вывеске которого символическим образом представлено изображение знаменитой герметической печи) и «*Алхимик*».

Туристические фирмы и культурные кружки организуют как групповые обзорные экскурсии по алхимическим местам старого Парижа, так и более детальные ознакомления с алхимическими скульптурами собора Парижской Богоматери, используя в качестве путеводной нити труд Фульканелли «*Тайна кафедральных соборов*».

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ *Husson B.* Deux traité alchimiques du XIX siècle. Paris, Omnium littéraire, 1963.
- ² Additional MS 10302. Лист 37 об.
- ³ Существует несколько копий, хранящихся в Цюрихе и Ватикане.
- ⁴ *Deux traités alchimiques du XIX siècle.* P., 1963.
- ⁵ *Canseliet E.* Alchimie. P., 1964.
- ⁶ Исследование с фотографиями: *Hartlaub G. F.* Der Stein der Weisen. München, 1959.
- ⁷ *Lewis H. S.* Manuel rosicrucien. P., 1958. P. 191.
- ⁸ *Alleau R.* Aspects de l'Alchimie traditionnelle. P., 1953. P. 117.

Истоки алхимии

- ¹ *Alleau R.* Aspects de l'alchimie traditionnelle. P., 1953.
- ² *Éliade M.* Forgerons et alchimistes. Paris, 1956.
- ³ Предисловие к томам серии «Bibliotheca Hermetica», выпущенной издательствами Denoël и Retz.
- ⁴ *Maspero H.* Taoism and Chinese religion. Amherst: University of Massachusetts Press, 1981; Le taoisme et les religions chinoises. P., 1971.
- ⁵ *Figuier L.* L'alchimie et les alchimistes. P., 1854; 1860 (переиздание); критическое переиздание — Рене Алло (1970).
- ⁶ См. статью «Алхимия» Рене Алло // *Encyclopedia Universalis.* T. 1. P., 1970.

Лаборатория

- ¹ *Hutin S.* Histoire des Rose-Croix. P., 1971.
- ² *Pohl H.* L'homme à la poursuite du temps. P., 1957.
- ³ *Carl R.* Concordances alchimiques. P., 1968. P. 19.
- ⁴ Латинская рукопись № 8222.
- ⁵ *Bachelard G.* La formation de l'esprit scientifique. P., 1962.
- ⁶ *Klossowski de Rolla.* Alchimie. P., 1974.
- ⁷ *Basile Valentin.* Douze clés de la Philosophie. / Ed. E. Canseliet. P., 1953. P. 155.
- ⁸ Op. cit. P. 81.
- ⁹ *Cosmopolite.* Nouvelle Lumière chimique. P., 1649.
- ¹⁰ *Alleau R.* Aspects de l'Alchimie... P. 53.
- ¹¹ *Artaud A.* Le Théâtre et son double. P., 1938. P. 54.
- ¹² P.U.F., 1951.
- ¹³ *Panofski D., Panofski E.* Pandora's Box; the Changing Aspects of a Mythical Symbol. N. Y., 1965.
- ¹⁴ Перевод Ив Милле: // «*Études traditionnelles*» 1953. № 6—7. § 30.
- ¹⁵ *Lewis R. M.* Le Sanctuaire intérieur. Éditions rosicruciennes, 1958. P. 122.
- ¹⁶ *Éliade M.* La chamanisme et les techniques archaïques de l'extase. P., 1951.

- ¹⁷ *Colonna F.* Le songe de Poliphile / Éd. B. Guéyan, P., 1926.
¹⁸ *Colquhoun I.* Goose of Hermogenes. L., 1961.
¹⁹ *Vicot P.* Le grand Olympe / Bibliothèque de Rennes. Manuscript № 160. Лист 124.

То, что делалось

- ¹ Le Roman de la Rose. P., 1949.
² *Bergier J.* L'espionnage industriel. P., 1972. P. 33.
³ *Saint Thomas d'Aquin.* Traité de l'essence des minéraux.
⁴ Обширная таблица этих знаков и символов: *Alleau R.* Aspects de l'Alchimie...
⁵ Алхимики охотно прибегали с этой целью к использованию анаграмм. Примеры названий, которые использовал Бернар Тревизан в «Зеленом сне»: *Seganissegede* (*Génie des Sages*, Гений Мудрых); *Tripsarecopsem* (*Corps, âme, Esprit*, тело, душа, дух); *Elesel Vassergusine* (*Les signes, le Verseau*, знаки, Водолей).
⁶ *Jung C. G.* Psychologie et alchimie P. 372.
⁷ «Немая книга» не раз переиздавалась, во Франции в последний раз под нашей редакцией в 1966 году и в книге *Canseliet E.* L'Alchimie et son Livre Muet. P., 1967.
⁸ *Maier M.* Arcanum hermeticae Philosophiae Opus. Oppenheim, 1618. Canon XII.
⁹ Цит. по: *Waldstein A.* Lumières de l'alchimie. P., 1973. P. 226.
¹⁰ *Berthelot M.* Collection des anciens alchimistes grecs. P. 535.
¹¹ Имеется в виду Божественное слово.
¹² Из источника молодости (он фигурирует на картине «Рай», написанной Иеронимом Босхом для своего Лиссабонского триптиха).
¹³ В этой связи уместно напомнить о продолжительных ночных богослужениях монастырской братии.
¹⁴ Правда, они изготовлены в конце XV — начале XVI века, в период, который можно рассматривать как переходный от Средних веков к Новому времени.
¹⁵ Имеется в виду то, что называется «потусторонним миром», миром мертвых.
¹⁶ По проблеме нумерологии можно рекомендовать классическую книгу Папюса: *Papus.* La science des nombres. P., 1973.
¹⁷ Идея воздействия на материю вибрационными ритмами с научной точки зрения вовсе не абсурдна. Возможно раздробить стекло на кристаллы, если узнать тон, который бы соответствовал критической (разлагающей) частоте этого материала.
¹⁸ *Waldstein A.* Lumières de l'alchimie. P., 1973. P. 218—219.
¹⁹ В действительности это был первый этап Великого Делания вообще как процесса в целом.
²⁰ Его называли также *квинтэссенцией* или *красителем*.
²¹ В действительности речь идет о наблюдениях, которые делались в различные моменты приготовления и использования философского камня.
²² *Figuier L.* L'alchimie et les alchimistes. P. 36.
²³ Известен также как Жан из Роктайяды.
²⁴ *Page A.* Les compagnons d'Eleusis. P., 1975.
²⁵ Очевидно, с целью напомнить о том, что философский камень должен осуществлять *трансмутацию* до бесконечности.

²⁶ Древняя мера веса.

²⁷ Цит. по: *Husson B. Transmutations alchimiques*. P., 1974. P. 75.

²⁸ Там же. P. 76.

²⁹ *Figuier L. L'alchimie et les alchimiste*. P. 3. Chap. II.

³⁰ *Husson B. Transmutations alchimiques...* P. 55.

³¹ Что породило легенду, приписывающую ему изобретение артиллерийского пороха, в действительности известного в Китае задолго до него.

³² *Lenep J. van. Art et Alchimie*. Bruxelles, 1966. P. 19.

Медицина — а что помимо нее?

¹ Его настоящее имя — Абу Джали Хусейн ибн Абдилла ибн Сина. После перевода в XII веке его трудов на латинский язык в Европе он стал известен как *Авиценна*.

² Родился в Вильнев-лез-Авиньон, неподалеку от Авиньона, на другом берегу Роны, или в Вильнев-Лубе (близ Грасса).

³ Французское название сурьмы, *antimoine*, возникло после летального исхода при попытке лечения ею монахов.

⁴ *Basile Valentin. Les Douze Clés de la Philosophie...* P. 81.

⁵ *Muvres de Flamel*. P., 1973. P. 203—204.

⁶ *Euclat P. Voyage dans la Grèce, l'Asie Mineure, la Macédoine et l'Afrique*. P., 1712.

Алхимики в средневековом обществе

¹ P., Éditions Retz, 1975 (серия «Bibliotheca Hermetica»).

² В средневековой латыни врачи обозначались словом *physicus*, под которым отнюдь не подразумевались физики в современном смысле.

³ «Желанное желание» Николя Фламель, «Книга Света» Жана де Рупессиса, «Двенадцать ключей философии» Василия Валентина.

⁴ На Западе в Средние века доля профессиональных нищих в деревне и городах была не меньше той, что сейчас можно наблюдать в восточных странах.

⁵ В Средние века многие представители белого духовенства сожительствовали со своими служанками (конкубинат), вследствие чего проводилось различие между простым *целибатом* белого духовенства и *непорочностью* монашества.

⁶ Приведенное в романе Юго «Собор Парижской Богоматери» колоритное описание нравов и обычаев парижских уличных бродяг, собиравшихся на так называемом Дворе чудес, исторически достоверно.

⁷ Можно назвать англичанина Джорджа Рипли (1450—1490), каноника из Бридлингтона.

⁸ *Hutin S. Voyages vers ailleurs*. P., 1962; *L'amour magique*. P., 1971; *Les secrets du tantrisme*. P., 1973.

⁹ *Eliade M. Le Yoga: immortalité et liberté*. P., 1954; *Элиаде М. Йога: Свобода и бессмертие*. Киев; М., 2000.

¹⁰ Этим (то есть причинами магического, а не «контрацептивного» порядка), очевидно, и объясняется бездетность почти всех без исключения подобного рода супружеских пар.

¹¹ *Hutin S. L'immortalité magique. P., 1971.*

¹² См. издание 1965 года, подготовленное Клодом Сеньолем и Пьером Бельфондом; *Лорис Г., Мен Ж. Роман о розе. Ростов н/Д., 2001.*

¹³ Вот два примера: «*Как делать людей без головы*» (упомянутое выше издание «*Большого Альберта*». С. 125); «*Как заставить девицу танцевать в одной сорочке*» (то же издание, «*Малый Альберт*». С. 245).

¹⁴ Там же на с. 334 встречается параграф, в котором цитируется Василий Валентин (XV век).

¹⁵ Он даже происходил по прямой линии от древнего короля Майорки, своего родного острова.

¹⁶ Нам удалось увидеть у нашего старинного приятеля Валанте-на Брея «машину Луллия».

¹⁷ *Poisson A. Nicola Flamel, sa vie, ses foundations, ses œuvres. P., 1893.*

¹⁸ *Larguier L. Le faiseur d'or, Nicolas Flamel. P., 1971. (Переиздание.)*

¹⁹ *Canseliet E. Nicolas Flamel // La tour Saint-Jacques. 1956. № 2—3.*

²⁰ *Steinschneider M. Abraham ibn Ezra // Zeitschrift für Mathematik und Physik. Supplément V. V. 25. 1880.*

²¹ *Ceuvres de Nicolas Flamel. P., 1970.*

²² Такое мнение высказал, в частности, наш друг Эжен Канселье.

²³ *Canseliet E. Nicolas Flamel // La Tour Saint-Jacques. № 2. Janvier-février. 1956. P. 20.*

²⁴ О башне Сен-Жак: *Flamand É.-C. La tour Saint-Jacques. P., 1973.*

У сильных мира сего

¹ *Carrington H. Contribution of Alchemy to Numismatics. N. Y., 1890; см. также статью Болтона (Bolton) // Revue numismatique. Volume XII. P., 1867.*

² Цит. по: *Figuiet L. L'alchimie et les alchimistes. P. 170.*

³ *Canseliet E. Jacques Cœur // La Tour Saint-Jacques. № 8. Janvier-février. 1957.*

Перед лицом церкви

¹ См. любое издание классического учебника: *Gilson É. Histoire de la philosophie médiévale.*

² *Фома Аквинский. Сумма теологии. II. Вопрос LXXVII. Статья 2. Ему также приписывается «Трактат о философском камне».*

³ *Jacques Bergier. Les extra-terrestres dans l'histoire; Он же. Les Livres maudits. К ряду выводов этого автора следует отнестись критически; H. Bridges. The Life and Work of Roger Bacon. L., 1914.*

⁴ Глава XVI. С. 305—306.

Адепты и средневековое искусство

¹ *Hartlaub G.-F. Der Stein der Weisen. Wesen und Bildwelt der Alchemie. München, 1959; Lennep J. van. Art et alchimie. Bruxelles, 1966; Klossowski de Rolla S. Alchimie. P., 1974.*

² *Fulcanelli. Le mystère des cathedrales. P., 1964.*

³ Эта статья, подписанная псевдонимом *Philophotes*, была опубликована в феврале 1893 года. Позднее была переиздана: // *L'initiation. 1975. № 4.*

⁴ *Carmy L. Notre-Dame de Paris // Atlantis. 1969.*

⁵ Напомним, что до проведения бароном Османом работ по реконструкции Парижа паперть собора Парижской Богоматери была значительно меньших размеров, благодаря чему при выходе к собору из узких улочек открывался грандиозный вид фасада.

⁶ Она должна была олицетворять собой победу света над темными силами материи — побежденными, упрощенными, но не уничтоженными.

⁷ Он служил также символом тигля («сухой путь» Великого Делания).

⁸ Точно такие же колбы были изображены на пьедестале статуи Антуана из Эссара.

⁹ Мифологическое предание приписывает этому земноводному способность проходить без вреда для себя сквозь огонь.

¹⁰ *Fulcanelli. Le Mystere des cathedrales et l'interpretation isoterique des symboles hermetiques du grand oeuvre. P., 1964; Фулканелли. Философские обители и связь герметической символики с сакральным искусством и эзотерикой Великого Делания: в сопровождении предисл. к первым трем изд., выполн. Эженом Канселье, ил. Жюльена Шампаня и новых фот. Фулканелли. М., 2003.*

¹¹ У него, разумеется, были дома и в других частях королевства, например в Монпелье.

¹² Церковное облачение, своего рода короткая накидка, надевавшаяся епископом во время торжественной мессы. В рассматриваемом сюжете на витраже часовни не следует подозревать богохульство: в Средние века ежегодно справлялся «праздник дураков», местом действия которого становились церкви.

¹³ Шутовская погремушка (жезл с гротескной головой и лентами с бубенчиками на конце) представляла «скипетр», который держал шут, передразнивая государя. Алхимики любили подобного рода аллюзии на *глупость*, как это понимали профаны, их возвышенного знания, по своему глубинному смыслу представлявшего собой *мудрость*.

¹⁴ Воображение рисует картину проводившихся там настоящих «семинаров» адептов, а также ритуальных собраний тайного герметического общества.

¹⁵ *Canselier E. Deux logis alchimiques. P., 1945; Duc de Dalmatie. Le Plessis-Bourré. P.,*

¹⁶ См. издание с фотографиями: *Une demeure philosophale au pays des volcans. Cheyrac, 1974.*

¹⁷ *Combes J. Jérôme Bosch. P., 1957.*

¹⁸ *Lennepe J. van. Art et alchimie. Bruxelles, 1966. P. 213.*

¹⁹ *Cohen G. La grande claret du Moyen Âge. P., 1946.*

Алхимики эпохи Ренессанса

¹ *Figuier L. L'alchimie et les alchimistes. P., 1970. P. 161.*

² *Op. cit. P. 174—176.*

³ *Hutin S. Prophéties de Nostradamus. P., 1971.*

⁴ Псевдоним *Парацельс (Paracelsus)* представляет собой перевод на латинский язык немецкой фамилии фон Гогенгейм (von Hohenheim): *para*, «около» и *celsus*, «высокий», то есть «на высоте», «на вершине».

⁵ Liber meteorum. Livre IV.

⁶ Если вспомнить о названии книги Рене Алланди: *Allendy R. Paracelse, le médecin maudit*. P., 1939.

Заключение: алхимики и тайные общества

¹ Colquhoun I. *Sword of Wisdom*. L., 1975. P. 112—113.

² Waldstein A. *Lumière de l'alchimie*. P. 82.

³ Обнаружен в 1780 году в Копенгагене, но опубликован лишь в 1877 году в Галле; воспроизводится по копии рукописи 1240 года.

⁴ Sède G. de. *Les Templiers sont parmi nous*.

⁵ Yonnet J. *Enchantements sur Paris*. P., 1954.

⁶ Материалы опубликованы: *Bulletin de la Société de Pharmacie de Bordeaux*. V. 97. 1958. P. 29—41.

⁷ Bruss B. *La figurine de plomb*. P., 1964.

⁸ Известна как автор детективного романа «*Колодец тамплиеров*» (1962).

⁹ Zafiropulo J., Monod C. *Sensorium Dei dans l'hermétisme et la science*. P., 1976. chap. XIV: «Newton et l'alchimie».

¹⁰ Семья Дюжоль де Валуа происходит от внебрачного, но официально признанного сына Карла IX от Мари Туше.

¹¹ Наиболее видная личность из трех алхимиков, обитавших в замке де Флер, о которых уже говорилось ранее.

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография по данной теме огромна и окажется еще более обширной, если мы попытаемся охватить все области истории, прямо или косвенно связанные с ней, поэтому мы сознательно ограничили свой выбор перечнем работ, которые позволяют читателю получить общее представление о различных аспектах проблемы.

- Alleau R.* Aspects de l'alchimie traditionnelle. P., 1953; статья «Alchimie» // *Encyclopædia Universalis*. P., 1969. T.1.
Bachelard G. *Psychanalyse du Feu*. P., 1962.
Bonarde P. *Philosophie de l'alchimie. Grand œuvre et modernité*. P., 1993.
Brogie M. de. *Le Sablier d'or*. P., 1970.
Burckhardt T. *Alchimie*. Olten, 1960.
Canseliet E. *Deux logis alchimiques*. P., 1945; переиздание: 1982; *Alchimie*. P., 1964; *L'alchimie et son Livre muet*. P., 1967; *L'alchimie expliquée par ses textes classiques*. P., 1972.
Carles J., Granger M. *L'alchimie*. P., 1972.
Caron M., Hutin S. *Les alchimistes*. 2 -éd. P., 1964.
Eliade M. *Forgerons et alchimistes*. P., 1956.
Figuier L. *L'alchimie et les alchimistes*. P., 1970.
Fulcanelli. *Le mystère des cathedrals*. P., 1964; *Les demeures philosophales*. P., 1964.
Ganzenmuller W. *L'alchimie au Moyen Âge*. P., 1975.
Graubard M. *Astrology and Alchemy*. N. Y., 1963.
Givry G. de. *Le Musée des sorciers, mages et alchimistes*. P., 1966.
Hartlaub G. F. *Der Stein der Weisen. Wesen und Bildwelt der Alchemie*. München, 1959.
Holmyard E. J. *L'alchimie*. Édition française chez Arthaud. P., 1963.
Husson B. *Deux traits d'alchimie*. P., 1963; *Antologie de l'alchimie*. P., 1971; *Transmutations alchimiques*. P., 1964.
Hutin S. *Histoire de l'alchimie*. P., 1971; *L'alchimie*. Collection «Que sais-je?». P.U.F. № 506; *La tradition alchimique*. P., 1978.
Jung C.C. *Psychologie et alchimie*. P., 1970.
Klossowski de Rolla S. *Alchimie*. P., 1974.
Kraft J.-G. *Poètes et faiseurs d'or*. P., 1940.
Lacarriere J. *La cendre et les étoiles*. P., 1973.
Lenep J. van. *Art et Alchimie*. Bruxelles, 1966; Переиздание: 1985.
Lippmann E. O. von. *Die Entstehung und Ausbreitung der Alchemie*. Berlin, 1919—54, 3 Bd.
Roger Loubert, Jean-Pierre Huc. «L'Alchemie» // *Univers de la parapsychologie et de l'Ésotérisme*. Éditions Martinsart, Romorantin, 1976. Vol. II. P. 305—410.
Marcard R. *De la Pierre philosophale à l'atome*. P., 1959.
Muraise E. *Le livre de l'ange*. P., 1969.
Poisson A. *Théories et symbols des alchimistes*. P., 1966. (Переиздание.)
Ranque G. *La Pierre philosophale*. P., 1971.
Read J. *Prelude to Chemistry*. L., 1936.
Ribadeau Dumas F. *Histoire de la magie*. P., 1971. (Переиздание.)

- Riviure P.* Alchimie: science et mystique. P., 1991.
Sadoul J. Le trésor des alchimistes. P., 1971.
Sebottendorf R. von. La pratique de l'ancienne Franc-Maçonnerie turque. Belgique, 1973.
Seligmann K. Le Miroir de la magie. P., 1960.
Stillman J.-M. The Story of Alchemie and early Chemistry. N. Y., 1960.
Taylor F.S. The Alchemists. L., 1951.
Waldstein A. Lumières de l'alchimie. P., 1973.
d'Ygé C. Anthologie de la poésie hermétique. P., 1946; Nouvelles assemblées des philosophes chimiques. P., 1954.

Литература на русском языке

- Алхимии золотые сны. М., 1995.
Василий Валентин. Двенадцать ключей мудрости. М., 1999.
Гермес Трисмегист. Изумрудная скрижаль / Пер. В. М. Алтухова // Изида. 1913. № 12.
Гофман К. Можно ли сделать золото? Л., 1984.
Гюго В. Собор Парижской Богоматери. — Любое издание.
 Даосская алхимия. СПб., 2001.
Жолливе-Кастелло Ф. Великое алхимическое делание // Изида. 1911. № 9—11.
Ларгье Л. Никола Фламель: В поисках золота. М., 1998.
Морозов Н. А. В поисках философского камня. СПб., 1909.
Орлов М. А. Алхимия. Пг., 1917.
Парацельс Ф. А. Т. Магический архидокс. М., 1997.
Рабинович В. Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979.
Садуль Ж. Сокровища алхимиков. М., 2000.
 Свинцовые врата алхимии: История, символы, практика. СПб., 2002.
 Теории и символы алхимиков. М., 1995.
Фламель Н. Алхимия. СПб., 2001.
Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1998.
Юнг К. Г. Психология и алхимия. М., 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Д. Балакин. Адепты тайного знания</i>	6
Введение	28
ИСТОКИ АЛХИМИИ	38
Легенда	38
Жреческая алхимия	39
Арабы	42
Цели алхимии	44
Искусство традиционное и священное	45
ЛАБОРАТОРИЯ	47
Обустройство помещения	47
Лаборатория и моельня	48
Приборы и инструменты	49
Первые шаги Великого Делания	54
О хороших наблюдателях	56
Техника, мистика и магия	64
ТО, ЧТО ДЕЛАЛОСЬ	75
Лабораторные операции	75
Цвета Делания	76
Первичная материя	77
Металлы, сложные вещества	79
Влажный путь и путь сухой	81
Средневековые «секреты»	83
Труды и бдения	84
«Изумрудная скрижаль»	87
Алхимия и астрология	88
Вновь обрести золотой век	89
«Тайный огонь»	92
Земной цикл	93
Три царства природы	94
Знаки и символы	96
Действия в моельне	98
Символические сны и сновидения	110
Алхимическая духовность	118
Аскеза ради озарения	119

Герметическое озарение	122
Средневековые свидетельства о свойствах, кои приписывались философскому камню	126
МЕДИЦИНА — А ЧТО ПОМИМО НЕЕ?	139
Врачи-алхимики	139
Авиценна	140
Арнольд из Виллановы	141
Предполагаемые способы лечебного применения философского камня	143
Баснословные предания о вечной молодости и бессмертии	148
АЛХИМИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ	150
Как становились алхимиками?	150
Сверху вниз по социальной лестнице	156
Алхимическая чета	161
Типы средневековых алхимиков-адептов: Альберт Великий	163
Раймонд Луллий	166
Николя Фламель и госпожа Пернелла	169
Василий Валентин	181
У СИЛЬНЫХ МИРА СЕГО	183
Счастье и несчастье алхимиков	183
Когда правители сами принимались за дело	186
Финансисты-алхимики	187
ПЕРЕД ЛИЦОМ ЦЕРКВИ	190
Легенды и реальность	190
Булла папы Иоанна XXII	192
Преследуемые алхимики: Арнольд из Виллановы и Роджер Бэкон	193
Паломничество в Сантьяго-де-Компостела	196
АДЕПТЫ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО	199
«Внутренние» художественные формы в средневековой алхимии	199

... и «внешне выраженные» формы: от кафедральных соборов до «философских обителей»	200
Произведения алхимического искусства	213
АЛХИМИКИ ЭПОХИ РЕНЕССАНСА	217
От Средних веков к Ренессансу	217
Эпоха, создавшая новые благоприятные возможности для делателей	218
Обратная сторона медали	220
Доктор Парацельс	224
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: АЛХИМИКИ И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА	228
В наши дни	231
Примечания	234
Библиография	240

Ютен С.

Ю 92 Повседневная жизнь алхимиков в Средние века/
Пер. с фр., вступ. ст. В. Д. Балакина. — М.: Молодая
гвардия, 2005. — 244[12] с.: ил. — (Живая история:
Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02734-5

Книга посвящена средневековой «науке наук» — алхимии. Как показывает автор, несмотря на тайный характер занятий алхимиков и вопреки расхожим представлениям об отреченности их деятельности, adepts использовали свою науку как средство познания и преобразования Божьего мира, оставаясь чаще всего в рамках ортодоксальной церкви. Повседневная жизнь алхимиков, их теории, символы, инструменты и лаборатории, а также вклад в экспериментальную химию, искусство, архитектуру и литературу ярко воссозданы знаменитым французским историком Сержем Ютеном.

УДК 133.5.54
ББК 86.42

Ютен Серж

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АЛХИМИКОВ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **И. А. Тихонюк**

Художественный редактор **А. Ю. Никулин**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Л. С. Барышникова, Г. В. Платова**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

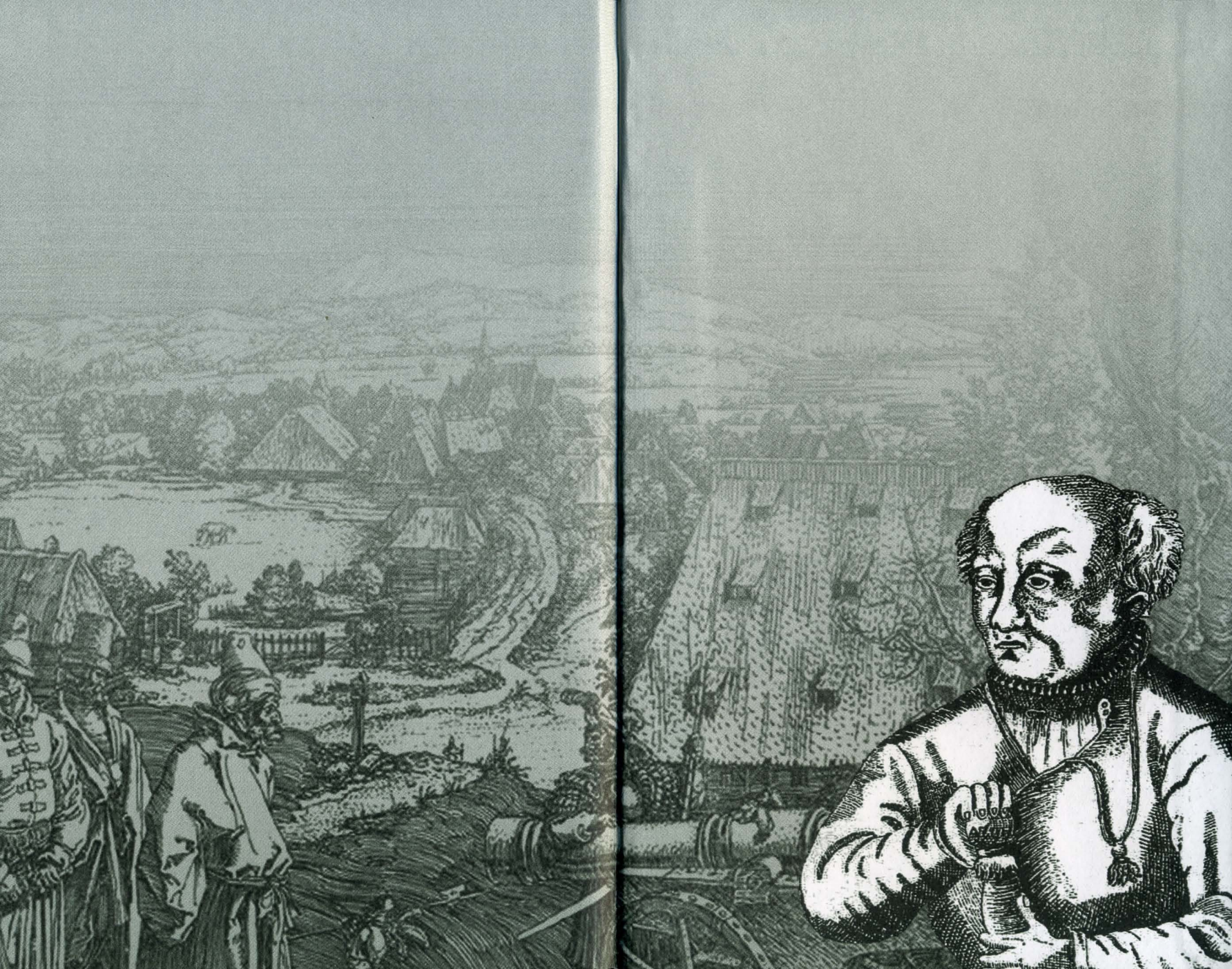
Сдано в набор 18.08.2004. Подписано в печать 31.01.2005. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл.-печ. л.
13,44+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 44208.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва,
Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02734-5

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

Л. Тихвинская

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТЕАТРАЛЬНОЙ БОГЕМЫ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Э. Драйтова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДЮМА И ЕГО ГЕРОЕВ

Е. Лаврентьева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДВОРЯНСТВА ПУШКИНСКОЙ
ЭПОХИ

П. Брюле

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЧЕСКИХ ЖЕНЩИН
В КЛАССИЧЕСКУЮ
ЭПОХУ

Э. Бартон

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АНГЛИЧАН В ЭПОХУ
ЕЛИЗАВЕТЫ I

ISBN 5-235-02734-5

9 785235 027343 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ